

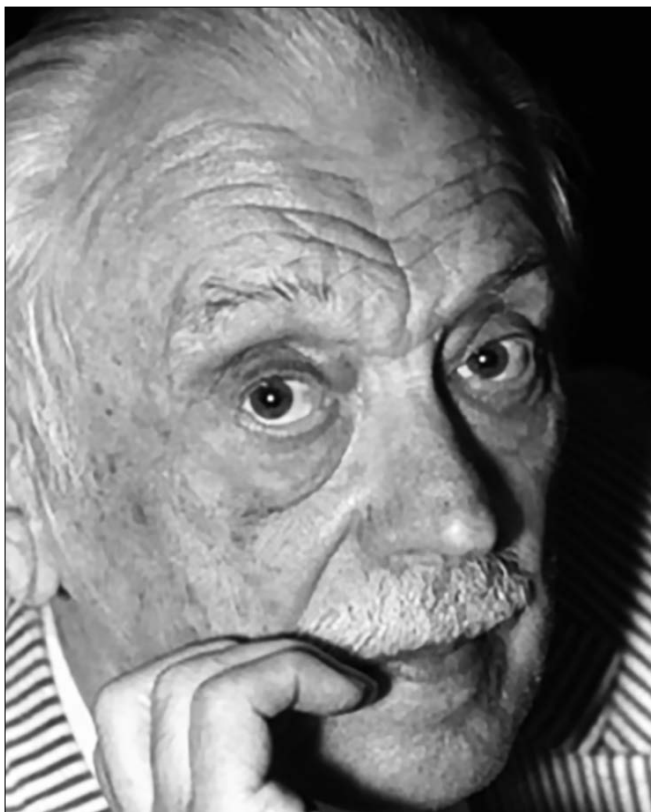
СИХОТЭ -АЛИНЬ

2013

Дальневосточный журнал

2

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИХАЛКОВ
(1913 – 2009)

Материал В.Тыцких
«На службу не навязывайся, от службы не отказывайся» –
на странице 100

СИХОТЭ -АЛИНЬ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2013

2

ВЛАДИВОСТОК

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА **НАРОДНАЯ КНИГА**
ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ СОВМЕСТНО
С ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
АКАДЕМИЕЙ ИСКУССТВ (РЕКТОР **АНДРЕЙ ЧУГУНОВ**)
РУССКИМ ГЕОГРАФИЧЕСКИМ ОБЩЕСТВОМ –
ОБЩЕСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ АМУРСКОГО КРАЯ
(ПРЕДСЕДАТЕЛЬ **ПЁТР БРОВКО**)

Директор программы **ЭЛЬВИРА КОЧЕТКОВА**
Шеф-художник **ДЖОН КУДРЯВЦЕВ**

Серия РАРИТЕТ. Двадцать шестая книга серии

Главный редактор **ВЛАДИМИР ТЫЦКИХ**

РЕДКОЛЛЕГИЯ

НИКОЛАЙ БЕРЕЗОВСКИЙ (Омск)
ЮРИЙ КАБАНКОВ (Владивосток)
ВЛАДИМИР КОСТЫЛЕВ (Арсеньев)
ВАЛЕРИЙ КУЛЕШОВ (Владивосток)
ВЯЧЕСЛАВ ПРОТАСОВ (Владивосток)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

ВЛАДИМИР ГАМАНОВ (Владивосток)
ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ (Псков)
ВЛАДИМИР КРУПИН (Москва)
ВАСИЛИЙ САМОТОХИН (Санкт-Петербург)
ЛИДИЯ СЫЧЁВА (Москва)
ГЕННАДИЙ ТУРМОВ (Владивосток)
ИВАН ШЕПЕТА (Владивосток)

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

ЕВГЕНИЙ АНТИПИН (Владивосток)
ЛЮДМИЛА БЕРЕСТОВА (Лесозаводск)
СВЕТЛАНА МАКСИМОВА (Севастополь)
ЮРИЙ МЕЛЬНИКОВ (Владивосток)
РИМ САМИГУЛИН (Владивосток)
СЕРГЕЙ ЧЕРНОБАЙ (Владивосток)

Дальневосточный журнал
СИХОТЭ-АЛИНЬ – 2013 – № 2 (14) – ВЛАДИВОСТОК

*Издан на пожертвования и средства,
вырученные за издания «Народной книги»*

© **НАРОДНАЯ КНИГА, 2013**
© **АВТОРЫ, 2013**

Александр ОРЛОВ

БОГИНЯ САМОУБИЙЦ

Окончание. Начало в №13

ПЕРСТ УКАЗУЮЩИЙ

11 сентября 2001 года, 8:44, борт «Боинга-757»

Крутой вираж, поставивший «Боинг» на крыло, вытряхнул людей из кресел.

Если за мгновение до этого пассажиров объединяли страх и покорность обстоятельствам, смешанные с ощущением нереальности происходящего, то сейчас словно ангел смерти вошёл в этот дюралевый ковчег. Его никто не видел, но он заглянул в душу каждому. Человек чувствует его присутствие, но не каждый мирится с ним.

Рванулся в кабину пилотов и упал, встреченный короткой очередью, кто-то отважный. Последнее, что он видел – труп молодого араба и распростёртые тела двух белых пилотов. Это были 52-летний Джон Огоноуский, первый пилот, и его 42-летний коллега Том Макгуинесс из Нью-Хемпшира. От виража сверху выбило куртки, свёртки, коробки и дамские сумочки. Высвободились и заплясали над головами пассажиров кислородные респираторы – на прозрачных, похожих на больничные катетеры, шлангах.

После выстрелов пассажиры кинулись в хвост самолёта по людям, упавшим в проход. Попытавшаяся их остановить стюардесса, с глазами цвета слив, была смята этим напором...

Выверяя направление и высоту полёта, в кресле первого пилота сидел аль-Масуд. Ему было всё равно, что творится позади. Завораживая, не давая ответи взгляда, на него наплывала сияющая в утреннем солнце стена с прожилками стали.

Она заслоняла горизонт, небо, жизнь.

11 сентября 2001 года, 8:50, Нью-Йорк

– Ой, чей же такой хорошенький? – молоденькая официантка с кокетливой бумажной короной на голове, на которой сиял золотой вензель ВТЦ, присела к малышу. – Как тебя звать, бэби?

Малыш годиков четырёх прятался за отца. Из-за тщательно отутюженной чёрной штанины смотрели агатовые раскосые глаза. Ручонка крепко сжимала дорожную материю.

– Нарушишь мне весь парад. Ли, отцепись!

Подняв взгляд, Катрин рассмеялась:

– Хеллоу, мистер Каро. Рада видеть вас после отпуска. Как путешествовали?

– Привет, Кэт. Спасибо, отлично! Вот, не на кого было оставить. – Развёл

руками рослый мужчина. – Наша мамочка задержалась на сутки в Киото. Мы найдём Ли укромное местечко, чтобы он не мешал гостям?

– Конечно, мистер Каро. Поручите его мне. А лучше отдайте мне его навсегда, он такой хорошенький!

Играя, она сделала движение в сторону маленького Ли. Тот пискнул, в глазах плясали смешинки. Кэт ему тоже нравилась.

– Пойдём, самурай! – протянула ему руку Катрин. – У меня уйма времени до обеда. Я покажу тебе с высоты птичьего полёта весь Нью-Йорк. Мы будем с тобой как птицы...

– Тебе, Ли, какого мороженого? Клубничного или шоколадного?

Малыш радостно тянул руку к вазочке, наполненной выше краёв. Юная официантка протягивала ему лакомство.

Обоих заливал солнечный свет...

Потом – удар. Откуда-то из преисподней.

В природе нет звуков, которые можно поставить рядом с теми, которые может порождать человек. Начиная с ружейного выстрела, с удара летящих друг на друга машин, когда в клубах дыма и пламени летят к небу колёса, бамперы, души...

«Боинг-757» превращался в звук и огонь. Рвались струны тросов, горел бетон, плавился металл конструкций, рассчитанный на самые дикие природные перегрузки.

Созданное человеком не может устоять перед человеком. Удар – и с противоположной стороны башни вырвался огненный шар...

09:17, Нью-Йорк, Либерти Исланд

Отсюда, с набережной острова Свободы, башни Всемирного торгового центра представляли как на ладони. Хрестоматийный штамп великой державы. Этой панорамой начинался едва ли не каждый второй американский боевик. Миллионы туристов развозили этот вид по своим большим и малым, роскошным и не очень городам и странам. Небоскрёбы отливали тёмно-синим цветом. Мощь и слава, симфония могущества, непоколебимости.

Удар самолёта пришёлся в верхнюю часть Северной башни.

Ветер раздувал белые одежды человека, наблюдавшего это с набережной. Такой день ему сам Предстоящий велел встретить в одежде предков.

На скамейке лежал бинокль. Но ему сейчас не нужен бинокль. Он и без него видел, как на таран башен заходил второй самолет...

09:30, Южная башня ВТЦ

Новый удар... Анни и Бари он застиг на восемьдесят седьмом этаже. Трагедия северной башни только что разворачивалась у них на глазах – окна выходили как раз на север.

Когда прошёл первый шок от зрелища, служащие бросились к выходу. Их остановил голос по общей трансляции:

– Просьба всем сохранять спокойствие! Оставайтесь на местах...

И вот теперь ударило где-то в их башню. Тяжёлый удар выбил пол из-под ног, посыпались стёкла из окон, погас свет. Едкий чёрный дым, копоть с густым запахом керосина захлестнули этажи.

– Анни! – подхватил с пола женщину Бари. – Быстрее!..

Они выскочили на площадку в холл. Лифты не работали. По запасной лестнице бежали люди. Только они ломились не вниз, а вверх – с нижних этажей.

– Наверх!

Её подхватил поток и понёс. Обернувшись, она увидела, что Бари рядом, но тонет в людском месиве.

– Бари, Бари, дай мне руку!..

Она дотянулась до него. Его рот был перекошен, глаза широко раскрыты. Но в них не было жизни. Сердечный приступ.

Через мгновение Бари ушёл из рук.

Ещё через мгновение и её смяла толпа. Она уже не могла противостоять ей, когда Анни кто-то подхватил и поднял на руки.

Она увидела знакомое лицо. Это был бизнесмен из России, офис которого соседствовал с её компанией. Она помнила его фамилию – Сторожук.

– Сюда! – рванулся он на очередном этаже.

Ей было уже всё равно, только бы не быть раздавленной людоворотом.

Качаясь на подгибающихся ногах, она прошла пустой коридор, толкнула двери в такой же офис, как и на их этаже. Здесь было пусто, и не было дыма.

Перед высypавшимся окном, в проёме, за которым простирался город, они остановилась.

Нью-Йорк. Там, за рваными клочьями дыма, за мостами и автострадами – её дом в Джерси. Там её сын, муж.

Её сотовый был с нею.

Как последнюю надежду она ждала соединения.

– Алекс, это я!

– Анни!

– Здесь такое, Алекс! В наше здание...

– Я знаю, Анни! Я давно звоню тебе. Ты где? Ты в безопасности?..

– Алекс, я... Я люблю тебя и Эдди...

– Я еду к тебе, Анни! Ты жди меня! Ты ничего не бойся. Если тебе будет страшно, звони мне...

– Я люблю тебя, Алекс! – слёзы катились по её щекам. – Я люблю...

Опустив трубку, она вытерла слёзы.

Она будет ждать. Она никуда не двинется. Её спасут. Её не могут не спасти...

Там, внизу, люди. К ней уже спешат на помощь. Все – спасатели, пожарные, Алекс. Вся её страна, которую она так любит. Если любишь сильно, по-настоящему, тебя не обманут. И её родители сейчас тоже едут к ней. Из Канзаса. Мама и отец – на своем красном стареньком грузовичке. А кто это с ними? Это мистер Крауфорд, её школьный смотритель.

– Мистер Крауфорд, я здесь, – шептала Анни. – Я уже давно никуда не опаздываю. Но и вы не опоздайте, пожалуйста, мистер Крауфорд!..

10:17, Манхэттен

Застрявшие в пробках машины скорой помощи и пожарных беспомощно гогосили на все лады...

Бегущие от здания люди прятались за стены домов, крылья машин, пожарные гидранты...

– Пустите меня! Там мой сын! Сын! – рвалась из рук чёрная старуха. – Пустите меня к нему!..

– Рон, ты где?! – в трубке телефона голос Джона Баротти взвизывался до высот, не подвластных Паваротти.

– Я в аду! И как раз перед главным чаном! – отвечал Маклейн.

Светопреставление застало его в квартале от «близнецов».

Обе башни вздымались как две свечи посредине заваленного посудой стола. Чадили и стреляли копотью.

Бросив на сиденье телефон, на ходу цепляя на кармашек выходного костюма бейджик ФБР, Маклейн выскочил из машины.

– Что вы раззявили рты?! – кинулся он к двум полицейским. – Гоните всех отсюда! Дальше от здания!..

Вместе с полицейскими принялся разгонять людей. Загипнотизированные проходящим, они были не в силах отвести глаз от величественного зрелища.

– Куда, падре?! – схватил за рукав благообразного священника Маклейн.

Человек был старше его, он направлялся к горящим зданиям.

– Пусти меня, сын мой. Я должен там быть. Я священник. Там страждут люди...

– Подожди, отец, – растерялся Маклейн. – Я не могу туда вас пустить одного. Я провожу вас...

Крикнув полицейским, чтоб поворачивались, Маклейн поспешил со стариком к подошве Северной башни.

– Кто вы? – ему захотелось знать имя этого человека.

– Меня зовут отец Майкл. Майкл Джадж, я из францисканской обители, – махнул тот рукой в сторону Беркли-стрит.

– Это уже конец света, отец Майкл? – не смог удержаться Маклейн и взглянул вверх. Оттуда нарастал гул. Северная башня начала рушиться, складываться и ссыпаться...

12:01, Вашингтон, Белый дом

– На проводе президент, – наконец доложил офицер связи.

Кандолиза Райс взяла трубку.

– Что там происходит? И кто у аппарата? – услышала она голос Буша.

– Ваш помощник по национальной безопасности. С вами всё в порядке, господин президент? Вы в безопасности? Мы очень волновались, с вами не было связи... Рядом со мной министр обороны, начальник объединённых штабов, директор ЦРУ, директор ФБР...

– Кто-нибудь мне может объяснить, что происходит?

– В полном объёме этого сейчас вам не скажет никто, – держала удары Райс. – Самолётами внутренних авиалиний атакованы башни ВТЦ, Пентагон. Возможно, другие объекты в стране. Сильные разрушения, есть жертвы...

– Я уже по SNN это вижу. Что это значит? Кто на нас напал?..

– Пока никто не может сказать, сэр. Предполагается, террористами захвачено более десяти самолётов. Различных типов и авиакомпаний. Четвёртый самолет, сейчас доложили, упал в Пенсильвании. Его курс предположительно был на Кемп-Девид. Всей системе национальной обороны объявлена тревога. Диспетчерам всех авиалиний и аэропортов переданы команды посадить все летающие суда. В воздух поднята военная авиация... Минуту, сэр. Здесь – директор ЦРУ, он хочет доложить.

– Пусть он провалится!..

– Директор ФБР?..

– Пусть идёт следом! Дай мне Дональда.

– Вас, – протянула Кандолиза трубку главе военного ведомства.

Дональд Рамсвел взял трубку.

– Дональд, это ты? Включена громкая связь?

– Нет, Джордж. Можешь говорить.

Севший голос Буша:

– Что мне делать, Дональд? Лететь в Белый дом?

– Не надо в Вашингтон, Джордж. Сделай перед журналистами заявление покрепче, что-нибудь насчёт возмездия. И вспомни, что у верховного главнокомандующего есть командный пункт. Мы будем ждать тебя там. Пока летишь, разберёмся в ситуации...

Рамсвел положил трубку на аппарат. Бедняга Джордж настолько потерялся, что даже не поинтересовался: кто напал на него.

– Ройте, ребята! Ройте так, как никогда не рыли. – Рамсвел повернулся к руководителям спецслужб. – Президент хочет знать, кто объявил нам войну. Вам, полагаю, тоже небезынтересно. Через три часа назначаю встречу.

13:31, Вашингтон

Дрожащими руками он выскребал из кофемолки остатки кофе. С девяти утра Витус Ламберт перестал различать границу между реальностью и той фантазмагорией, что разворачивалась на экранах его компьютеров. В его комнату вливался такой вал событий, что сам себе он напоминал пассажира «Титаника».

Агентства сообщали такое, что ехала крыша.

«Беспрецедентные по дерзости террористические акты совершены в Нью-Йорке. В здания всемирного торгового центра врезались два самолёта, захваченные угонщиками-камикадзе. Об этом сообщают источники ФБР. В качестве организатора терактов называют Усаму Бен Ладена. Буквально через полчаса прогремел взрыв в здании Пентагона. Сотрудники эвакуируются. Здания всемирного торгового центра были построены в 1972 году. Их высота 419 метров – по 110 этажей. В каждом ежедневно работало около 40 тысяч человек»...

– Сдалось вам, в каком году построены здания! – кипел раньше кофе Витус. – Бен Ладен?! Как быстро! Не прошло и минуты, как назван злодей!..

Принтер выплёвывал новый лист.

«За двое суток до теракта госдепартамент США предупредил об угрозе американским объектам по всему миру».

В предупреждении сообщалось: все американские объекты за рубежом приведены в состояние повышенной готовности к отражению возможных угроз. При этом, подчеркивает госдепартамент, наибольшая угроза проистекает от международных террористических групп, в первую очередь террористической организации Усамы Бен Ладена.

Ещё сообщение:

«Президент США Джордж Буш немедленно прекращает поездку по стране и возвращается в Вашингтон»...

– Какого чёрта президент полетел куда-то, если было предупреждение?..

«На рынках Европы паника. Обменный курс евро по отношению к доллару США резко возрос, как только потеряна оперативная связь с Уолл-стритом. За евро в Европе дают 0,905 доллара»...

– Кого может это интересовать *сейчас*?!

«Демократический фронт за освобождение Палестины взял на себя ответственность за теракт в Нью-Йорке»...

«Идёт эвакуация персонала Белого дома и Пентагона»...

Следующее сообщение Витус прочёл полностью. Эта была передовица завтрашней «Вашингтон Таймс», кем-то уже засланная в Интернет. Завтрашняя газета уже приводила мнение высокопоставленного офицера флота в отставке: «Для нашего поколения происшедшее – это Пёрл Харбор. Самое время им врезать. И если при этом придётся убить несколько невинных гражданских лиц, то так тому и быть»...

Не дурно. Как профессионал, лично он, Ламберт, знает: читатели делятся на тех, кто не понимает, что написано; тех, кто понимает, что написано; и тех, кто понимает, что не написано...

11 сентября 18:35, Москва

– Юра, это ты?

– Да, мама.

– Ты рано сегодня.

Сколько он себя помнил, его мать всегда произносила эту фразу. С той лишь разницей, что меняла «рано» на «поздно».

– Да, мама. – Он скинул плащ, переобулся и прошёл в комнату. – Здравствуй, родная, как ты?..

– Звонила Светлана. Хоть твоя дочь никогда ни в чём не признаётся, но, по моему, у неё размолвка с любимым. Молчит, как партизан. И в кого она у тебя такая Зоя Космодемьянская?

– В бабушку. – Улыбнулся Юрий Михайлович. – Между прочим, я спросил, как ты...

– Знаешь, что сегодня случилось в Американских Штатах? – Поднялась, охнув, с оттоманки мать. – Антонина! Где эта сонная клуша? Антонина, не слышишь, пришёл Юрий Михайлович! Подавай ужин сюда, в залу...

– Не надо, мама, я перекушу на кухне.

– Что значит, перекушу на кухне? – Поджала губы Мария Петровна. – Ты пришёл со службы к родному очагу, тебя ждали. Порядок заведён не нами, не нам его и ломать...

– Хорошо, – сдался он, с матерью спорить было бесполезно. – Я только переоденусь.

Через несколько минут они чинно уселись за столом. Суп разливала по тарелкам мать. Скрестив на животе руки, горничная Антонина ждала, пока Юрий пригубит первую ложку.

– Вкусно! – поднял он глаза.

Удовлетворённо кивнув, Антонина отбыла.

– Так что там у Светланы?

– О, у Светланы всё замечательно. У неё всегда всё замечательно. – Низкий голос Марии Петровны демонстрировал недовольство, но выдавал нежность. – У её Генриха много работы, у них всё есть. Словом, я приказала, чтобы она приезжала домой, в Москву. Не то одичает там...

Мария Павловна недолюбливала зятя, который увёз её Светку в Германию.

– Приказала?..

– А с вами по-другому нельзя. По-другому вы не понимаете. – Отмахнулась матушка.

Мерно постукивали ложки. Здесь было тихо. Шумная жизнь мегаполиса не достигала их арбатского дворика. Здесь текла своя жизнь.

– Как у тебя прошёл день? – поинтересовалась матушка.

– Как обычно. Хорошо, мама.

Мария Павловна подняла брови – ну, ещё бы! Другого ответа она и не ожидала.

Уже за чаем Юрий Михайлович вспомнил слова матери об «Американских Штатах». Хорошо ещё не о Северо-Американских, улыбнулся он. Даже при том, что его мать целиком принадлежала веку двадцатому, с годами она всё более походила обличьем и речью на фрейлину двора.

– Так что там, в Америке?

– Ты не знаешь?

– Нет.

– Включи телевизор...

Михеев смотрел репортаж. Переключался на другие каналы – там тоже горящая Америка.

– Что скажешь? – наблюдала вместе за ним Мария Петровна.

– Я должен уехать.

– Я, кажется, спросила, что ты об этом думаешь?

– Мне, атеисту, вспомнилось о Судном дне.

– А это не твои коллеги? – пристально глядела мать.

Он обнял её и поцеловал в пробор на голове.

– Мама, ты льстишь моим коллегам...

Более ни о чём не спрашивая, мать смотрела, как он собирался. Трудно сказать, о чём сейчас думает её сын. Она уже давно разучилась читать его мысли. Это когда-то в детстве он весь был как на ладони, светлый и нараспашку. С тех пор изменился. Все мужчины в России к своим пятидесяти разительно меняются.

11 сентября, 15:23, Нью-Йорк

Телефон Лари Уэлса зазвонил, когда он подъезжал к офису. Сначала он думал, что это сенатор. На душе было так паршиво, что он решил не отвечать. Но звонил Витус Ламберт.

Полгода назад Витуса освободили, просто вернули на место, словно ничего и не произошло. Ошалевший от трёхдневного подвала, Витус искренне полагал, что его спутала с кем-то неведомая преступная группировка – клан Корлеоне, русская мафия, якудза. Он уверовал, что только благодаря Лари Уэлсу, его связям в ЦРУ, удалось разгромить банду и вытащить с того света безвинного человека.

Это было не так уж далеко от истины. Бог весть, как бы распорядилась Ламбертом судьба, если бы Лари тогда не принял руки сенатора Коллинза. Лари оставалось только позаботиться о том, чтобы Витус ненароком, по чистоте душевной, не прославил его в своих новостях.

– Лари! – С тех пор Витус забыл прежнюю приставку «Ален Даллес», обращаясь к Уэлсу. – Ты как там?

– Жив. А как ты?

– Радует только одно. Что меня до сих пор не упекли в психушку. Идёт вал такой информации, что можно спятить...

– Информации?

– Лари, всё, что состоит из пустых слов, называется информацией. Ты мне можешь объяснить, что происходит? Президент где-то потерялся. Ответственность за нападение берут все, кому не лень. Включая Красную армию Японии. Слушай, за что они все так не любят Америку?..

– Ты мне позвонил, чтобы этим поинтересоваться?..

– Извини, Лари. Я о своих стариках. Я понимаю, у тебя куча дел, но будь другом, загляни к моим. Я не могу к ним дозвониться...

– Просто сейчас в Нью-Йорке телефоны плохо работают. Не волнуйся, твои старики живут далеко от центра. Уверен, что они перезвонят тебе, как только смогут...

– Но всё-таки, Лари...

– Я постараюсь. Только сегодня вряд ли.

– Спасибо, старик. Я всегда знал, что на тебя можно полагаться! Лари, у меня ещё вопрос.

– Слушаю.

– Тебе не страшно?

– Страшно. Но будем надеяться, что самое плохое уже позади.

– Так ли?

– Будем надеяться.

– Я тут вдруг вспомнил твои слова, Лари. Насчёт того, чтобы купить моим старикам остров. Ты помнишь? Это были странные слова. И сам ты тогда был странным. Ты... ты что-то знал, Лари?

– Пошёл к чёрту, Витус! Ничего я не знал. Я такой же человек, как и ты. Как тысячи и миллионы других...

– Ладно, ладно. Я тебе перезвоню, Лари, завтра...

Вечером 11 сентября Лари накачался виски, что называется, по ноздри. Но и сквозь алкогольное забытьё его мозг продолжали взрывать всполохи пламени. И душа блуждала в потёмках Вавилонских подземелий.

Два дня спустя, округ Колумбия

Шурша гравием, к входу двухэтажной, увитой плющом виллы подкатил «Мерседес». Из него вышел тучный мужчина, чем-то похожий на Уинстона Черчилля. Следом показался уже знакомый нам сенатор Коллинз. Их встречал хозяин виллы – широко раскрывший объятия человек с радушным, загоревшим лицом.

Сами объятия не были предусмотрены этикетом. Но люди, видимо, давно знакомы.

Через пятнадцать минут в просторном зале, в прохладе бесшумных кондиционеров, сошлись пятеро. Все были американцами, если уточнить – белыми американцами.

Сенатора Коллинза заинтересовала убранный в золотую рамку миниатюра, висящая среди ацтекских масок, глиняных табличек и европейских картин. На изящной миниатюре была изображена страшная женщина. С фиолетовым лицом, перехваченная за шею синей верёвкой, она висела в пустом пространстве.

– Иштаб. Богиня самоубийц, – подошёл сзади хозяин. – Подлинный фрагмент кодекса Майя. Нравится?..

Сенатор с интересом глянул на хозяина.

– Странный вкус? – улыбнулся тот. – У племён доколумбовой Америки существовало много божеств. Ещё за три тысячелетия до нашей эры коренные американцы – вы позволите их так называть? – видели мир, в котором было куда больше свободы, чем в нашей цивилизации. Но даже в том, в их более свободном мире, не всем было под силу жить. Так почему бы тем, кто не нашёл себя в мире и решил из него уйти, не иметь своего божества?

– Богиня самоубийц? Любопытно. Кстати, термин «коренной американец» сегодня вполне официальный...

– Да, сенатор. Но не все с этим мирятся. Мне ещё нравится, что индеец – это исковерканное испанское «In Dios» – от Бога. Так Колумб записал в дневнике: «la gente indio», «люди от Бога». Между тем, здесь до нас было много богов. И думаю, богиня самоубийц ныне имеет все шансы на ренессанс...

– Итак, господа, обсудим положение. Сначала мы слушаем вас, господин посол. – Без особого вступления начал заседание сенатор Коллинз. Сегодня он председательствовал в Комитете независимых наблюдателей.

Тот, кого называли послом, встал.

– В мою компетенцию не входит задача оценивать общие итоги происшедшего. Остановлюсь на ситуации в Белом доме. К атаке на Нью-Йорк, Пентагон и Белый дом администрация Буша оказалась не готовой. Собственно, у нас не было иллюзий на этот счёт. Всякая администрация к любой внезапной акции глобального порядка не бывает готова. Это в природе власти...

– Я бы попросил только факты, – прервал сенатор. – Мы знаем природу власти.

– Хочу только сказать, что в первые часы после атаки Джордж Буш надолго ушёл в тень. Можно сказать, у руля государства остались Кандолиза Райс, помощник по безопасности, и министр обороны Дональд Рамсвел. С первых минут прошло сообщение, что захвачено 11 самолётов, на борту нескольких имеется ядерное и бактериологическое оружие. У страха глаза велики. Это привело к решению поднять военную авиацию, чтобы уничтожать в воздухе все подозрительные цели. Поскольку три самолёта уже совершили свои атаки, по мнению властей, ещё восемь самолётов находились в воздухе. В итоге был сбит обычный рейсовый самолёт.

Был запущен план мероприятий угрозы четвёртой степени. Это план отражения военного нападения со всеми вытекающими последствиями. Стратегические силы приведены к готовности к бою. Запущена процедура подготовки к применению ядерного оружия. Стартовые расчёты прибыли к пусковым пультам. На ряде объектов отмечены случаи проявлений синдрома Хопкинса.

– Поясните.

– В 1973 году для одной из ракетных баз, вооружённой самым мощным по тем временам комплексом «Палярис», было смоделировано время «Ч». Реальная война. Отрезанная от внешнего мира база специальными средствами, включающими телевидение, радио и газеты, была приведена к иллюзии начинающегося обмена ядерными ударами. Последовал приказ нанесения

превентивного удара по целям на территории СССР. Офицер Хопкинс, командир дежурного расчёта, в момент поворота ключей сошёл с ума. Всего на базе отмечено 9 случаев помешательства.

– Вернёмся к основной теме.

– Лишь к вечеру 11 сентября стало ясно, что новых атак не последует. Можно было подводить итоги. Первое совещание проходило в отсутствии президента. Обстановка на нём характеризуется как нервная, люди пережили стресс. Событие суперуровня, находящееся вне возможностей контроля, отправило команду в нокдаун. Мало того, что государственная машина прозевала крупнейшее за всю историю нападение на Америку, не было ясности, на кого возложить ответственность за атаку.

– Прошу прощения, предварительную информацию о предстоящем террористическом акте Белый дом всё же имел, – перебил посла сенатор.

– Верно, – согласился докладчик. – Информация о возможном теракте поступала. Но максимум, на что её хватило – дать дежурный циркуляр по зарубежным посольствам. Для посольств такие циркуляры, увы, привычная рутина. В целом, мы можем констатировать: Америка обнаружила неспособность к принятию адекватных решений в нестандартных ситуациях.

– Другими словами, джентльмены, организаторы акции оказались на голову выше государственной машины Соединенных Штатов, – обвёл участников заседания взглядом человек, похожий на Черчилля. – Больше предлагаю к этому вопросу не возвращаться.

– Основное совещание было отложено до прилёта президента. В ночь на авиабазе в Небраске собрались самые близкие люди для выработки дальнейших действий. До этого было заявлено, что в нападении на Америку виноват один человек – Усама бен Ладен, лидер Аль-Каеды. Основным содержанием всеночной стала выработка ближайших действий. Зашёл спор, кого внести в список врагов, по которым в ближайшее время будет нанесён удар. Лобби нефтяных компаний, в том числе Кандолиза Райс, выходец из транснациональной нефтяной компании «Шеврона», настаивали на Саддаме Хусейне. Вариант был отвергнут в связи с рядом внешнеполитических обстоятельств. Решили, что пока целесообразней ограничиться Бен Ладеном. Афганистан и талибы не будут иметь международной поддержки, за них не заступится даже мусульманский мир. Вспомнили эпопею со взрывами статуй Будды в Баниане в марте этого года.

– Ладен – не выдерживает критики...

– Будет пущена на полные обороты пропагандистская машина. Американцы склонны верить в злодеев...

– А остальной мир?

– Это сейчас не важно. Америка – сторона пострадавшая, у неё сейчас полный карт-бланш...

– Неимоверно вырастает фигура Бен Ладена. А это уязвимое место. Во-первых, придётся подтверждать, что он реально причастен, во-вторых, его захват или смерть лишит дальнейшую борьбу пафоса, в третьих, всем ведь известно, что он вскормлен ЦРУ. Возникает вопрос о дальновидности американской политики...

– В июле этого года агентура ЦРУ провела встречу с Бен Ладеном в Арабских Эмиратах, в Дубаи. Это происходило в американской клинике, где он

проходил курс лечения в урологическом отделении доктора Терри Кэллей. Ладен пробыл там десять дней, – проинформировал собрание невыразительный человек. – Как куратор спецслужб могу доложить: предметом встречи было выяснение у Бен Ладена вопроса: что его побуждает противодействовать ближневосточным интересам Штатов? И сможет ли он в дальнейшем быть полезен. Он предъявил ряд претензий за то, что перед ним не выполнили обязательств американские спецслужбы. И он не намерен этого спускать...

– Звучала на встрече тема теракта?

– Нет. Можно со всей определённости сказать: на тот момент Бен Ладен и его деньги не участвовали в разработке теракта.

– Хорошо, продолжайте, господин посол.

– Второе, что было решено на ночном совещании – не признавать причастность властей к сбитому в Пенсильвании самолёту. Было решено сделать пассажиров этого рейса героями, вступившими в схватку с террористами. Необходимо понимать дух нации. Для урегулирования вопроса с «чёрным ящиком» на место падения самолёта вылетела специальная бригада.

Третье. Президенту было рекомендовано активней выступать с патриотическими заявлениями, используя встречи с военными, спасателями, пострадавшими. Для контроля информационной ситуации предприняты меры профилактической работы с владельцами средств массовой информации.

И, наконец, последнее. Дабы Америка долго не топталась на событиях дня, решено действовать наступательно. Военные приготовления к очередной «буре в пустыне» – основное содержание ближайших дней.

– Какие шаги на этом фоне должны предпринять мы?

– Прежде всего, установить реальную картину, авторов и исполнителей терактов 11 сентября. Это принципиальная позиция для сдерживания наших «ястребов».

– Что мы имеем на этот счёт?

– Об этом может доложить сенатор Коллинз. Этим занимается человек, который независимо от нас сумел добыть предварительную информацию по подготовке теракта.

– Кто он?

– Лари Уэльс, бывший сотрудник ЦРУ...

Заседание внезапно прервалось. Тот, кого здесь называли Черчиллем, ответил на звонок телефона, который принёс помощник, известил собрание о том, что ему придётся уехать. Его приглашает президент.

Высокого гостя провожал Коллинз.

– Коллинз, заканчивайте без меня, – напутствовал Черчилль. – А завтра мы свяжемся. Никаких решений, разумеется. Только анализ обстановки и варианты необходимых действий... Чёрт, вы можете мне найти этот рукав?!

Наконец костюм сел на плечи гостя. Впрочем, конечно, не гостя, а хозяина.

– Знаете, – остановился он перед дверью машины, – когда вы семь лет назад пришли ко мне с предложением организовать Комитет наблюдателей, я, признаться, не думал, что так интересно. То есть, я хотел сказать, так необходимо. Вы уверены, что мы контролируем главное?

– Во всяком случае, мы честны перед собой, – поклонился сенатор.

– Я не хочу упустить последнюю минуту. Мы должны удержать Америку от

краха. Она и без того в аховом положении, – сказал на прощание Черчилль. – Дайте мне, Коллинз, настоящих организаторов налёта. Настоящих...

– Мы работаем, – уклонился от ответа Коллинз.

Этого известного всей Америке человека, миллиардера, который не раз оказывал Америке неоценимые услуги, ждал президент. Коллинз же ждал, когда за ним можно будет закрыть дверь лимузина.

Четыре дня спустя, Джерси-Сити

Минутная стрелка настенных часов прыгала на деление вверх и срывалась. Это продолжалось уже сутки. Ясно, что села батарейка, но Алекс не в состоянии был заставить себя что-нибудь исправлять. Он часами сидел в оцепенении.

Сколько прошло с момента, как он в последний раз слышал голос Анни, её зовущий, плавающий в трубке голос? Сутки, двое, мгновения?

Тогда, вывернув на Манхэттен, он попал в пробку. Бросив машину, бежал к объётой клубами дыма башне и был уже недалеко от неё, когда увидел, как она начала оседать. Он кричал, выкрикивал имя, но навстречу из пыльного облака бежали люди, лица которых были смазаны таким же криком. И среди них не было её. Он звонил ей по сотовому. Её телефонный номер до бесконечности не отвечал. Длинные гудки...

Он не нашёл её. Он не успел. Не спас.

Многие часы Алекс провёл вблизи Манхэттена. Вместе со многими такими же людьми, съехавшимися сюда. Ловя каждую новость оттуда, из зоны, куда пропускали только спасателей, Алекс никак не мог поверить в случившееся. Когда мимо пролетали реанимационные автомобили, люди и он кидались вслед за машинами.

Ещё сутки он объезжал больницы, надеясь, что найдёт жену в списках раненых. Надежды оставалось всё меньше.

Анни, почему он не смог убедить тебя перейти на работу в Джерси?..

В дверь постучали. Это, наверное, соседка привела сына.

Открыв дверь, Алекс увидел двух незнакомцев.

– Приносим свои соболезнования, Алекс. И от себя, и от лица компании, – склонив голову, сказал один из них.

– Какой компании?

– Нашей, общей с вами, компании, мистер Штерн. Мы знаем о горе, которое постигло вас. Это наша общая, общенациональная трагедия. Вот здесь, Алекс, собранные сотрудниками, нашими коллегами, средства. А также выделенные компанией..

В руках у него оказался конверт.

– Нигде расписываться сейчас не надо, – тут же заторопился человек. – Формальности уладим позже. Компания надеется, что после траура вы вернётесь к нам...

Посетители откланялись. Алекс остался на пороге дома с конвертом.

Неделю спустя, округ Колумбия

– Сколько мы с вами знакомы, генерал?

– Лет двадцать, сенатор.

– Да, двадцать лет, Боб, – глаза сенатора погрузнели. – Помнится, с момента,

когда я в составе комиссии Конгресса прилетел в Дананг, где вы нас приняли под свою опеку и неделю носили над всем Вьетнамом на своих «вертушках». Вы ведь командовали вертолётным полком, Боб? И тогда вы, помнится, ещё не интересовались философией майи.

– Тогда я больше интересовался крошкой Элизабет! – от души засмеялся хозяин поместья. – Точнее, всем женским персоналом полевого госпиталя по соседству.

– Что вы думаете обо всём, что происходило одиннадцатого, генерал?

– Вас интересует моё мнение как военного?

– Прежде всего. По-человечески мы все это оцениваем одинаково.

– С военной точки зрения – блестящая операция. И, пожалуй, шедевр военной организации.

– Военной?

– Именно так. Здесь нельзя и предположить ничего другого. Безукоризненный боевой дух исполнителей. Это первое, что бросается в глаза. Вот он, идеальный солдат, о котором грезит Америка. У этих ребят не дрогнули ни рука, ни сердце. Это многого стоит, сенатор.

– Это смертники, камикадзе.

– Мне, солдату, эти слова ничего не объясняют. Чтобы заставить пойти на такое, я даже не знаю, что нужно сделать. Нет, я даже не точно выразился. Заставить нельзя. И нельзя купить...

– Вас напугали эти люди?

– Это кого хочешь в состоянии напугать. Киборги какие-то...

– В самолётах были не киборги, выходцы с Востока. Заплатили их семьям, накачали идеологией, вкололи героин...

– Как-то во Вьетнаме мой водитель сбил на джипе мотоцикл с двумя вьетнамскими солдатами. Оба «чарли» насмерть. Приехала инспекция, появились их военачальники. Принялись о чём-то кричать. Поглядывают в мою сторону. Думаю, международный скандал. Потом подъехал наш переводчик. Быстренько переговорил с военными и говорит: это был их единственный мотоцикл. «Ну и что?» – «Теперь им не на чем будет доставлять почту» – «Ты хочешь сказать, что они не предъявляют претензии за убитых?» – их полковник, кажется, понял меня. Он показал на трупы, потом на небо. Словом, история кончилась тем, что я выписал из своего жалования два новых мотоцикла из Штатов, тем и кончилось дело...

– Вот вам и цена жизни в третьем мире, – хмыкнул Коллинз. – Ладно, а сама операция? Идея, планирование, организация...

– Идея? Не могу даже представить, кому этот ад мог прийти в голову. Таких ребят немного. Я бы искал среди сумасшедших из Голливуда. Или в какой-нибудь особой «психушке» под крылом спецслужб. Планирование операции? Опять высочайший уровень. Боюсь, был бы не по зубам даже мне, военному лётчику. Шедевр. Боюсь, арабы здесь не причём. Такая точность и педантизм – не их качества. Скорее, я бы организатора искал среди немцев или англичан. И вот ещё что смущает меня – точность пилотирования. Я сам лётчик. Служил в палубной авиации. Знаю, как непросто попасть на посадочную полосу палубы авианосца. А палуба, между прочим, пошире, чем протараненные точно посредине здания...

– Вы хотите сказать, что это были хорошие лётчики?

– Я вообще думаю, что это были не лётчики. Такое ощущение, что самолёт вёл автопилот. Система самонаведения, у которой нет нервов.

– Есть такие системы?

– Есть приборы автоматической посадки, устройства, дающие глиссаду. Но меня, сенатор, признать, другое волнует, – вдруг сломал разговор генерал. – Само это событие нас поймало. На нас же самих.

– Что есть «поймало»?

– Я попробую поточнее. Что делает ковбой в вестерне, когда ему наносят смертельную обиду?

Коллинз пожал плечами:

– Берётся за оружие.

– В том-то и дело. Мы выхватываем кольт и дальше всё – уже на рефлекс...

– Я понял вас, генерал. Вы о том, что Америку намеренно поставили в условия, когда она вынуждена вести войну.

– Меня не покидает чувство, что здесь все посчитано и взвешено. Даже если бы Буш был священником и великим миротворцем, это всё равно заставило бы его объявить крестовый поход. И что это нам принесёт, один Бог знает. Война – дело хорошее. Я военный. Разогнать кровь, отвлечься от рутины, но вы политик. И я вас должен спросить, куда это приведёт Америку? В какой новый тупик?

– Я вижу, у вас есть своя теория. Может, поделитесь? Начистоту, Боб...

– Начистоту? – переспросил генерал. – В семьдесят третьем на комиссии, которая расследовала скандал вокруг деревушки Сонгми, если вы её ещё помните, меня спросили: «Что вы думаете о лейтенанте Колли?» Я знал Колли. Меня спросили: «Начистоту, Боб!» На своих вертушках я ежедневно доставлял нашим госпитальным девчонкам ребят из джунглей – без рук, без ног, в вонючей грязи. Бывает, не успевал доставлять живыми. И тогда, тоже моими «бортами», всех их перебрасывали в Дананг, на аэродром, чтобы дальше отправить в Канзас, в Огайо, Миннесоту... Очень многие американские парни почему-то не хотели возвращаться домой в гробу со звёздно-полосатым флагом. И потому очень не любили, когда у них за спиной оставались такие деревни, как Сонгми. Деревни, сенатор Коллинз, – это самые страшные роты в войне. В этих подразделениях ни командиров, ни званий, там не играют марши и нет флагов, но по ночам крестьяне из них вырезают твои подразделения. Отделения, роты, а в общем – дивизии. И здесь я был за лейтенанта...

И второй ответ был у меня. В тот же Вьетнам прилетало полно придурков. Наших храбрых солдат, на которых клейма ставить негде. Многие летели туда ловить кайф, оттянуться. Сунуть в рот жвачку и вышибать у «чарли» мозги.

Не очень-то размышляя о великой миссии нести по странам и континентам флаг свободы. Я бы сам таких стрелял на месте вьетнамского крестьянина, явись они в мою деревню...

– И что вы тогда ответили, Боб?

– Вы как пастор, – засмеялся генерал. – А разве не вы были членом той самой Комиссии? Ведь вы прилетали во Вьетнам как раз по этому делу?..

– Я просто не помню вашего ответа, – поморщился Коллинз.

– Я тогда ушёл на крыло, Джордж. Есть такое выражение в авиации: уйти на крыло. Вот и сейчас я тоже уйду на крыло. Я военный, потому и останусь лишь военным экспертом. А остальное – ваше, сенатор...

14 сентября 2001 года, Белый дом

– Я бы хотел, чтобы наш разговор не был привязан к событиям 11 сентября, эта дата слишком гипнотизирует. Давайте, мой друг, постараемся выбросить из памяти всё, что сообщали средства массовой информации, президент и всяческие разведки...

Этот разговор происходил в овальном кабинете. Начал его Джордж Буш, тщательно подбирая слова.

Он стоял у окна, вполоборота к Черчиллю и смотрел на лужайку.

– Я попросил вас приехать, чтобы узнать, как вы воспринимаете происходящее в стране и за рубежом. Может быть, попросить совета у вас. Сегодня для всех нас тяжкие времена. Вы знаете, как я ценю всё, что вы сделали для меня. Помогите и в этот раз. Помогите Америке...

– Как ты себя чувствуешь, Джордж?

– Надо ли говорить, что я пережил? Вы старше меня, помните Пёрл-Харбор? Сегодня я разговаривал кое с кем из ветеранов, кто хорошо помнит те дни. Они говорят: Америка оправилась морально лишь после того, как сбросила бомбы на Хиросиму и Нагасаки...

– Недалеко от истины.

– На кого же сбрасывать бомбы мне?..

Всё-таки у этого техасца больше самообладания, чем думают, подумал старик. И не похоже, что он трясётся за свою шкуру.

– Про бомбы – это ты серьёзно? Атомные, имеешь ввиду?..

– Но ведь кто-то бросил нам вызов? Вызов, какого ещё не знала Америка. Это нельзя оставить безнаказанным...

– А если этот кто-то сделал это с территории США?..

Буш напрягся.

– Что если этот удар задуман и подготовлен кем-то рядом с тобой? Или скажем так – некими силами внутри страны?

– У вас есть такие сведения? И вы предлагаете мне...

– Ничего я не предлагаю. И сведения у меня самые общие. Скорее, они даже концептуального порядка. Терроризм – явление настолько непростое и размытое, что речи не может быть об ответе бомбами или снарядами. Это тонкая хирургия, и даже ею одной невозможно справиться с угрозой.

– Я понимаю. И думал об этом. Это чертовски тяжёлый вопрос. Но как президент, я не могу сказать американцам, что мы будем вести борьбу с помощью скальпеля. И что начинать надо с себя. Как только я это скажу, это будет последний день не только моего президентства, но первый шаг в самые мрачные времена для всей Америки...

– Минуту, Джордж. Никто тебя не призывает делать это. Но ты хочешь принять решения, которые не менее губельны для страны. И хочешь принять решение самостоятельно. Без учёта международных норм, без задействования всей архитектуры международной безопасности?..

– Её нет, как мы видим, ни архитектуры, ни международной безопасности. Это тоже проблема, которой нам не лишне коснуться. Это только кажется, что она есть. На самом деле, мы победили в холодной войне, но вместо плодов этой победы пожинаем беду за бедой. Почему? Мне говорят, потому, что остановились. Потому, что когда надо и не надо, оглядываемся на остальной мир, на нормы, со всеми ищем общий язык и консенсус. А победителю нельзя

останавливаться. Он должен идти вперёд. Вы не задумывались о том, что 11 сентября – отличный шанс для этого? Разве нас не поймут, если мы разберёмся со всеми врагами? Это исторический шанс, говорят мне, и если мы его упустим, то скоро прекратим своё существование. Я раздумываю и вижу, что это так. Разве нет, мой дорогой Черчилль?

– Я тоже слышал всё это. Что история подарила нам возможность не стесняться. Более того, продвинуться вперёд, в новое время, в третье тысячелетие и всё такое. Но я старый битый волк, Джордж. И когда слышу от шакалов речи, что вон там, за изгородью ранчо, есть вкусный барашек, то думаю не о том, чтобы кинуться сломя голову, а о том, что меня там может ждать. Шакалы будут стоять на пригорке, ждать, когда ковбои станут лупить в меня из винчестеров. Не так ли, Джордж?

Что касается нового мирового порядка, достижимого путями, о которых ты говоришь, то, прости, это не выдерживает никакой критики. Ты хочешь пойти ва-банк?

– От меня этого требуют. Говорят, что в этом никто не может помешать. И действительно, кто? Россия? Китай? Совет Безопасности ООН? России нет, почему мы всё ещё на неё оглядываемся? Что касается Китая, если не мы сегодня, то они завтра. И тут время благоволит нам. СБ ООН? Мы сможем сделать так, что его члены, если не поддержат нас, то воздержатся. Включая, возможно, и Россию. К Китаю мы пока не подберём ключика, но в конце концов обеспечение своей безопасности – разве не первейший долг государства? Тем более, получившего прямой вызов...

Это говорил сильный политик.

– Что ты ждёшь от меня, Джордж?

Президент опустил в кресло и потёр виски ладонями. Он будто на что-то решался.

– Речь, конечно, не идёт о ядерном оружии. Но вопрос вхождения в Афганистан можно считать уже решённым, мы обязаны это сделать. Есть ещё одно обстоятельство... Мне сейчас нелегко... И я встречался... Я встречался с одним колдуном. Шаманом. Так уж вышло. И не подумайте, что у меня поехала крыша.

– Если тебе нужны силы, ты должен черпать их всюду.

– Я рад, что вы меня понимаете. Это был шаман из племени сиу, который трижды за последний год порывался встретиться со мной. Последний раз – перед самой инаугурацией. Потом он пропал. И вот после 11 сентября его отыскали по моей просьбе. Это была странная встреча. Я хочу вам о ней рассказать. И пусть это останется между нами...

Черчилль слушал.

– Я спросил, зачем он хотел видеть меня? – Джордж усмехнулся. – Он сказал: чтобы предупредить. Я спросил, неужели об этом? Он сказал: не только. Он сказал, что Америке нужно ждать ещё большего несчастья.

Гость пожал плечами.

– У Америки много врагов. Как мы с тобой понимаем, может, весь мир.

– Он тоже, как вы, сказал, что все причины в Америке...

Буш поднял взгляд. В глазах его плавала растерянность.

Неделю спустя, Лос-Анджелес

– И вот из-за этого дерьма приходится убивать людей! – с брезгливой миной

держал в руках пачку долларов молодой парень с тёмными очками на кончике носа. – Хоть человек-то хороший?

Сидящий рядом передал парню несколько фотоснимков.

– Слушай, что-то лицо знакомое! – оживился тот. – Стоп, я его знаю. «Не парься, Джени! Не парься, Джим!..» Классный фильм...

– Можешь заткнуться?

– Нет вопросов! – поднял обе руки парень. – Нем, как рыба, тем и жив.

– Это надо сделать по-тихому. Без нештатных отверстий в теле и всего такого. Желательно, чтобы вообще этот человек умер своей смертью, близкой к естественной.

– За столь ничтожную сумму я себе мозги парить не буду.

– Это задаток. Ещё пятьдесят тысяч получишь после. Он сейчас живёт один, вот адрес, это в Голливуде...

– Есть шанс прославиться, так, Родди? – подмигнул парень. – Знаменитость – особая такса, ты же знаешь. Придётся накинуть ещё полтинник.

– Рассмотрим, – вздохнул Родди.

Это был тот самый человек, который некогда охотился на льва с друзьями в Ботсване.

– Но в этом случае ещё условие. Парень в последнее время жил один, отшельником. Должно быть, много пил. Не исключено, баловался наркотой. Смекаешь? Лучше всего, если не уцелеет и дом. Там могут быть некоторые вещи, которые должны исчезнуть вместе с ним.

– Что за вещи?

– Не хотелось бы, чтоб остались бумаги, дискеты, компьютер. Он был слишком писучим, так же как ты – слишком говорливый. А это всегда плохо кончается...

– Сколько у нас времени?

– У нас?

– Фигура речи, ничего более... – хмыкнул парень.

– Времени немного.

Родди торопился. Даже прошедшие с 11 сентября семь суток заставили порядком поволноваться. За Билли. Нет, он, разумеется, не побежит в полицию или ещё куда рассказывать, что это в его гениальную голову пришла идея глобального перформенса, но он же самовлюблённый сукин сын. И никогда не смирится с тем, что лучшее его творение не получит своего авторства.

– И всё-таки когда? – поинтересовался сроками киллер.

– Вчера...

Через день внезапный полуночный пожар унёс жизнь известного сценариста и режиссёра Билла Эшби. Пожарные отстояли только заборчик перед его домом. Стало ли это событием, которое привлекло внимание? После известной трагедии в стране смерть ненормального Эшби не попала на первые полосы даже жёлтой прессы.

Кстати сказать, обращать внимание на подобные «пустяки» помешала ещё беда – по всей Америке стали появляться конверты с белым порошком. Якобы с порами сибирской язвы. Эту эпопею кинулись освещать все, пока ФБР вместе с госдепартаментом не изыскали способ и момент закрыть тему...

И ещё одно событие прошло незамеченным. Открытие, которое сделал

скромный программист корпорации «Center Global Technology» Александр Штерн. Произошло оно после того, как Америка сняла траур по жертвам теракта.

Большинство компаний снова стали втягиваться в рабочий ритм. И в отдел корпорации, ведавший воплощением перспективных разработок в «металл», доставили модуль изделия, над которым они трудились около года. Алекс тоже зашёл к «железчикам». Модуль был без корпуса, большинство схем и плат было оплавлено, восстановлению не подлежало.

Алекс хорошо помнил, что этот модуль предназначался для новой системы GPS, позволяющей следить за ориентацией воздушных судов в пространстве.

На следующий день он покончил с собой. Повесился на собственном ремне, никому ничего не сказав о своём открытии...

Три недели спустя, Москва

Михеев появился на Лубянке к полудню. Его уже ждали.

– Вот здесь всё, – выложил на стол объёмную папку документов бывший сослуживец. – Я, с твоего позволения, сбегаю в столовую. Вернусь, поговорим. Да, а тебя я закрою на ключ? От греха, знаешь ли. Вдруг заглянет кто с дурным глазом...

Ключ провернулся в замке. Михеев открыл первую папку.

Документ был без грифа и не пронумерован. Подпись отсутствовала. Кто-то из аналитиков, должно быть, работал на скорую руку. Михеев надел очки.

«Столь сложная в организации и точно скоординированная по целям, времени и задействованным средствам операция вряд ли могла быть организована силами нерегулярной структуры. Синхронность действий, отсутствие срывов на этапе старта, исключительная конспиративность говорят о высоком профессионализме исполнительного звена. По нашим данным, ни одна из специальных служб арабских государств, включая Пакистан, Ирак, Иран, не в состоянии спланировать, подготовить и провести столь успешную операцию.

Вместе с тем, совпадение по времени с годовщиной кэмп-дэвидских соглашений и активизацией связанных с Бен Ладеном структур – убийство Ахмад-шаха Масуда, активизация в Чечне, успешные действия талибов против Северного альянса – является косвенным признаком скоординированности действий Аль-Каиды с организаторами событий 11 сентября. Эта активность могла быть частью операции прикрытия подготовки операции в Соединённых Штатах.

Взросшая общественно-политическая активность мусульманских организаций в США (организация Фарахана, устроившая марш полумиллиона чёрных на Вашингтон) отчасти так же может являться операцией отвлечения от подготовки теракта. Вместе с тем, инфильтрация спецслужб в экстремистские организации делает вероятность сохранения подготовки такой операции в тайне исчезающе низкой»...

Полковник усмехнулся: надо же, «исчезающе низкой».

«Скорее всего, – читал он дальше, – исламские террористы в чистом виде выбрали бы наряду с Всемирным торговым центром главными мишенями такие объекты, как ЦРУ, АНБ, но не Пентагон, который для них является принципиальным противником. В этой связи, выбор целей позволяет психологически предположить участие в подготовке теракта представителей спецслужб, либо бывших представителей спецслужб со стороны "обойдённых вниманием" организаций»...

Тоже закручено. Но, по сути, пожалуй, верно.

Он заглянул в конец записки.

«Исходя из вышеизложенного и прилагаемых материалов, можно предположить, что теракт в США проведён, по крайней мере, с косвенным участием вышедших из-под контроля специальных служб. Инструментами информационного воздействия, рядом операций прикрытия, организацией корпоративной реакции многих стран и другими мерами факт участия спецслужб в планировании и осуществлении теракта будет, скорее всего, дезавуирован. Надо ожидать, в случае настойчивой разоблачительной работы в этом направлении будут включены механизмы прикрытия – скорее всего, перевод "стрелок" на заранее подготовленных "виновников"»...

Следующие полчаса он читал сводки. И понимал: люди проделали большую работу. Но всё это станет доступным историкам лет через сто. Это подумалось с полной ясностью.

В замке повернулся ключ.

– Скучаешь? – вошёл отобедавший. – Я вижу, ты не терял времени даром, – он кивнул на перебранную стопу бумаг. – Какие будут замечания?

– Замечаний, Саша, не будет. Будет вопрос.

– Давай, – вынул сигарету друг.

– Кто знает обо всём этом? – положил руку на кипу Михеев.

– Все наверху. Но ты единственный, кто перечитал всё это. Наверное, потому, что времени много, пенсионер...

Он закурил и, прищуриваясь, сквозь дым разглядывал друга.

– Слышал, у тебя в Нью-Йорке погиб сотрудник?

– Да.

– Чем дальше будешь заниматься?

– Пока не очень понятно. Я, Саша, похоже, переоценил свои силы. Дай и мне сигарету... Хотел войти в один бизнес, но сейчас ты мне доказал, – показал Михеев на тома, – насколько не проста эта ниша. Что-то всё больше хочется уйти в монастырь...

Четыре недели спустя, Вашингтон

Отсвет компьютерных экранов ложился зелёным, мертвенным светом на лицо Витуса Ламберта. Можно сказать, все эти недели он не покидал своего редакционного кабинета. Зарос рыжей щетиной, глаза впали.

На три дня он всё же слетал в Нью-Йорк провести стариков. Вызвонил там и Уэлса. Они встретились в Медисон-парке.

– Я проехал по городу, жизнь вроде налаживается, – Витус кивнул на молодую мамашу, которая гуляла с детьми неподалёку, – люди забывают ужас, гуляют, живут, заняты своим. Будто ничего не случилось. Знаешь, что я купил?..

Он развернул свёрток. На майке на фоне башен был изображён бородатый Бен Ладен.

– За два бакса купил недалеко от рухнувших башен-близнецов. Говорят, скоро появятся игрушки «Бен Ладен». И компьютерная игра с налётом на ВТЦ... Мы – странная страна, Лари. Зарабатываем на собственных похоронах...

23 сентября 2001 года, где-то под Вашингтоном

Первые дни после теракта были заполнены сумасшедшей работой. Аппарат

президента, госдепартамент, управления спецслужб не знали ни дня, ни ночи. По давешнему выражению министра обороны Рамсвела, все рыли, как никогда.

По ходу дела экспериментировали, где было необходимо. Продлили общенациональный траур, чтобы получить ещё несколько дней для работы. Как только траур закончится, нация спросит: что дальше?

Было много информационной работы. Прежде всего, пришлось создавать новые понятийные «цепочки», которыми будет оперировать президент в своих публичных выступлениях. Название военной операции за пределами США «Безграничное возмездие» звучало неплохо. Но слишком многое сообщала миру. Пришлось перебрать немало вариантов, прежде чем остановились на «Неотвратимой свободе». Тоже, конечно, пафосно, шито белыми нитками, но идеологически более выверено, да и звучит не столь истерично. Полиция, ФБР, юстиция занимались «зачистками». Им был дан карт-бланш. Генеральный прокурор Джон Эшкрофт давал десятки интервью, чтобы объяснить, почему за несколько дней арестовано свыше шестисот «террористов».

– Мы уверены, что все эти люди действительно причастны к «Аль-Каеде», – выступал по SNN Эшкрофт. – В рамках закона мы используем все имеющиеся в нашем распоряжении средства, чтобы террористы оставались в тюрьмах...

Более десяти тысяч людей пополнили тюрьмы по обвинениям в нарушении эмиграционного режима. Это свой вклад вносила Служба иммиграции и натурализации.

Кто-то из политологов назвал было эту активность «звоном пустых бутылок». Но политологов тоже быстро «привели в меридиан». Одних скорректировали, других лишили эфира.

В первые же дни Эшкрофт предъявил обвинение в терроризме более чем ста задержанным. Правда, позже был вынужден снять эту статью, заменить на уголовные.

– Но главное в том, – заявил прокурор, – что эти аресты предотвратили новые теракты...

Включив телевизор после выпуска новостей, Черчилль долго молчал. Молчали и те, кого он пригласил собраться у него в резиденции.

– Перед нами Америка, которой мы ещё не знали, – кивнул он на погасший экран. – С нас слетает мишура, как с рождественской ёлки.

– Эшкрафт в ударе, – усмехнулся в бороду человек, одетый явно не по протоколу, в джинсы. – Не удивлюсь, если завтра он объявит пособником террористов кого-то из личных врагов. И найдёт на него такие улики, что парню не отвертеться от электрического стула...

– Всё-таки язычок у вас, Боб! Вы теперь тоже под присмотром Фемиды. Угрозило вас в прямом эфире приветствовать удар по Нью-Йорку...

– И не жалею. Скажу больше, если бы мне пришла в голову эта гениальная идея атаковать Америку, то обязательно бы заручился местом в кабине первого же «боинга», – усмехнулся Боб Фишер.

Это был он, чемпион мира по шахматам, некогда – гордость Америки. – И я знаю эту позицию! – ткнул он в сторону телевизора. – Она заранее проигрышна. Мы готовимся к войне со всеми. Это игра на ста досках. Сеанс одновременной игры. И цена каждой партии – жизнь. Нет таких игроков, которые бы победили на всех досках...

– Америка всё-таки, не будем забывать, сильнейшая в мире ядерная держава.
– Чепуха! И сентябрь это уже доказал. Ядерное оружие сегодня уже ничего собой не представляет. Это не более чем рудимент прошлого. Эпоха ядерного устрашения кончилась, поскольку мир набит атомным оружием. Даже сумасшедший не прибегнет к нему...

– Это серьёзное заявление, мистер Фишер. Не могу не признать, это смелое заявление, – поприветствовал шахматиста Черчилль стаканом с виски. – Браво. Но у Штатов есть и другие аргументы...

– Доллар? О, да! Перед долларом и я благоговею. И не только я, мы ведь все здесь его поклонники? Деньги – субстанция магическая. Но мистика быстро кончается, когда нет чудес. Что-то мне подсказывает, что наше время кончается...

– Доллар ещё поживёт, – сказал хозяин. – Кто занимается большой политикой, знает, насколько инертен мир. Звезда на небе гаснет, но свет от неё мы видим века. К тому же американская «триада» имеет ещё составляющую. Информационную...

Он глянул на Фишера. Но мастер парадоксов не реагировал.

– Разве нет?..

– Нет, – было ответом. – Мир скоро совсем перестанет слушать Америку. Вы же сами сказали, что мишура облетает. Америка уже давно не пример для думающих людей. За глупостями, которые льются из американских СМИ, следят только придурки...

Этот человек не отличался хорошими манерами.

– Буш с его политикой военного ответа на вызов терроризма прав в одном, – после паузы заговорил шахматист, – нам нечего больше предложить миру. Как ни парадоксально звучит, Америка – банкрот. Моральный, нравственный, а вскоре будем и экономическим. Мы составляем пять процентов населения планеты, а хотим потреблять половину мировых энергоносителей.

– Это, наоборот, говорит лишь о могуществе страны.

– О зависимости, – парировал выступающий. – Нам бы не понравилась концепция глобализации, если бы её лет двадцать назад выдвинули Советы. Мы резко бы выступили с позиций антиглобализма. И тогда бы у нас было будущее. Потому что никому не хочется быть под катком. Но теперь этим катком являемся мы. И вряд ли кто-нибудь знает, чем это кончится. Кроме разве что того сумасшедшего поляка, всё время забываю его имя...

Повороты мысли Фишера были непредсказуемы.

– Бжезинского?

– Да. Пока этот одержимый идеей мирового господства фанатик будет болтаться по коридорам власти в моей стране, я ломаного гроша не дам за её будущее...

Четыре недели спустя, Оманский залив

Подводная лодка класса «Лос-Анджелес» получила приказ следовать в Персидский, а затем в Оманский залив две недели назад. Она приняла перед выходом полный запас крылатых ракет «Томагавк». Стапеля первого отсека лодки были заполнены ими – «Томагавки» выстреливаются через торпедные аппараты.

– Обратно побежим налегке. Уже завтра-послезавтра, – похлопывал «изделие» по округлому боку лейтенант Марлоу.

На ракете было написано белой краской: «Бен Ладену от США!»

Вечно чем-то недовольный старший помощник нырнул в отсек. Без пилотки его лысина отражала свет плафонов.

Строго по уставу Марлоу доложил обстановку в отсеке.

– Воздух среднего давления?.. – спросил старший офицер.

– В норме, сэр.

– Пломбы...

– Куда им деться! Виноват, в порядке.

Здесь старпом увидел надпись на боку «Тамагавка». Баночка с краской и кистью стояла тут же.

– Что это? – уставился он на Марлоу в упор.

– Во имя скорой победы, сэр! – рявкнул командир ракетно-торпедной группы.

– Кто приказал? – наливался красным старпом.

Марлоу пытался улыбаться.

– Я знаю, чему вы радуетесь, Марлоу, – свирепо задышал старпом. – Тому, что ваш отчим сдал вас, слабоумного, на полный пансион в военно-морские силы. Вас надо было отправить в танкисты или в десантники. А мне здесь герои не нужны! И вот эта лирика, – он показал на надпись, – тоже. Вы меня поняли?!

– Да, сэр!

– Мне не нужны художники!

– Да, сэр!

– Мне нужны обыкновенные парни, которые в гробу видели всякую политику!

– Да, сэр!

– И которые палец о палец не ударят, пока их не пнёшь. Не проявляют идиотских инициатив в патриотических припадках!

– Да, сэр.

– А теперь за растворитель и смыть это!.. – палец старпома стучал по надписи. – Даю вам пять минут, Марлоу! Время пошло!..

– Как там? Всё в порядке? – спросил командир, когда старпом вернулся в центральный.

– Всё в порядке, сэр. Корабль к стрельбе готов, – вытирал от краски руки старпом.

Вскоре сыграли боевую тревогу.

По команде «пуск» воздух среднего давления выталкивал ракеты из аппаратов. Вырвавшись на поверхность, какое-то время они словно задумывались. Но включались маршевые двигатели, и «Томагавки» уходили за горизонт...

Файл памяти. Из Полевого устава FM 7–98, Министерство армии США: «Общие положения. Конфликты низкой интенсивности (операции, отличные от войны) – это политико-военная конфронтация между соперничающими государствами или группами внутри государства. К ним часто приводит затянувшаяся борьба принципов и идеологий. Масштаб и характер операций в таких конфликтах варьируется от подрывной деятельности до использования группировок войск. Борьба ведётся сочетанием всех средств, включая политические, экономические, информационные. Конфликты низкой интенсивности чаще возникают в странах третьего мира, однако затрагивают интересы как отдельного региона, так и всего мира.

Природа конфликта низкой интенсивности. Четыре инструмента национальной власти – это политика, экономика, информация и войска. В природе КНИ, как кризиса власти, доминирует политическая составляющая. Она превышает все остальные. Поэтому КНИ отличаются и от конфликтов, вызванных конкуренцией в мирное время, и от войны. В разрешении КНИ следует учитывать стратегические цели США, заключающиеся в том, чтобы поддерживать (или восстанавливать) конкуренцию государств и социальных групп на уровне обычной, мирной и давать возможность развиваться демократии в пределах свободного мира»...

ТОРА БОРА

Ничто не ново на белом свете.

И всякое на белом свете случалось. Люди редко изобретают нечто действительно новое. В основном они живут, думают, действуют так, как поколения до них. На удар отвечают ударом, на доброе слово добрым словом. У них те же стремления, те же мотивы, мечты, страхи, надежды, были они за две тысячи лет до рождения Христа или две тысячи лет после него...

10 декабря 2001 года, Эгейское море

Что-то заставило Михеева остановить бег, который многие годы, далеко не только последние, поглощал его целиком и полностью.

И вот он стоял на палубе катерка, который ходко бежал к окончности полуострова Айон-Орос, к куполам церквей, ничем не разнящихся с такими же московскими и российскими. Что его привело сюда, в Грецию, на Афон? Есть старый и хороший ответ – Бог весть.

На прошлой неделе Михеев появился в особняке и нашёл на своём столе конверт. Открыл его и обнаружил билет, визу, туристическую путёвку на своё имя в эти благословенные края.

– Это откуда? – спросил он свою помощницу.

– Я думала, Юрий Михайлович, это вы заказали, – растерянно смотрела та. – Привёз курьер, просил передать. Я хотела оплатить, но оказалось, что всё оплачено...

Там, где всё оплачено, чудес не бывает. Это означало только одно: кто-то хотел его видеть. И назначил встречу в Греции, на Афоне. Хорошо, он поедет. Тем более что настроение способствует.

Его отношение с религией? А какое вообще оно может быть у человека, который большую часть своей жизни не был верующим человеком? Юрий даже узнал о том, что крещён, в тридцать три года. Узнал совершенно случайно, на улице районного центра с бурятским названием Усть-Уда.

Перед смертью отцу припекло поехать в Сибирь. «Поеду с Юрием», – сурово осадил поднявшуюся было жену, которая поругивала «старого дурня» за вечные его сумасбродства. И Юрий поехал. Там была всё-таки и его родина.

Отец с матерью вернулись из Сибири в Москву в пятьдесят шестом, когда ему был год. Обычная история. Питая его в младенчестве семейными преданиями, ни отец, ни мать ни разу не обмолвились о том, что были репрессированы, сидели в лагерях. Он знал только, что встретились они в Сибири после 1953-го.

Отца по возвращению в первопрестольную реабилитировали, он даже до-служивал в органах. Мать же на реабилитацию не подавала – ни тогда, ни позже. Отмахивалась: зачем это ей, если и без того люди знают, что да как.

А в Усть-Уде встреча была удивительная. Первая же встреченная ими на улице пожилая женщина – в фуфайке, вязаном платке – и оказалась его крёстной. Её остановил отец, узнал, а та сначала не могла взять в толк «чьих они». Когда признала отца, обрадовалась как родному.

– А это чей? – показала варежкой на Юрия.

– А это мой сын, Юрий...

– Надо же, так мой крестник, выходит! Ты помнишь меня? Конечно, не помнишь, ведь ещё совсем ребёнком был. Не думала, не гадала, что свидеться придётся. Вот как Бог привёл...

У Клавдии Ивановны тогда они и остановились. И прожили три дня, за которые отец отвёл душу в разговорах и воспоминаниях.

Что-то ещё случилось в Сибири, в этом старом ангарском селе. Ах да! Отец, он ведь всерьёз собрался помирать после поездки. И потому очень хотел отыскать могилу какого-то неведомого Юрию Степана, своего товарища по ссылке.

– Пустое это, – уверяла его Клавдия Ивановна. – Ведь и кладбище-то другое, старое ушло под воду, когда ГЭС строили. А кто будет переносить могилу поселенца, если и своих-то не всех перенесли?..

Но кто и когда мог переубедить отца?

– Оденьтесь хоть по нормальному. – Принесла им крёстная свитера, полушубки и валенки.

Собрались, пошли. Проползали по кладбищенским, не тронутым сугробам, можно сказать, полдня. Мороз осел куржаком на бровях и шапках. И не нашли могилу.

– Знать, не судьба, – наконец сдался отец. – Прости, Степан Васильевич, что не случилось...

– Помянем? – предложил Юрий.

– Давай, устроимся вон там и помянем.

Смахнув снег с поваленной лиственницы на краю кладбища, он усадил на ней выбившегося из сил отца. Вытащил из кармана «чекушку», краюху хлеба пополам с набившимся снегом, пару луковиц. Разлили по стопкам, предусмотрительно сунутым в карман полушубка Клавдией Ивановной.

– А что за человек был этот Степан Васильевич? Ты мне ничего о нём не рассказывал...

– Человек как человек, – ответил отец. – Дай Бог царства небесного...

Странен этот русский обычай – поднимать стопку водки за давно умершего, которого ты мог даже не знать. Горчит водка, а на душе светло. И луковица с хлебом сладка на морозе.

– Хорошо здесь, – огляделся отец по заснеженным верхушкам дерев. Знаешь, я тебе так много хотел рассказать в этой поездке, всё на неё откладывал. А сейчас вроде и рассказывать нечего. Спасибо, что поехал со мной.

Вот ведь странно: жизнь заканчивается, а рассказать нечего...

– А и не надо, – снова разлил Юрий. – Я и без того знаю, какой ты у меня, батя...

А ведь он и впрямь собрался помирать, вдруг со всей ясностью почувствовал тогда Юрий. И коль собрался, кто и как его остановит?..

– Пожил бы ещё, – вырвалось как-то само собой.

Отец глянул на него, на кресты и звёзды над снежной поляной, вздохнул:

– Нечем, сынок...

Помолчав, словно набрался сил.

– Вот ты спросил, что был за человек... Такой же доходяга, какими мы все тогда были. Он мне жизнь спас. Когда на участке прямо на меня пошла вот такая лесина, – отец положил руку на лиственницу, – он ко мне бросился с шестом. Я не видел, как она шла, а он бросился, шестом хотел отвести. А шест... Что шест, как спичка...

Я совсем недавно понял одну вещь, сынок. Как-то перебирал в памяти прошлое и понял. Это был единственный за мою жизнь человек, который за меня жизнью пожертвовал. Тоже, считай, за незнакомого ему человека. Давай за Степана Васильевича...

Снег. Тишина. Рядом родной, бесконечно близкий и бесконечно далёкий человек – отец.

– Ты знаешь, – продолжил отец, – мне вдруг подумалось, что мы неправильно умираем.

– То есть?

– Смерть должна быть точкой, а не многоточием. Не знаю, как тебе это объяснить. Вот тогда правильно. А мне, видно, придётся многоточием. Человек должен умирать за что-то. Или за кого-то. Не просто так, само по себе. Тогда это смысл имеет. Мне жизнь предлагала возможности. Такой вот, чтобы заслонить кого-то, – нет, но сколько раз было по-другому, когда можно было помереть с чистой совестью...

– Да ладно, батя. Чего ты на самом деле? Тебе ли говорить такое?

– Это я самому себе, прости...

– Ты слишком крут к себе, – разлил он остатки водки. – И что-то перемудрил. Лучше давай за жизнь...

Остатки, говорят, сладки. Но что-то горьким показался Юрию последний глоток.

Возвращаясь в Москву, он глядел через иллюминатор самолёта на заснеженные просторы под крылом и чувствовал себя другим человеком, чем улетал в Сибирь. Словно там отец всё же что-то передал ему, нечто не очень определённое, но важное.

Отец спал рядом в кресле, словно человек, выполнивший главную в жизни работу.

Его ноша была теперь у сына. Юрию тогда она не казалась тяжкой. Жизнь была проста и никогда ещё не была такой ясной. Как этот солнечный день за бортом.

...Катерок прижался к причалу, и богомольцы стали сходить на берег по сходне. Каждого привело сюда что-то своё, а что привело его, Михеева?

Странно обстоятельства властвуют над человеком. Кажется, у Макиавелли он встречал: люди могут лишь содействовать осуществлению уготованного, но не могут препятствовать ему, могут предпринимать попытки оказать судьбе сопротивление, но не способны одержать над нею победу. Установить, к чему стремится судьба, невозможно, она идёт к цели своими путями.

На пристани его ждали. Михеева издали заметил в толпе сходящих с катера седой человек лет сорока. И приветственно поднял руку, узнав его.

17 ноября 2002 г., Вашингтон

Никогда ещё Витусу не работалось так легко. Сразу после возвращения из Нью-Йорка он засел за рукопись, которую начал, можно сказать, в самый день атаки.

Последняя встреча с Лари словно открыла какой-то шлюз – все разрозненные записи, заметки, сообщения информационных агентств, газетные материалы, которые он собирал последние месяцы, вдруг стали востребованы, каждый из документов находил своё место.

Это будет книга. Самое сложное было решиться на неё. Слишком много времени он потерял, не доверяя собственным открытиям, интуиции. А теперь пелена спала, и стало легко.

Хроника событий сентября стала своего рода стержнем в его исследованиях. Когда-нибудь он ещё вернётся к ней, появится много новых данных, эта хроника будет дополнена и выстроена с большей точностью, но и сегодняшняя, непричёсанная, она давала значительно больше информации, чем официальная.

За событиями прорисовывались характеры главных действующих и бездействующих лиц, героев и антигероев, жертв и статистов Великой американской трагедии – так Ламберт определил название будущей книги.

Он торопился. Не разделял дня и ночи. Окружающая жизнь интересовала его ровно настолько, насколько она сообщала ему новую, нужную для работы информацию. Не только последних месяцев, не только последних лет. Иной раз его откидывало к истокам, в давние перипетии прошлого. И что-то в этом прошлом оказывалось даже важнее нынешнего.

Он даже с удовлетворением воспринял факт, что наконец-то и до их редакции дошёл пресловутый конверт с белым порошком. На этажах появились микробиологи в марсианском облачении, объявили карантин, всех сотрудников обязали сдавать анализы. Но он ускользнул от процедур, исчез из редакции. Двое суток работал дома, но его достали и здесь. Без объявления и без звонка к нему явилась бригада медиков. Пока доктора или как их там разбирали привезённые с собой приборы, облачались в доспехи, Витус, прихватив ноутбук, вышел через заднюю дверь дома и снова был таков. Сейчас он устроился у старого приятеля, который был далёк и от политики, и от средств массовой информации, и от прочих общественно значимых дел. Он работал в Луна-парке, заведовал павильоном Ужасов.

– Устраивайся, если подходит, – приятель впустил Витуса в одну из выгородок, которая являлась чревом некоего космического монстра. – Ничего другого, извини, предложить не могу. Этот сектор на ремонте...

– Великолепно. Как раз то, что нужно.

– Если возьмёшься дежурить по ночам, могу даже приплачивать.

Словом, он устроился комфортно. Протянул сюда переноску, установил стол, нашлась и раскладушка. На кредитной карточке оставалось достаточно денег, чтобы не отказывать себе в питании в ресторане «У Бэтмана», что обнаружился в двух шагах.

Всё это, впрочем, перестало иметь значение, как только он вернулся к рукописи и приступил к разделу «Аналитика кризиса». Многие вещи стали открытием для него самого. После атак Америка очутилась в новом измерении, как

примерно он – в чреве монстра. Но она обнаружила, что в этом положении имеет множество преимуществ.

Он правильно сделал, что тогда, в Медисон-парке, встретился с Лари. И «расколол» его – заставил рассказать, откуда тот знал о надвигающейся катастрофе. Лари рассказал и о первой встрече с незнакомцем в Риме, и о своей поездке на Восток, и о встречах со старцем, который убедил его в том, что над Америкой сгустились тучи.

Как человек трезвый, которого трудно назвать мистиком, Лари многого не мог понять в истории, в которую был тогда посвящён. Склонялся теперь к тому, что за старцем были люди, которые нашли пусть и экстравагантный, но действенный способ довести до него необходимые сведения. Старик вполне мог быть только «мостиком» для передачи этой информации. С другой стороны, он, несомненно, обладал неким своим знанием, которое хотел ему сообщить.

– Мы плохо знаем мир, в котором живём, – заканчивал Лари свой рассказ. – Есть какие-то высшие силы и высшее знание, которому мы не причастны. Старик мне их приоткрыл, заставил поверить в них...

Если вернуться к рассказу Лари, к той предопределённости, неотвратимости, что было главным в его рассказе, страна оказалась на пороге ужаса не случайно. В том было предопределение. И не Бен Ладен, и не кто-то другой вершил эту предопределённость. А воля и рука Господа.

От этой мысли между лопатками Витуса пробегал холодок.

10 ноября 2001 г., Новый Афон

Вот уж кого не ожидал здесь увидеть Михеев. Да ещё в монашеском одеянии. Иван Мороз, пропащая душа...

Они обнялись.

– Ну и дела! – только и мог вымолвить потрясённый Михеев.

Всегда почему-то смущённая улыбка бывшего коллеги, лет на восемь младше него, была до боли знакомой. Ваня Мороз начинал когда-то в его отделе, но пропал с горизонта в девяносто третьем – капитаном.

– Ты знаешь, а я ведь считал, что ты погиб в Белом доме.

– Бог миловал.

– А здесь ты, Ваня, какими судьбами?

– Всё расскажу, коль вы здесь, пойдём...

В гостинице при монастыре Иван открыл ключом одну из светёлок.

– Располагайтесь.

Как ни хотелось забросать Мороза вопросами, Юрий не торопился.

– Как там, в России? – спросил Иван.

– Улетал – дождало. А так осень стоит сухая. Подмосковье, говорят, нынче без грибов. Зато с яблоками. А лето было жаркое, в Москве асфальт плавился...

Иван внимательно слушал это, как самые важные новости. Юрий по себе знал, сколь важно вдали от Родины услышать примерно такое, самое обычное. Для русского важно.

– И как к тебе, отче, теперь обращаться?

Иван улыбался:

– Как и раньше. К тому ж я не отче. В постриге – брат Иван.

– Брат Иван, – попробовал на звук Юрий. – Подходит...

Пересказывая свою одиссею, Иван не переживал её заново. И не пережимал. Действительно, был в здании Верховного Совета в те октябрьские дни 1993-го. Когда начали гвоздить танки, находился на 12 этаже, в комнате, в которую влетела болванка. Всех рядом насмерть, на нём ни царапины. Получил контузию, перестал слышать. Выбрался в коридоры, спустился в вестибюль, навстречу спецназ. Добавили по бокам, поскольку он был с автоматом. Но ребята были опытные, не стрельнули, лишь отобрали оружие. Потом он вышел из здания и пошёл в сторону Баррикадной...

– Уехал на Истру. Уже там что-то стало со мной твориться. Думал, свихнусь прямо здесь, на дедовой даче. Било меня, в горячке метался, хотел с жизнью счёты свести. Спасся тем, что молился. А дальше просто. Зачем-то ведь Он меня уберёг...

Иван рассказал, как отправился в Оптину пустынь, как стал послушником. Потом было вернулся в мир. Приехал в Москву, к семье, всех перепугал, его уж оплакали. Встретился кое с кем из знакомых – сказали, что в конторе его давно «списали в потери».

Воскресать из «мёртвых»? Зачем? С тремя сотнями долларов, занятыми у друга, улетел в Грецию. Почему именно в Грецию? В Оптиной пустыне многое слышал об Афоне.

Сказано, какие бы бури не бушевали в мире, Афон, имея над собой вышний покров, стоит среди сущего, как столп веры. И будет стоять до тех пор, пока хранит его Божья Матерь. Иверская икона Божьей Матери хранится здесь и она хранит Афон, свой последний земной удел. И будет так, пока эта икона не покинет Святую гору. Будет же это перед концом света...

Об этом Иван говорил тоже без экзальтации.

– Зачем я здесь? – спросил Михеев.

В это время ударил колокол. В раскрытое окно хлынули дрожащие, тугие, близкие звуки.

– Мне на молитву, – поднялся монах...

1 декабря 2001 года, Багдад

Третий раз судьба вела Лари в этот город. Теперь он добирался до него со значительно большими трудностями, чем прежде. Ирак ожидал войны, и это бросалось в глаза – бронетранспортёры и солдаты с оружием на дорогах, зенитные установки с обеих сторон мостов, кое-где на дорогах приземистые силуэты танков...

Колонна с гуманитарным грузом двигалась к Багдаду из Дубаи. Вместе со всеми, то и дело предъявляя документы на блок-постах, маялся в дальней дороге ничем не примечательный мелкий сотрудник комиссии ООН по поставкам продовольствия.

Никакими особыми полномочиями Ханс Мидель наделён не был, ни за что особо не отвечал. Он вёз для согласования в министерство торговли Ирака графики поставок, договора, прочие рутинные бумаги.

В Багдаде безобидному датчанину предстояло пропасть. В первый же день, при невыясненных обстоятельствах. Невелика птица. Две-три заметки в европейских газетах да официальная нота со стороны Дании, которую никто не заметит.

Когда покрытые пылью грузовики один за другим втягивались в ворота гуманитарной миссии в Багдаде, датчанин ещё присутствовал. Его хватило часа

через полтора. Дежурный по миссии успокоил старшего, что этот чудак решил самостоятельно добраться до министерства, вышел через КПП и остановил такси.

– Он сказал, к вечеру будет. Эти датчане, самым нормальным среди них был Гамлет...

Таксисты в Багдаде по-английски понимают три слова – «хау мач?», «о,кей» и «Саддам». Остальное добирают интуицией. Эта же интуиция помогает им прибегнуть к тормозам в самое последнее мгновение. Когда, кажется, столкновение с таким же отчаянным водителем уже произошло.

Потому, когда Лари оказался рядом с мечетью, которую хранил в памяти с прошлого приезда, его изумлению не было предела. Они не только никого не протаранили, но и его записка с названием улочки по-английски была шофёром прочитана правильно.

Рассчитываясь, ему пришлось пересмотреть в корне свое отношение к багдадским драйверам. Приняв пять долларов, таксист явил пример подражания американским коллегам:

– Сенкью, мистер! Гуд бай...

Лари волновался, как пройдёт встреча с аль-Басри. Примет ли его старик, окажет ли помощь. Почему-то казалось, что даже если встреча и состоится, то пройдёт не так тепло и доверительно, как предыдущие. Он чувствовал какую-то вину перед ним за всё, что произошло в Америке, потом – в Афганистане. Там во всю шли ковровые бомбардировки.

Он не смог, ему ничего не удалось предотвратить...

Тем не менее, встреча состоялась. Старик вышел сразу, как только Лари назвал вышедшему к нему человеку своё имя. Это выглядело так, словно аль-Басри снова ждал его.

– Я рад видеть тебя, – сказал он.

И снова Лари отметил, что время не властно над старцем. Лари ощутил старческую прохладу узкой ладони. Мир и покой шли от неё.

– Дороги снова привели меня к вам, учитель.

– Люди встречаются трижды, – сказал старец. – Чтобы после этого либо никогда больше не встретаться, либо не расставаться...

В этих словах снова мелькнула тень тайны.

Ещё до встречи Лари дал себе обещание: он будет говорить лишь о деле. Ему было необходимо, чтобы старик помог ему выйти на Бен Ладена. Он, Уэлс, выполняет задачу, которую поставили перед ним. Комитет жаждал получить информацию из первых рук.

Но Лари горячо взялся за поручение Коллинза ещё и потому, что оно сулило свидание с аль-Басри.

– Я очень рассчитываю на вашу помощь, учитель. Мне нужна встреча с человеком, который сегодня важен для моей страны...

Он собирался назвать имя, но старик сказал:

– Я знаю, о ком ты говоришь. Наверное, ты выполняешь действительно важную миссию. Но ты появился не там, где нужно. Отсюда ты не найдёшь тропы к этому человеку.

– Как? – растерялся Лари.

Почему-то он тени сомнения не допускал, что именно с помощью старца быстрее всего достигнет цели и встретится с Бен Ладеном.

Старик покачал головой:

– Мне не интересен тот, о ком ты пришёл узнать...

Снова Лари почудилась тень другого мира.

Он перешагнул тайну:

– Он интересен мне.

Некоторое время оба молчали. Наконец аль-Басри разомкнул уста:

– Ответь мне. Ты говоришь, этот человек нужен твоей стране. Значит, ты веришь, что в ней можно изменить что-то?

– Я хочу верить, – сказал Лари те же слова, которые недавно говорил Ламберту. – Очень хочу...

– Вера из желания веры – путь к бездне. Вера – не цель, а путь...

И ещё он сказал:

– Я помогу тебе.

Глядя в след американцу, старик с ним прощался. Он знал: этот человек ищет не того, о ком спрашивает. Не случайную, бесконечно малую величину в железной воле событий. Он ищет себя. Но, как и всякий из людей, не знает об этом.

10 ноября 2001 г., Афон

Вершина Святой горы, увенчанная большим крестом, далась после тяжёлого подъёма. Михеев с трудом перевёл дыхание, осмотрелся. На площадке, куда он поднялся, находились лишь этот крест из металла да совсем небольшой храм. Скорее, даже часовня.

Контуры берегов таяли в голубой дымке, сливаясь на горизонте с морем.

Предоставленный на Афоне самому себе, ожидающий неизвестно чего, Михеев вот уже который день изучал остров. Жизнь монастырей текла размеренно, по раз и навсегда заведённому порядку.

Встречаясь с братом Иваном, они говорили, в общем, о вещах малозначущих. Лишь однажды как-то особенно пронзительно Иван заговорил о доме. О том, что ему часто снится речка, похожая на Истру. Как он босиком с удочками бежит на речку по тропинке, и ему навстречу – отец. Он спрашивает:

– Далеко бежишь?

– Да!

– Осторожнее там, на берегу...

И спускаясь к серебряной от солнца воде, он долго чувствует, как отец провожает взглядом. Он и сейчас чувствует этот взгляд.

– Часто вижу этот сон. Он словно бережёт меня. Это трудно объяснить, но в Белом доме я тоже вспомнил его. И отошёл от окна. За мгновение, как снарядам вынесло простенок...

Заново пережив прошлое, Иван продолжил:

– В такие минуты видишь мир, словно со стороны. И нередко – перевёрнутым. Не знаю, как это передать. Просто вдруг понимаешь, что в нём всё наоборот. Мать рассказывала, когда в детстве у меня поднималась температура, я всё порывался встать на голову. Она не понимала, что это. Плакала и молилась. Я тоже помню. И помню, почему это делал. Потому что мир был «наоборот»...

Они шли вдоль берега моря. Остро пахло йодом.

– Мне тогда казалось, если сейчас не встанешь на голову, случится страшное.

Всё сорвётся и будет лететь в тартарары. Это жуткое ощущение, когда ты ничему не можешь помешать...

Слушая эту путаную речь, Юрий понимал её.

Запах йода словно подтверждал: мир болен. И йода всего океана не хватит, чтобы залечить раны...

Сегодня он пошёл в горы один. Это была его последняя прогулка по острову.

С северо-запада – Юрий это заметил, когда поднялся уже высоко – двигался грозовой фронт. Он всё больше и быстрее охватывал Афон и простирающийся перед глазами Сингитский залив. Вспышки молний терзали уже близкий горизонт.

Не рассчитал, что попадёт под непогоду.

Пережду где-нибудь в скалах, подумал Юрий. Вокруг немало пещер или ски-тов. Он вышел к южной кромке Афона и увидел у часовни фигуру. Худой монах стоял на коленях и клал поклоны.

Налетел первый порыв ветра. Тяжёлое одеяние монаха рвануло ветром. Небо треснуло над самыми головами. Фиолетовая молния ударила в крест, и рванул косой дождь.

Сразу стемнело. Юрий укрылся под навесом скалы и при вспышках молний сквозь пелену воды продолжал видеть фигурку монаха. Тот не ушёл при том, что вокруг всё яростней бушевала непогода. Будь Юрий человеком религиозным, он бы, без сомнения, увидел за этим битву света и тьмы, сил добра и зла. Но и без того было не по себе.

После очередного натиска дождя, когда ударил град, крупный и хлесткий, Михеев кинулся к старику. Тот, видимо, не собирался покидать своего места. Пришлось подхватить его, оторвать от земли. Юрий понёс его к часовне. Её массивная дверь стреляла на ветру...

Пока снимал со старика одежду, тот не подавал признаков жизни. Уложил тело на каменное ложе, покрытое травой, укутал, как мог, тощим одеяльцем, что лежало здесь же. Пульс у старика был...

Он, конечно, слышал об афонских монахах-отшельниках. Их ещё зовут аскетами. О них ходит немало легенд. Предание гласит: некогда афонские старцы получили дары Святого духа и с тех пор им известно прошлое и будущее. По тому же преданию, они читают в сердцах, могут выходить в вечность и именно вот в такие грозы служат литургии на Святой Горе.

Сейчас Михеев готов был верить этому.

В уходе за стариком он провёл несколько часов. Снаружи бушевала непогода, стоял лютый холод, но ему самому пришлось донага раздеться, чтобы просушить одежды.

С иконы в углу кельи на него, нагого, смотрела Богородица. Она походила на ту старую женщину, которую он когда-то повстречал на улице сибирского городка. У неё были глаза его крёстной матери...

18 декабря 2001 года

Снова в центре Нью-Йорка, на Манхэттене, звучали сирены пожарных машин. Над городом поднимался дым, горел храм. Самый большой и, можно сказать, главный храм Соединенных Штатов – храм Святого Иоанна Богослова.

«Неправедный пусть ещё делает неправду; нечистый пусть ещё осквернится; праведный да творит правду ещё, и святой да освящается ещё. Се,

грядущего скоро, и возмездие Моё со Мною, чтобы воздать каждому по делам его»... – сказал Иоанн, названный так в честь единственного ученика Христа, который от Него не отрёкся.

Пожар случился на девяносто девятый день со дня атаки на ВТЦ. И снова здесь многие видели в этом знамение.

В этот же день завершился первый этап операции в Тора Бора. Этот удалённый горный район Афганистана газеты называли наиболее вероятным местом укрытия Усамы Бен Ладена. Операция как бы венчала первую фазу войны. Штурм пещер и ущелий Тора Бора осуществлялся с применением мощных вакуумных бомб.

Бен Ладена, как позже сообщили газеты, в Тора Бора не оказалось.

...Лари выполнил задачу. Сейчас он стоял перед человеком, который стал кошмаром Америки.

В глаза бросался нездоровый цвет лица, мешки под глазами. Вспомнились слухи о болезни почек лидера Аль-Каиды.

– И зачем я понадобился вам? – хороший английский, спокойный голос, ирония.

Лари в нескольких словах изложил цель своего появления.

– С вами хотят встретиться те, кто не имеет отношения к охоте на вас. Это люди, желающие доподлинно восстановить картину сентябрьских событий. Повторюсь, те американцы, которых я представляю, не испытывает к вам ни вражды, ни негативных эмоций. Ваша безопасность гарантирована. Что касается встречи, она могла бы состояться в любом безопасном месте, какое вы пожелаете выбрать. С этим я прибыл к вам...

– Мы встретились потому, что меня об этом просили люди, которых я уважаю. И которым верю. Но я не знаю тех людей, о которых вы говорите. Не знаю и не верю им. Почему вы полагаете, что я приму ваше приглашение?

– Это даст возможность предотвратить новые беды.

– Хотите, чтобы я выступил по американскому телевидению? – усмехнулся Бен Ладен. – Покаялся в том, чего не совершал?..

– Нет, я хочу другого. Прошу вас встретиться с теми, кто меня послал. Это люди, считающие, что Соединенные Штаты развиваются по гибельному пути. Они хотели бы изменить кое-что в стране. Но не теми способами, к которым прибегли вы...

– Вы зря считаете, что мне это интересно, – сказал Бен Ладен. – Вы можете передать дословно: человек, стоящий перед вами, не причастен к тому, что случилось три месяца назад. Или почти не причастен. Причастным оказалось лишь моё имя. Я не привык оправдываться. Как не привык и выражать сочувствие Штатам. Но я, если вы поднимете мои последние выступления, уже отрицал свою вину. И высказывал сочувствие Америке. И полагаю, этого достаточно.

– Ведь вы из ЦРУ? – спросил он Лари, когда они расставались.

– Да. В прошлом, – не стал скрывать Лари. – Теперь я работаю на других людей. И мне жаль, что вы не захотели с ними встречаться. Жаль, что не доверяете...

– Лично вам я доверяю. И не только потому, что вы появились с благословения аль-Басри. Просто если бы вы явились от моих врагов, то лучше меня знали бы о моей непричастности...

Полтора года спустя, Женева

Они встретились в здании международного аэропорта, на открытой галерее аэровокзала. Их разговор писался на плёнку. Вот её последняя часть.

– Мне иногда кажется, что мы больны, – говорит Коллинз. – Мечемся в кошмаре и никак не можем проснуться...

– Похоже, – отозвался Михеев.

В эти дни разворачивалось вторжение США в Ирак.

– Вы всё ещё занимаетесь кризисами?

– Кто ими сейчас не занимается? И что ещё есть вокруг нас, кроме них?

Пути Михеева и Коллинза разошлись вскоре после того, как с настояния Буша в Штатах был принят «Патриотический акт», разрешивший Агентству национальной безопасности США прослушивать любые телефонные переговоры, обыскивать частные дома, отслеживать электронную переписку любых лиц, кого американские спецслужбы сочтут опасными для режима. Каждый из бывших партнёров теперь занимался своим. Собственно, они всегда занимались своими делами. Они не были друзьями. И как сказал мудрец, люди встречаются трижды, чтобы либо никогда не расставаться, либо больше не встречаться. Теперь им предстояло на себе проверить максимум.

– Думаю, в истории США происходит нечто, чего она никогда не пережила, – будто думая вслух, сказал Коллинз. – Если начистоту, Джордж, Америки, какой мы её знали, не существует. Идёт её переформатирование, как сейчас говорят. Прежней Америки больше нет. Её не добились в Афганистане, продолжили в Ираке.

– Остаётся ждать настоящей катастрофы...

– Кажется, у вас в России есть поговорка: лежачих не бьют...

– Спасибо за знание нашего фольклора, Коллинз. Но должен сказать, сейчас бьют и лежачих...

– Мы стали говорить на разных языках?..

– Не думаю, сенатор. Просто наши души болят за разное. Россия ведь тоже – в тяжелейшей ситуации...

Голоса на магнитофонной плёнке перекрыл звук взлетающего самолёта.

Затем голоса вернулись. Говорил сенатор.

– Хочется верить, всё уладится. Может быть, добавит ума, люди поменяются...

– Может быть. Только мы оба знаем, что вступили в эпоху технологий, которые многое обесценивают. Люди для них не в счёт. И я давно замечаю, что как среди американцев, сенатор, так и среди русских всё больше тех, кто обходится не то, чтобы без ума, но без душ. И вот это может стать фатальным...

– Вы верующий человек?

Некоторое время Михеев молчал.

– Сложный вопрос для меня, – наконец сказал он. – Думаю, я не смогу сразу ответить. На Афоне мне сказано было: «И увидел я отверстое небо, и вот конь белый, и сидящий на нём называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует». В это мне верится...

– «Он имел имя написанное, которого никто не знал, кроме Его Самого», – закончил Коллинз Откровение Иоанна.

Снова включилась трансляция аэропорта. Объявлялась посадка на рейс Женева – Дубай.

– Это мой рейс, – сказал Михеев. – Увы, сенатор, далеко не всё зависит от нас с вами. Что будет, то будет, у нас говорят...

Они пожали друг другу руки и распрощались.

Запись кончилась. Шуршала в кассете плёнка.

Сидящий над магнитофоном человек выпрямился. Это был Черчилль. Некоторое время он молчал. О чём он думал?

В комнату вошёл генерал Хопкинс. Это его люди писали встречу.

– Сэр, я могу забрать аппаратуру? – показал он на провода и коробки.

– Да, Хопкинс, спасибо, – кивнул хозяин кабинета. – А как звали ту богиню, что я видел у вас в гостях? – спросил он вдруг. – Ту самую, майя, покровительницу самоубийц...

– Её имя Иштаб.

– Да, да, Иштаб! В чём был её культ?

– Трудно сказать в деталях. Я знаю, что в традициях майя самоубийство было широко бытующим способом смерти. Не менее высоким, чем быть убитым воином. Так можно было избежать болезней, позора, каких-то неразрешимых проблем.

– Собственно, как и сегодня.

– Иштаб сопровождала самоубийц в царство покоя...

– А вы слышали, генерал, что у шумеров, которые жили на другом континенте, это современный Ирак, была богиня со схожим именем?

– Да, сэр, её звали Иштар. Богиня войны.

– Разница в именах только в одной букве. Но притом, что у обоих этих народов не было букв, – только в звуке. В одном звуке. Не кажется это примечательным?..

– Это практически одно имя.

– Одно. И это должно что-то значить. Знаете, с тех пор, как вы показали мне миниатюру, это совпадение не выходит у меня из головы. Это ведь должно что-то значить?..

Генерал не ответил. Не знал, что ответить. Сделал вид, что занят демонтажем аппаратуры.

Не слыша ответа на свой вопрос, хозяин кабинета встал и прошёлся к окну. Он смотрел в окно, но можно было биться об заклад, не видел, что за ним.

Возможно, видел, как взлетали в последний рейс самолёты. Как возвращались, казалось, навсегда ушедшие болезни, как рвалась из непрочных реакторов ядерная преисподняя. А в закрытых лабораториях люди в масках на лицах занимались генной инженерией, выводили новые бактерии, клонировали животных и человека.

Там, за стенами, происходило ещё много такого, чего ранее не было и чего не знало человечество. К чему оно было не готово, чего боялось, ужасалось, но что наступало на людей неумолимо и бесстрастно.

Это был новый век, который лишь начинался...

Владислав АРТЁМОВ

АНГЕЛ МОЙ...

Девочка и мальчик

Жизнь опять заводит, как шарманщик,
Повторяет вновь она и вновь:
Жили-были девочка и мальчик,
И была у мальчика – любовь.

Расцветали яблони и вишни,
Улыбалась девочка цветам,
А его любовь, как третий лишний,
Шла и шла за ними по пятам.

Как поётся, так оно и было,
Не хочу прибавить ничего,
Дело в том, что девочка любила,
Но она любила – не его.

Не пойму, кого мне всё же жалче,
Ничего не ставлю ей в вину,
Вышел срок, и стал мужчиной мальчик,
И его забрали на войну.

Вы словам не очень-то и верьте,
Я и сам поверить был бы рад,
Говорят, любовь сильнее смерти,
Мало ли чего наговорят...

Он ушёл, назад не обернулся,
И в бою он помнил про неё,
Потому под пулями не гнулся...
Мальчик, мальчик, горяшко моё!..

В тесный круг враги сходились хмуро,
Словно в драке – все на одного...
Что ж ты натворила, пуля-дура,
Почему ты выбрала его?

Этот мир насквозь пропитан болью...
Всё равно не плачь и не реви,
Мальчик знал, что умирать с любовью
Веселей, чем жить – но без любви!

Невеста

Это было когда-то, а как будто вчера,
Полюбила солдата
Практикантка-сестра.

Он метался и бредил и в бреду повторял:
«Мы с тобою уедем...»
А куда – не сказал.

Как-то так, между делом, объяснился он с ней:
«Ты мне нравишься в белом,
Будь невестой моей...»

И без слов, с полужеста понимала она,
Что такое невеста:
Да почти что... жена!

Мир наполнился эхом, как пустынный вокзал,
Он однажды уехал,
А куда – не сказал...

И пошла по палате, ни жива ни мертва,
В ярко-белом халате
Практикантка-сестра.

И кричала в дежурке: «Он не умер, он спит...»
И пила из мензурки
Неразбавленный спирт.

Невпопад и не к месту всё твердила она:
«Что такое невеста?»
Да почти что... жена!»

Баллада о капитане

Любимая ни в чём не виновата...

Пётр Кошель

Он сам любил и был любим когда-то,
Но только жизнь петлёю завилась,
И для него стал самой чёрной датой
Тот день, когда она – не дождалась...

В Атлантике искал он Атлантиду,
Но, видно, долго за морем гостил –
Жену родную выпустил из виду,
А вышло как-то так, что – упустил.

Как долог путь с рассвета до заката,
Крута его дорога, не поката,
Шарахнулись соседи от него,
Когда к пустому дому он вернулся...
Но устоял!.. И только чуть прогнулся.
Ссутулился, не более того...

И день и ночь он помнит про утрату,
В календаре обвёл он эту дату
И написал наивные слова:
«Любимая ни в чём не виновата,
Любимая ни в чём не виновата,
Хотя она, конечно, не права!»

Имущества – шинель да два бушлата,
Духи «Шанель», что ей дарил когда-то,
Пустой и позабытый пузырьрёк,
Ещё осталась белая косынка,
Которою она махала с пирса,
А он в ответ ей брал под козырёк.

Ему всё время чудится зловеще,
Что мир кругом изменою пропах...
Он видит, как она хватала вещи,
А вот любовь – забыла впопыхах.
Он кроет её матом-перематом,
Он бродит неприкаян и небрит,
Но на груди, у сердца, под бушлатом
Косынку её белую хранит.

Твердят ему: «Оставь ты эту муку!»
Советуют: «Забудь её, змеюку!...»
А он всё повторяет: «Ничего...»
Но рвёт печаль и гнёт его кручина,
Не стонет он, поскольку он мужчина,
Лишь поседел, не более того...

Его уже давным-давно списали,
Его не раз наркологи спасали
И удивлялись: в чём душа жива?
И бредил он: «Поверьте мне, ребята,
Любимая ни в чём не виновата,
Пусть даже она трижды не права!»

Не спорьте с тем, во что он верит свято:
«Любимая ни в чём не виновата!..» –
Он затвердил, как клятву, как зарок.
И у судьбы пощады он не просит,
Лишь иногда ладонь к глазам
подносит,
Как будто бы... берёт под козырёк.

Две бабы

Как ни считай, а жизнь всего одна,
Что у бродяги, что у полководца...
Я молча наблюдаю из окна,
Как ссорятся две бабы у колодца.

А я опять с похмелья, на мели,
Небритые почёсываю щёки, –
Не обо мне ль, голубушки мои,
Заспорили, уткнувши руки в боки.

Мне любопытно слушать и смотреть,
Не знаю, кто упрямей, кто капризней,
Но я уверен в том, что баба-смерть
Вовек не переспорит бабы-жизни.

С обеими связался, сам не рад,
Давно бы я прогнал и ту, и эту,
Но, к сожаленью, выбор небогат,
Сказать по правде, выбора и нету.

Я с бабой-жизнью жил бы лет до ста,
Ведь так удобно мять её и тискать,
Она – ряба, смешлива и толста...
А баба-смерть – красива, как артистка!..

Зато и неприступна, как звезда,
Ни бигудей, ни старого халата,
Она стройна, бесплодна и худа...
А баба-жизнь почти всегда – брюхата.

Необъяснимы тайны бытия,
Все как один, – не верите, проверьте:
Примерные и верные мужья
В конце концов уходят к бабе-смерти.

И пусть достоинств больше у жены,
Пусть баба-смерть совсем не королева,

Но, что поделать, призрак новизны,
Как водится, влечёт нас всех налево.

Соблазн силён, и, как тут ни держись,
Слепая страсть подхватит и завертит...
И схватится за сердце баба-жизнь,
Застукав нас в объятьях
бабы-смерти.

Судьбы не перешьёшь, как ни крои,
И, для приличья постояв при гробе,
Уйдут к другим две бабы, две змеи,
Уж извини, они изменяют – обе!

Ангел мой

По Садовому кольцу,
Где земля в бетоне,
Шла она, прижав к лицу
Мокрые ладони.

Через вой, через поток,
Где машины мчались,
Шла девчонка – поперёк,
Шла она, качаясь...

Кто сказал, что счастья нет,
Да пошли их к чёрту,
Не ходи на красный свет,
Милая девчонка.

Или жизнь не удалась,
Помереть решила...
Полюбила только раз,
А потом – грешила...

До чего же ты глупа,
Жизнь губить напрасно!..
Ждёт зелёного толпа,
А она – на красный!

Ты откуда, ясный цвет,
Из какого сада?
Не ходи на красный свет,
Девочка, не надо!

Что ты ищешь, ангел мой,
В городском бедламе,

Уезжала б ты домой,
Возвращалась к маме.

А толпа-то замерла
У черты, у края...
Быть не может!.. Перешла!..
Перешла, родная...

Незванные гости

Жил я жизнью скромной и простой,
В тишине, как в горнице пустой.

Жил как все, особо не тужил
И легко с соседями дружил.

Знал, что голова моя пуста,
Да зато была в ней – чистота.

Но однажды, хмурые, в пыли,
Мысли в мою голову пришли.

Нанесли со всех земных дорог
Голосов, сомнений и тревог...

Тучею нависли над столом:
«Эй, очкарик! Сбегай за вином!..»

Как-то с ходу перешли на «ты»
И окурки тыкали в цветы.

Голытьбу зазвали со двора,
И пошла гулянка до утра...

«Хто козёл?.. А ну-ка, докажи...» –
И, хрипя, хватались за ножи...

На ковре побитое стекло,
На душе темно и тяжело...

Я их выпроваживал, как мог:
«Вот вам Бог, а вот вам и порог...»

Я толкал их в спину, но, увы,
Мысли не идут из головы.

Я сломался, я рукой махнул
И ногой к столу подвинул стул...

Кто не судит – будет не судим...
За столом, обнявшись, мы сидим.

Эти мысли душу мою рвут,
Всё-то песни горькие ревут.

Эх, развеяй печаль мою, тугу,
Подвываю, вою, как могу...

Человек с собачьей головой

«Да какой я, к бесу, алкоголик?..
Жись, браток... Хоть пей, хоть волком вой...» –
И дышал в лицо мне через столик
Человек с собачьей головой.

Я ему поддакивал с участием,
Пособлял, поддерживал бокал,
Очень трудно пить собачьей пастью,
Впрочем, и не пил он, а лакал...

Я и сам нарушил меру, каюсь,
Рассказал и я ему «про жись»...
Оба мы, конечно, налакались,
Проще выражаясь – нажрались.

А потом прощались на вокзале,
Ах, какая жалость, Боже мой...
Плакал человечьими слезами
Человек с собачьей головой.

Я уехал с порванной рубахой,
А потом в метро на Кольцевой,
Помню, назвала меня собакой
Женщина с собачьей головой.

Я же горько думал: «Год от году
Краше и светлей моя Москва,
Сколько ж в ней прибавилось народу,
И у всех – собачья голова...»

И, ругая мэра вместе с мэрией,
Опираясь о косяк плечом,
Я стоял, качаясь, перед дверью
И не мог в замок попасть ключом.

Из квартиры шёл чудесный запах,
Там жена готовила пирог...
В дверь-то я вошёл. На задних лапах...
Ну а уползал – на четырёх...

Колобок

Не возносись над бедным человеком,
А всем, что есть, делись с ним пополам,
А ну, гребни ладонью по сусекам,
А ну, скреби метлой по закромам...

Живущие на свете, «дайте краба!» –
Не из фольклора сказочка моя,
На самом деле – жили дед да баба,
Дед настоял – и появился я.

Меня слепили из крутого теста,
И, не остывши, на свою беду,
Сорвался я с насиженного места,
С тех пор себе я места не найду.

Кто в ад пойдёт, а кто в раю спасётся,
Моя ж судьба крива и непроста,
Пока я жив, мне места нет под солнцем,
Куда ни сунься – заняты места.

Какое б я местечко ни нашарил,
Мне шатко, как на склоне на крутом,
Не может удержаться шар на шаре,
Земля ведь шар... И вертится притом.

В колдобинах весь мир, будь он неладен,
С любого склона катишься на дно,
Мне ничего не светит, кроме впадин,
А впадина и яма – суть одно...

Кочую я, ночую по соседям,
Куда ни сунься, надпись: «Нету мест!»
Зато меня не схватят волк с медведем,
Бог не продаст, свинья меня не съест...

Я поражен, как долго длится сказка,
Насквозь прошёл я тёмные леса,
Что ж до лисы, то вышла неувязка —
Я зачерствел, не жрёт меня лиса...

Судьба моя, ты много обещала,
Но жизнь сложилась просто, как лубок,
Финал затёрся... Есть зато начало.
Начнём сначала: «Жил-был колобок...»

Александр ГЕЛЬБАХ

ПО ВОЛЕ ВОЛН... ИЛИ ПРОТИВ?

«...Плывет мой чёлн по воле волн...» Зарифмованная мечта нормального человека о покойной жизни и непротивлении судьбе. А вот первый закон некоего Мерфи о езде на велосипеде: «Независимо оттого, куда вы едете – это в гору и против ветра!»

Я достиг того интересного возраста, когда можно позволить себе приостановиться в беге и подумать о важном. Например, о собственной жизни. В ней уже как будто все ясно. И совершенно непонятно. И, кажется, мудрость мира сосредоточена в философском парадоксе Сократа: «Я знаю, что ничего не знаю».

Сопоставив «зарифмованную мечту» с «велосипедным законом», придётся согласиться, что жизнь соткана из диалектических противоречий, бороться с которыми совершенно бесполезно. И не нужно. Потому что они (противоречия) в конечном итоге обязательно сами себя преодолевают. Во всяком случае, мой опыт лично для меня служит тому определённым доказательством.

ОТ ВИЛЬНО ДО ВЛАДИКА

От порога моего «ранчо» на Русском острове видно море. Ну если не само море, то залив Новик, что, мне кажется, не менее интересно. И дорого. Во-первых, потому что всегда уважал моряков и любил море. Во-вторых, был матросом, и около двух лет «бороздил просторы». Ну, а в третьих, работал в МГУ имени адмирала Г.И. Невельского (бывший ДВВИМУ). Ушёл из вуза на пенсию с должности главного редактора университетского издательства. Но – обо всем по порядку.

Появился я на свет в далёком 1946 году в славном городе Вильно¹. Вот с этого момента преодоление противоречий, пожалуй, и началось. Вступив в первый сознательный возраст (от 4 до 6) я узнал, что в роду моём ещё в царской России были представители армии и флота, военные медики. Решил готовить себя к морской службе. Подростком усиленно занимался разными видами спорта (плавание, бокс, футбол и т.д. – разряды от III до I юношеского), учил английский. Но когда окончил среднюю школу и подал заявление в военно-морское училище, срезался на главном экзамене. Был окончательно и бесповоротно забракован по здоровью. Медики нашли у меня «сердечные отклонения», которые я сам всерьёз ощутил лишь в предпенсионные годы.

1 **Вильно (Вильни, Выльне, Вельне)** – это историческое название города, который практически стал именоваться Вильнюсом только после того, как «щедрою рукой» Иосиф Сталин передал его Литве в 39 году прошлого века. Та же участь постигла и немецкий город Мемель, в советские годы превратившийся в порт Клайпеда. Интересующиеся могут узнать подробности из статей в Википедии – свободной энциклопедии, никак не связанной с «коммунистической пропагандой».

Но факт остался фактом: судьба с моей мечтой стать военным моряком обошлась круто. Поэтому продолжение получилось «по воле волн». Мои отец и мать работали журналистами. И я рано приобщился к этой профессии. Както, учась ещё в 9 классе, попал в Ленинград. У ленинского «шалаша» в Разливе встретил космонавта-2 Германа Титова. Щёлкнул затвором фотоаппарата. Снимок оказался удачным и с «развернуто-патриотичной» подписью был опубликован в газете «Советская Литва».

К окончанию школы у меня за плечами было участие в стенгазете и публикация нескольких коротких заметок о подростково-юношеских мероприятиях в газете республиканской. Конечно, не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что мои родители давно и прочно «закрепились» в журналистском цехе. Мама была собственным корреспондентом Всесоюзного радио и телевидения по Литве и Калининградской области, отец – заместителем редактора журнала ЦК Компартии Литвы «Коммунист». Так или иначе (по благу или без него – как читателю угодно), но я получил красные корочки нештатного корреспондента «Советской Литвы». Бегал с ними достаточно резво (репортёра, как волка, ноги кормят), умудрялся получать приличный гонорар и через несколько месяцев был принят в штат на половину ставки младшего литературного работника в отдел новостей.

Выработав положенные два года трудового стажа, поступил на факультет журналистики Ленинградского госуниверситета. Храм науки произвёл впечатление. Но оно было разным.

Например, мне показалось странным, что преподавательница античной литературы – женщина весьма полная и в серьёзных годах, одетая в чёрный балахон, напоминающий сутану, на первой лекции спросила: «Вы знаете, как звучит «Илиада» Гомера на языке оригинала? Послушайте...» И все два академических часа она читала нам знаменитую поэму на греческом. После такого испытания на лекции милой старушки я не ходил. Потому что греческим языком не владел и учить его не собирался. А с «Илиадой» познакомился ещё в школе в переводе Гнедича.

Слегка разочаровал и профилирующий предмет – «Теория и практика советской печати». В теории весь первый семестр мы изучали, как надо писать «заметки», «расширенные информации» и короткие «репортажи с места событий». На практике, чтобы получить зачёт, в течение четырех месяцев надо было написать одну(!) заметку, одну(!) информацию и одно(!) подобие репортажика. После ежедневной газеты, где по-настоящему котировалась только оперативная информация со словом «вчера» (сегодня событие, завтра – в газете), такой подход мне казался насмешкой над здравым смыслом.

В общем, студентом я был аховым. Многие лекции пропускал, иногда не ходил и на семинары, коллоквиумы. Но экзаменационные сессии на первом курсе сдал без «хвостов». А однажды, когда уж совсем ничего не знал, вывернулся за счёт своего «лёгкого характера».

Тогда на Невском проспекте без простоев и убытков действовали любопытные забегаловки под разгуляйным псевдонимом «Совшам». В них по магазинным ценам разливали «Северное сияние» (смесь коньяка с шампанским) и давали закусить конфеткой. Заглядывал я в них редко. Но на сей раз не прошёл мимо. Предстоял экзамен по политэкономии социализма. А я прочитал по теме только пару тоненьких брошюр и чувствовал, что «ни в зуб ногой».

Поэтому по дороге на Университетскую набережную в двух попутных «Совшмаках» принял по солидной порции с конфеткой и «засиял изнутри». Смелости не занимать: сдавать экзамен я нахально вызвался первым. Преподаватель взял мою зачётку, повертел, задумчиво прочёл: «Александр Павлович... Теория и практика "отлично". Продолжил назидательно: "Что-то я не видел вас, молодой (был таким!) человек, ни на одном семинаре. Мог бы и не допустить к экзамену. Но за храбрость прощаю. Слушаю вас..."»

Послушал минуты три и высказал сомнение в моих глубоких знаниях. Я с ним легко согласился и вышел из аудитории в коридор.

А там люди толпятся, переживают. Чтобы их развлечь и отвлечь, рассказал какой-то анекдотец. Время идёт, ребята выскакивают из аудитории расстроенные, девочки в слезах – сплошные «пары». Ну и экзаменатору наскучило. Он выглянул в коридор. В этот момент я снова рассказывал что-то смешное. Он послушал, улыбнулся, ушёл. Минут через двадцать снова явился. Бог похмеля меня не оставил – ещё ораторствую. Вызвал новую «педагогическую улыбку».

Экзамен завершился. 90 процентов студентов из нашей группы его успешно завалили. Но многие на что-то надеются, ждут. Преподаватель выходит, они к нему: «Мы учили. Знаем. Это от волнения...» Он непреклонен: «Повторная сдача экзамена после сессии. – И вдруг обращается ко мне (я скромно стою в сторонке, молчу): – А вас, Александр Павлович (запомнил!), прошу ко мне завтра утром. Попытайте счастье ещё раз»...

На следующее утро в полной уверенности, что экзамен сдан, лечу в университет. К билетам протягиваю руку, чтобы соблюсти формальность. А преподаватель говорит: «Вам билет не нужен. Я сам задам вопросы. Будет понятно, знаете ли вы хоть что-нибудь из нашего курса». И задаёт на полном серьёзе. Что-то вроде: а) изменение закона стоимости при социализме; б) роль товарно-денежных отношений; в) общественные фонды потребления в решении социальных задач...

Я в прострации. Сел и 45 положенных минут думал, к какому извращенцу и садисту в лапы попал? А он ещё издевается: «Время вышло, Александр Павлович. Пожалуйте на экзекуцию!»

Хоть и было совершенно безнадёжно, я начал что-то произносить. Иезуит меня перебил и... продолжил тему. Отвечал на поставленные им самим вопросы больше часа. Потом объявил: «Теперь, Александр Павлович, я уверен, что основы политэкономии социализма вы усвоили. Поэтому с чистой совестью ставлю вам "удовлетворительно"».

Впоследствии политэкономии и капитализма, и социализма мне приходилось сдавать не на журналистском, а скорее, на политфилософском уровне. И только на «отлично». Даже лекции по линии общества «Знание» читал о сравнительной экономике США и СССР. В них старался убедить слушателей (и себя заодно), что победа непременно будет за Страной Советов.

Но суть политэкономии социализма я на самом деле понял тогда в Ленинграде. Она в братстве и взаимопонимании иронично настроенных людей... Ведь нельзя же всерьёз считать экономическим законом «работу по способностям», а удовлетворение нужд «по потребностям». Увы, это аксиома: чем меньше у человека способностей, тем безграничнее его потребности. И такое непримиримое противоречие без развитого чувства иронии никому и никогда не преодолеть.

Ещё должен отметить, что на первом курсе мне исполнилось всего 18 лет отроду (рано пошёл в школу и рано её окончил). Конечно, я влюбился. Избранница

ответила мне полной взаимностью, но... Вышла замуж она на втором курсе за геолога из Сибири, который был лет на десять её старше. Мне объяснила: «Он надёжный, с ним мне всегда будет спокойно. Ты лёгкий, унесёт тебя любым попутным ветром...»

Не уверен, что она точно угадала мою сущность. Но я расстроился. Бросил дневное отделение ЛГУ и перевёлся на заочное в Московский университет. Вернулся в редакцию «СЛ». Учиться заочно у меня получалось плохо. Автоматом ставили «отлично» только по теории и практике совпечати. Появились «хвосты». Высшее образование я всё же преодолел. Правда, произошло это через 11 лет (заочная эпопея в МГУ продолжалась у меня четыре с лишком года) после начала учёбы в Ленинграде. Получил даже красный диплом (с отличием), но не в Московском университете, а в высшей партийной школе.

В те времена среди партийных и советских чиновников высокого ранга было модно и престижно иметь по два и три диплома о высшем образовании (как у нынешних их последователей защищать «на досуге» кандидатские и докторские диссертации). Не помню уж у кого, но у кого-то из полудиссидентских писателей я вычитал точную характеристику явления: «Диплом о высшем гуманитарном образовании для чиновника – это щит от обвинения в слабоумии». А если три диплома? Это ведь щит непробиваемо-всесторонний!

Замечание не по сути, а, скорее, к слову. И к тому, что ироничный триллер об «особенностях национальной охоты и рыбалки» сегодня можно было бы дополнить «особенностями национального образования» чиновников.

Поэтому я не переживал и не переживаю, что у меня всего один диплом. Он, уверяю, весьма основательный.

Школу журналистской практики я прошёл без пропусков и отлынивания. Последовательно: мл. литраб, корреспондент, старший корреспондент, зам. ответственного секретаря, зав. отделом, наконец, зам. редактора газеты «Советская Литва».

Писал и печатался я много. Но стал сильно сомневаться в эффективности партийного «газетного трёпа». Потому что помнил и уже понимал предостережение гениального русского лирика Фёдора Тютчева: «Нам не дано предугадать, // Как наше слово отзовётся...» Выступления «меченого перестройщика» Горби начинали раздражать людей, постановления ЦК КПСС и прочих пленумов поражали тавтологией, порой «выносили мозг» своим барабанным боем и явной глупостью.

Перестройка перерастала в перестрелку. А Литва превратилась в первый среди союзных республик полигон, где опробовались на практике рецепты разрушения сверхдержавы – СССР. Подробно рассказать о событиях тех лет – всей книги не хватит. Поэтому попробую очень сжато.

«САЮДИС», «ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ», ТИХИЙ ОКЕАН

В Литве во второй половине 80-х годов прошлого века появилось «демократическое» движение «Саюдис»¹, которое возглавил музыковед

1 **Са'юдис** (лит. *Sąjūdis*, «Движение») – общественно-политическая организация (также «народное движение») Литвы, возглавившая в 1988-1990 гг. процесс выхода (отделения) Литовской ССР из состава СССР.

Витаутас Ландсбергис¹. В создании и пестовании отряда националистически настроенных «либералов» приняли участие очень разные «родители». От агентов влияния США (член политбюро, секретарь ЦК КПСС Александр Яковлев) до высокопоставленных сотрудников КГБ Литовской ССР и секретаря ЦК Компартии Литвы Ляонаса Шепетиса. Последнего в народе так и называли: папа «Саюдиса».

Редколлегия газеты «Советская Литва» ещё в 1987 году (зарождение первых организаций «Саюдиса») приняла решение навязать «народному движению» публичную дискуссию. Тогда только слепому или не желающему открывать глаза было не ясно, что «Саюдис» ведёт подрывную деятельность, направленную на разрушение страны. Но после публикации нескольких острых материалов нас одёрнули: из секретариата ЦК КПСС поступило прямое указание «не мешать развитию демократии в национальной республике».

19-20 декабря 1989 года состоялся XX съезд КПЛ. На нём абсолютным большинством голосов было принято решение отделиться от КПСС и создать самостоятельную КПЛ (впоследствии она преобразовалась в Демократическую партию труда Литвы). Часть коммунистов с решением не согласилась. Была сформирована Коммунистическая партия Литвы (на платформе КПСС). Её возглавил глубоко уважаемый мною доктор исторических наук, профессор Миколас Бурокаявичюс. Он сразу предложил мне стать редактором новой партийной газеты. Я отказался, потому что ещё питал иллюзии. Был знаком, даже приятельствовал со многими «саюдистами» – «трудовиками» и не верил, что они пойдут на полный разрыв с Россией.

Забеспокоились и «перестройщики» из Москвы. В редакцию «СЛ» даже приехал спец. посланец из ЦК КПСС. В беседе со мной он убеждал «стоять на твёрдых позициях» и «отстаивать». Я возразил, что совет бесполезный: к догмам политэкономии социализма нет почтения... Москвич сорвался в крик:

– Не плюй в колодец, из которого ещё пить придётся!

Ответил ему резко:

– Вы его так загадили, что уже никто из него пить не захочет!

Должен признаться, что к тому моменту в «перестройке», «демократизации», «ускорении», «сухом законе» и пр. галиматье, придуманной Горбачёвым, я, как и тысячи других коммунистов, разочаровался. Но ещё верил в сохранение, пусть и видоизменённого, Союза ССР. Сам писал, пытался разъяснить, цитировал записку Владимира Ильича Ленина I съезду советов²: «...не следует зарекаться... от того, чтобы... вернуться... назад, т.е. оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность...»

Наконец, очнувшись от летаргического сна и Михаил Горбачёв. Он «осчастливил» Литву своим посещением. Но было поздно. В своём, скрывавшем огромное

1 **Ландсберг(ис)** – фольксдойч, сын министра фашистского правительства Литвы, действовавшего в республике до 1939 года. Он приветствовал и радостно встречал гитлеровские войска, вступившие в Вильнюс 23 июня 1941 года. Его сын Витаутас долго притворялся просоветски настроенным учёным. В своей кандидатской диссертации он только в превосходных тонах говорил о Советской власти, которая, по его словам, на «небывалую высоту» подняла литовскую музыкальную культуру.

2 **30 декабря 1922 года** I съезд советов провозгласил создание федеративного Союза Советских Социалистических Республик. Ленин уже был тяжело болен. Он продиктовал записку «К вопросу о национальностях или об "автономизации"».

родимое пятно, меховом «пирожке» Миша смотрелся скорее клоуном, чем главой великого государства. На его блудливые речи и нелепо-скрытые угрозы никто серьёзного внимания не обращал.

В феврале 1990 года на выборах в Верховный Совет Литовской ССР кандидаты «Саюдиса» получили 101 депутатский мандат из 141. На первом же заседании 11 марта они приняли Акт восстановления независимости Литвы. То есть провозгласили выход республики из Союза ССР. Верховный Совет ЛССР «саюдисты» между собой уже именовали Сеймом. А через пару дней последовал указ о запрете выпуска газеты «Советская Литва». Ландсбергис сообразовал разрешить редакции самой продумать название нового издания.

Предложением мы воспользовались. Решили не отступать от вековых традиций: в Виленском генерал-губернаторстве Российской империи на русском языке выпускались «Вестник Западной России» и «Виленский вестник». Мне поручили передать Ландсбергису, что коллектив редакции готов издавать газету «Литовский вестник».

В точно назначенное время я был в кабинете председателя Сейма. Вручил ему бумагу с новым названием газеты. Музыковед слегка побагровел, раздвинул тонкие губы в извительной улыбке, спросил, почти прошепел:

– Вы лично это придумали?

– Редколлегия утвердила.

– Подождите пять минут в приёмной. Вас пригласят.

Я вышел из кабинета. Прошло минут 10, меня пригласили. Ландсбергис протянул мне документ, которым предписывалось «Советскую Литву» впредь именовать «Эхом Литвы». Рукопожатие не состоялось. А я для себя решил, что работать в «Эхе...» не буду ни при какой погоде.

Предписание, как и полагалось, я передал редактору. А сам отправился в ЦК Компартии Литвы (на платформе...), которое временно обитало в здании «Политпроса» и действовало почти в условиях подполья. Тут же был назначен редактором, получил поручение в кратчайшие сроки возобновить выпуск газеты «Советская Литва».

Издавать «СЛ» на территории республики было невозможно – все типографии под контролем «Саюдиса». Нам помогли военные. На самолёте командующего сухопутными войсками СССР Валентина Варенникова меня, ответственного секретаря новой редакции Юрия Строганова и примкнувшего к нам московского генерал-майора из Политуправления ВС отправили в Минск. Расстояние – около 180 км. Что называется, взлетели – сели.

Честно сказать, уже в пустой «Тушке» (на огромный салон всего три пассажира!) я проникся важностью миссии. Но ещё более взволновала встреча в Минске. На военном аэродроме нас, двух «шпаков» и одного политуправленца, встречал весь генералитет Белорусского округа и вереница до сияющего блеска отполированных чёрных «Волг» во главе с представительской «Чайкой». У трапа, вытянувшись по стойке «смирно», стоял «целый» генерал-полковник.

Когда встречающие разобрались, что главкома Варенникова в самолёте нет, вздохнули, по-моему, с облегчением. Генерал-полковник пригласил политуправленца (больше мы его не видели) в «Чайку», а нас со Строгановым отправили на «Волге» в издательство ЦК Компартии Белоруссии. К утру 15 тысяч экземпляров «Советской Литвы» были готовы. Мы вновь прибыли на знакомый аэродром. «Тушки» Варенникова не было. Но уже ворчал двигателем и опробовал

винт боевой вертолёт с пустыми кассетами для пуска ракет. На нём мы и доставили первый тираж возобновлённой газеты в Вильно.

Полёты в Минск стали регулярными. Популярность «Советской Литвы» росла. Вскоре мы печатали тираж в 30 тыс. экземпляров. Распространяли газету партактивисты, частично попадала она и в киоски «Союзпечати». И тут меня вызвали в Главлит (Главное литературное управление). Бывший редактор «СЛ», а нынешний – «Эха...» Василий Емельянов¹ обратился с заявлением, что именно его редакция является преемницей «СЛ», следовательно, и правообладателем на её название. То есть имя «Советская Литва» мы используем незаконно.

Председатель Главлита был моим давним знакомым и хорошим коммунистом (его тогда просто не успели сместить с должности). Мы обсудили проблему. Если продолжать выпуск «СЛ» под прежним заголовком, то распространять её через киоски «Союзпечати» станет невозможно. Газету могут арестовать, где бы она ни появилась, могут конфисковать и весь тираж. Преследованиям подвергнутся и сотрудники редакции. Но изменить название, значит, сдаться на милость победителей. И тут пришла идея: а если просто поменять местами слова?

– «Литва Советская». Звучит даже наступательно. И такой заголовок никем никогда не регистрировался.

– Очень правильно, – согласился председатель Главлита.

Газета под новым заголовком не потеряла своей остроты и популярности.

Взялся за воспоминания, и накатывают подробности. На улицы Вильнюса вышли танки. Партийная собственность – здание ЦК КП Литвы, издательство и др. – были возвращены законному владельцу. Необоснованным, с моей точки зрения, выглядел только захват республиканского телевидения. Там появились и первые жертвы. Так называемые «герои», павшие «в борьбе за независимость Литвы». «Так называемые», потому что большинство из них погибли от пуль самих «саюдистов». Снайперы охраны, созданной Ландсбергисом, забрались на крыши домов и стреляли в толпу сверху вниз (это подтверждено актами судебно-медицинской криминалистической экспертизы). Ни одного солдата СА на зданиях вокруг ТВ не было.

О событиях написано очень много. «Саюдистская» пропаганда наворотила горы лжи. Но правда прорывалась. Первые честные отчёты криминалистов «Литва Советская» опубликовала сразу, как только стало известно о гибели людей. Сегодня опубликованы и признания бывшего руководителя «саюдистской» охраны Буткявичюса, который лично руководил расстановкой своих снайперов на крышах домов. Правду в Литве знает каждый житель. Но до сего дня власти в уголовном порядке преследуют тех, кто открыто её провозглашает.

Впрочем, скороговоркой опровергнуть происшедшую трагедию, наверное, невозможно. История когда-нибудь всё точно расставит по своим местам. А пока читателю придётся поверить мне на слово (или не верить – как угодно). Но для меня совершенно ясно, что главным виновником трагических событий в

¹ **Василий Емельянов** был удивительным приспособленцем. Строитель по образованию, он, кажется, ни дня не работал на стройке. Ещё в вузе стал комсомольским, а после его окончания и партийным функционером. Направлен был в редакцию «СЛ» из аппарата ЦК КП Литвы. Выходец из семьи староверов, Емельянов плохо говорил и с бесчисленными ошибками писал на русском. Но нос всегда держал «по курсу». Заседания редколлегии часто начинал со слов: «ЦК КПСС требует, а **вы, журналисты**, не понимаете своей ответственности». Потому и его заявление в Главлит не вызвало у меня удивления. Он обязан был выслуживаться перед новым начальством. Делать-то толком ничего не умел...

Вильнюсе 1990 года (как и на проспекте Шота Руставели в Тбилиси) был и остаётся профессиональный провокатор и западный прислужник Михаил Горбачёв.

Он неуклюже разыгрывал «невинность», рассказывал на всех «лондонских углах» о том, что ни сном ни духом не ведал о «внезапных» выступлениях армии. А сам подталкивал коммунистов, честных и преданных присяге солдат и офицеров к действиям, жаждал пролития крови. Свидетельство тому документы под грифом «совершенно секретно» о введении чрезвычайного положения в Литве. Их я видел (не читал) собственными глазами в ЦК КП Литвы. Под ними стояла факсимильная подпись Горби. Они, наверное, и сейчас хранятся в закрытых архивах под тем же грифом. И вряд ли будут обнародованы в обозримом будущем. Ведь предательство, разрушение великой страны было угодно, устроило многих современных властителей мира. На Нобелевской премии Горбачёва пятна крови.

Он повинен и в личной трагедии удивительно доброго, честного, искреннего и верного коммунистическим идеалам первого секретаря ЦК Компартии Литвы (на платформе КПСС), члена политбюро ЦК КПСС Миколаса Бурокаявичюса. Расскажу о «тайной вечере», в которой мне пришлось принять непосредственное участие.

Это было в конце июня 1990 года, в канун открытия XXVIII съезда партии. Делегаты от Литвы готовились отправиться в Москву. Буквально за два дня до открытия съезда Бурокаявичюс пригласил меня поехать с ним в Минск. Машина остановилась у одного из зданий ЦК КПБ. Нас проводили в зал, где был накрыт стол с традиционным салатом оливье, шпротами и водкой. Здесь уже находились члены ЦК КПСС первый секретарь ЦК Компартии Эстонии Вайно Вяльяс и первый секретарь ЦК Компартии Латвии Альфред Рубикс. Последним в зал вошёл хозяин застолья, первый секретарь ЦК КПБ (тоже член ЦК КПСС) Анатолий Малофеев.

Обмен ничего не значащими любезностями продолжался пару минут. Малофеев поднял первую рюмку: «За встречу!» Потом предложил взять слово Вайно Вяльясу. Эстонец сильно волновался, говорил сбивчиво. Но суть его короткой речи свелась к одному: делегация коммунистов республики проголосует на съезде за отстранение от должности Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачёва.

Присутствующие молча пригубили свои рюмки. Следующий «тост» произнёс латыш Альфред Рубикс. Он горячо поддержал эстонского коллегу, сказал, что политика Горбачёва ведёт к развалу страны и партии.

— Дальнейшее его пребывание на посту генсека губительно и недопустимо! — заключил он.

Возникла непродолжительная пауза, во время которой Вяльяс и Рубикс до дна опорожнили свои рюмки. Несмотря на то, что во время совместной поездки в автомобиле мы с Бурокаявичюсом говорили о многом, я совершенно не знал, как он отреагирует на два предыдущих «тоста». Профессор говорил медленно, отчего его слова звучали особенно внушительно:

— Партия переживает трудное время. Демократические реформы нам необходимы. Инициатором их стал Михаил Горбачёв. Убеждён, что только он сегодня способен вывести страну из кризиса. Я верю Михаилу Сергеевичу больше, чем самому себе.

Напряжённость, омрачившая лицо Малофеева после первых двух «тостов»,

исчезла. Он расслабился и, по-моему, с большим вдохновением опрокинул в себя рюмку водки. Подытожил:

– Коммунисты Белоруссии согласны с позицией литовских товарищей. Думаю, мы должны сделать всё возможное, чтобы сохранить сплочённость партии. За это и выпьем!

Продолжение застолья, несмотря на слегка наигранное веселье его хозяина (он даже рассказал какой-то смешной анекдот), было скомкано. Участники «тайной вечера» довольно поспешно расстались.

Чем закончился XXVIII съезд КПСС и каким поражением он обернулся для страны, известно. Я не знаю, почему именно меня Миколас Бурокаявичюс выбрал в спутники на секретную встречу руководителей республиканских делегаций на партсъезд. Возможно, полагал, что, как человек пишущий, не удержусь и когда-нибудь расскажу о ней. Более 20 лет я хранил молчание. Сегодня впервые рассказываю о «тайной коммунистической вечере».

С моей точки зрения, она напрямую перекликается с «тайной вечерей» Иисуса Христа с апостолами. Иисус видел предательство, но заранее согласен был принять муки, распятие на кресте за грехи человеческие.

Уверен, проницательный Миколас Бурокаявичюс тоже не обманывался. Ведь он уже сталкивался с коварством генсека. На заседании бюро ЦК КПЛ, где присутствовали присланные из Москвы (считай, Горбачёвым) многозвёздные генералы, он резко возражал против вывода войск и танков на улицы Вильнюса.

– Даже если будут только холостые патроны, даже если вы прикажете десантникам не шевелить прикладами автоматов, кровь прольётся. И она навсегда ляжет тяжким, нестираемым пятном на авторитет нашей партии.

С его мнением Горбачёв не посчитался. Танки вышли на улицы города. А Горби, укативший в «горячие» дни в очередную загранкомандировку, сделал вид, что не заметил «военного манёвра».

Миколас Бурокаявичюс, конечно, не святой. Но за «тайную вечерю» он заплатился полной мерой: провёл в заключении в Лукишкской тюрьме Вильнюса долгих 12 лет. Но и во время несправедного суда над ним, и за все годы его сидения Михаил Горбачёв не обронил ни слова в защиту и поддержку своего товарища по руководству партии.

...Далее было ГКЧП. Вечером 21 августа 1991 года, как обычно, дежурная бригада работала над выпуском очередного номера «Литвы Советской». Но ему не суждено было увидеть свет. Начальник охраны, бравый капитан-десантник зашёл ко мне в кабинет и доложил:

– Товарищ редактор, мне приказано оставить здание издательства ЦК Компартии Литвы. Предлагаю вам выйти вместе с нами. По периметру комплекса наблюдаем движение странных людей. Они могут быть вооружены.

Потом Москва. Меня назначили собственным корреспондентом газеты «Развитие» (бывшее издание ЦК КПСС «Строительная газета») на Дальнем Востоке. Газета сохраняла чёткую социалистическую направленность. Продержалась редакция несколько лет, но пришла в упадок. Пришлось искать новую работу. Так я стал матросом катера «спецназначения» Южных электрических сетей ОАО «Дальэнерго». Затем работа пресс-секретарём в «Востокинвестбанке», в том же «Дальэнерго», корреспондентом в «Парламентской газете» на Дальнем Востоке и т.д. Если «СЛ» я был верен 27 лет, то во Владивостоке менял места службы чуть не ежегодно.

Задержался в Морском государственном университете имени адмирала Г.И. Невельского. И благодарен судьбе. Потому что познакомился с людьми на самом деле неординарными. Всегда буду помнить рано ушедшего из жизни ректора Вячеслава Ивановича Седых. Он был человеком широкой души, настоящим учёным и организатором высшего морского образования.

Проректор, страстный яхтсмен Владимир Фёдорович Гаманов. Профессор Евгений Иванович Жуков. Всех, к сожалению, не перечислить.

Я горжусь, что причастен к изданию нескольких добротных «морских» книжек. О кругосветном плавании учебного парусника «Надежда», о регатах, в которых прославились многие курсанты и преподаватели вуза, наконец, о 120-летию морского образования на Дальнем Востоке.

Горжусь и тем, что получил право носить настоящую морскую форму с погонами старшего офицера гражданского флота. Далёкая мечта юности стать военно-морским офицером преобразилась, но всё же состоялась. Противоречия судьбы, о которых говорил в начале этих заметок, сами себя преодолели. Живу я на острове Русский, омываемом водами Великого океана. На склоне лет я на Родине. Можно ли желать большего?..

Диана КАН

НАСТАЛА ПОРА

* * *

Когда заря запылала ало
И волжский окровавила прибой,
Я выплакаться к Волге прибежала
И долго причитала над водой.

Печали, что копились долго-долго,
Слезами и словами излила.
Так долго я рыдала, что лишь Волга
Меня понять и выслушать могла.

О том, что жизнь не оказалась гладью,
И что любовь земная так горька,
Рыдала я над волжскою быстрядью:
«Прими обратно, матушка-река!...»

Полночных звёзд рассеянный стеклярус.
Зари вечерней сумрачный пригас...
И – плыл ко мне поднявший алый парус
С проть-берега отчаливший баркас.

* * *

На землю снизошед с небесной выси,
Влачу века сквозь призрачный туман.
Мечу пред кем попало скатный бисер
И подливаю воду в океан.

А океан не только многодумный,
Космично выводящий свой напев...
Во гневе он порой бывает буйный
И на меня свой обращает гнев.

Я б в небеса вернулась, может статься,
Как люди возвращаются домой.
Увы, удавками электростанций
Стреножен бег неукротимый мой.

Но я другой судьбы себе не чаю.
Хоть путь земной неласков и тяжёл,
Но кровь моя небесно голубая
Горит огнями городов и сёл.

Она горит, пронзая мрак упрямо,
Познав и высоту, и глубину.
А я храню затопленные храмы,
Баюкаю персидскую княжну.

А я горжусь горою Девьей статной
В преданиях, как будто наяву.
И голью, словно жемчуг, перекатной,
Что жигулёвской вольницей зову.

* * *

Ты говорил мне пустые слова,
Не отражавшие суть:
«Вот и Нева!..» Ну и Нева?
Это неважно ничуть!

И отражались, как вещие сны,
В сумрачной невской волне
Белые ночи, чёрные дни,
Медный кумир на коне.

И провожал поезда на Москву
Город, пленявший умы.
И неотрывно смотрели в Неву
Неотразимые мы.

Только и надо — объятья разжать
Перед свиданьем с Москвой...
...Город, привыкший врагов отражать,
Не отразил нас с тобой.

* * *

Сбежавшая с картины Хокусай
(Да так, что ветер взвизгнул за спиною!)
Я в русских несуразных снах витаю,
И дым печной клубится надо мною.

О, Хокусай-сан, как вы неправы,
Мне душу посыпая жгучим перцем!..
Большой волной несчастной Канагавы
Тоска нет-нет, да и подкатит к сердцу.

И поддаюсь великому соблазну –
Цветенье сакур узнаю во выюгах...
Какой непредсказуемой и разной
Бывает Русь в своих сынах и внуках!

Они порою не светловолосы.
Дела их не всегда богоугодны.
Они таят коварные вопросы...
И лишь во снах своих они свободны!

Но не востока утренняя свежесть
Под восходящим ввысь японским солнцем –
А снится им заснеженная нежность
Руси сквозь индивелое оконце.

* * *

Неприкаянно, неприкаянно
Я свивала пути в кольцо...
И когда набрела на Каина,
Не узнала его в лицо.

Я сказала: «Богатым будете
Вы, проливший родную кровь...»
Он ответил: «Вы строго судите
Эту родственную любовь...»

Это что ж за любовь, идущая
Из библейских тёмных глубин –
Дочь, родную мать предающая,
На отца восстающий сын?

Мы к согласью прийти не чаяли –
Каждый правду свою искал.
Но лишь речь заходила об Авеле,
Собеседник глухо смолкал.

И в возникшей неловкой паузе
Мы тайком вздыхали с тоской:
«Почему же кинжал и маузер
Нам роднее, чем брат родной?...»

Погорюем так и – расстанемся.
Впредь не встретимся – жизнь коротка.
А пока... А пока... Апокалипсис
На Руси моей длится века.

* * *

Измельчали мы, измельчали...
Мы не те, что были вначале.
Где косая сажень в плечах?
Где Перунов огонь в очах?

Где предания отчего края?
Расклевала картавая стая...
Где любовь, что веками нам снилась?
Триаршинной косой удавилась.

Алой лентою кровь утекла...
Вот такие, мой друже, дела.

* * *

Пора отрешиться от чепухи –
Чем я, собственно, хуже?
Бросила пить, курить и писать стихи.
Пора подумать о муже.

Был ввысь устремлён белопенный наив
Ветвей, расцветающих в мае.
Настала пора – и осенний налив
Строптивые ветви склоняет.

Часами над милою Волгой-рекой
Сижу – само благонравие.
Неужто надо – за упокой,
Чтобы закончить за здравие?

Пора влюбляться негорячо,
Подонков судить нестрого.
Пора перестать подставлять плечо
Тому, кто подставил ногу.

Пора... Золотая пришла пора.
Рябины пылают гроздья.
А там, где была я ещё вчера,
Не ждут меня нынче в гости.

* * *

Куда от прошедшего деться?
Залить покаянным вином?
Романс «Разорванное сердце»
Надрывно звучит за окном.

Лишь юность способна так гордо,
Презрев прегрешенья свои,
На два примитивных аккорда
Пропеть о высокой любви.

А голос всё выше и выше...
О, как же походит на нас
Котов расшугавший на крыше
Наивный жестокий романс!

Ты морщишься. Ты не в восторге.
Но вспомни, забывчивый мой,
О том, как наивно жестоки
Мы были с тобою весной!

А ты, как котяра домашний,
Вольготно и сытно живёшь,
Забыв о любовном бесстрашье,
Жестокий романс не поёшь.

* * *

Коварной волей фотомастера
Однажды и уже навеки
На коллективном фото замерли
Друзья, завистники, коллеги.

Мгновенья дружного бодрчества
Не выглядят на фото зыбкими...
А ведь чего только ни прячется
За белозубыми улыбками!

Тщеславье, зависть, честолюбие...
А пуще прочих – хуже некуда! –
Израненное самолюбие
Любви, что некогда отвергнута.

«Столь разные, что вместе делаем?..» –
Невольно думается с ужасом.
Здесь даже ревность застарелая
Галантностью прикрыта дружеской.

Но вновь, лучась улыбкой тихою,
Со всеми жду – вот птичка выпорхнет
Из объектива юным соколом,
Рождённым только для высокого!

Не потому ль так страстно хочется
Остаться дурочкой наивною
И вновь свершать от одиночества
Побег в то фото коллективное,

Где средь притворства изощрённого
Лишь ты один – вконец растерян! –
Стоишь с лицом приговорённого
Ко мне, как к самой высшей мере.

* * *

Караван-Сарайская – не райская!
Улочка горбата и крива.
Но цветут на ней сирени майские –
Так цветут, что кругом голова!

А неподалёку Растаковская
(Баба Настя так её звала) –
Улица с названием Казаковская
Муравой-травой поросла.

Так живут – без лести, без испуга! –
Приговорены, обречены,
Улочки, что в центре Оренбурга
Детские досматривают сны.

Им не привыкать! Иль это снится мне:
Жили-выживали, кто как мог,
Хлопавшие ставнями-ресницами
На ветрах неласковых эпох?..

...Дерзости училась я у робких
Улочек, знакомых наизусть...
Железобетонные коробки
Вытесняют из России Русь.

Сторона моя обетованная –
Оренбуржье! Всё ты тут, как есть!
Дремлющая Азия саманная
И казачья яростная спесь.

* * *

Осерчавшая вьюга бранится
В тесноте родовых курмышей...
Не впервой ей в казачьих станицах
Выпроваживать пришлых взащей.

Я не пришла, бабушка-вьюга!
Почему ж мне нисколько не рад
Свои ставни захлопнувший глухо
Оренбургский угрюмый форштадт?

Ну так что ж?.. И на этом спасибо,
Родовой звероватый курмыш.
Я такая ж, как ты, не улыба,
Да и ты-то хорош, пока спишь.

Непроглядью родной, непробудью
Ты меня не жесточь, не морочь.
Без того посторонние люди
Истерзали мне душеньку включь.

Ты пойми, я смертельно устала
На разлучной чужой стороне
От радушных улыбок-оскалов,
Что не тонут в банкетном вине.

...Месяц-серп кровянится на небе,
И сугробы встают на пути...
На Пикетную улочку мне бы
По фуршетным бульварам дойти!

Белгородский кисель

*«...Разве можете перестоять нас?..
Ибо имеем мы пищу от земли...»*

«Повесть временных лет» о белгородском киселе

Горделивой походочкой-лодочкой,
Затаив за ресницами грусть,
Мне навстречу плывут белгородочки,
В чьих бровях раскрыляется Русь.

Православная русская вотчина –
На губах и на сердце ожог.
Белгородчина – речка молочная.
Да кисельный крутой бережок.

Здесь разбойные тропы найдены...
Не зазорно здесь – так твою мать! –
Заявляться незвано-непрошено
За семь вёрст киселя похлевать.

Шли сюда печенег и половцы,
Чтоб вкусить белгородский кисель...

Белгородские добрые молодцы
Провожали незваных отсель.

Провожали незваных-незнаемых,
Что без спросу пришли на постой.
Провожали в закатное зарево
И булатным мечом, и сытой.

Поляница-душа Белгородчина!
Супостату показывай нрав.
Крепость русской державы упрочивай,
Богатырской заставою встав.

* * *

«В следующий раз они попытаются взять нас изнутри...»

Маршал Г.К. Жуков, 1945 год

И вновь мы устоим, когда мечи попрятав,
Они вползут в наш дом, рядясь в друзей.
И станут, опоив заморским ядом,
Морить старух и развращать детей.

Допустят наших дунек до Европы –
Пусть пляшут по борделям нагишом.
И переоборудуют под «шопы»
И школу, и завод, и космодром...

Мы устоим... Хотя и поневоле
То влево нас, то вправо занесёт.
Мы даже убедить себя позволим –
Мол, рынок нас не выдаст, Бог спасёт!

И будет счастье, словно локоть, близко –
Мы по-американски заживём.
Мы, может, даже выучим английский
(Немецкий-то учить нам было в лом!)

Маркетинг, киллер, диллер, супервайзер,
Промоутер, бэбиситер, бэби-бум...
Мы думали: из грязи – прямо в князи.
А на поверку выйдет – русский бунт.

Сметающий содомские пороки
От гатчинских болот и до Курил,
Бессмысленный, кровавый и жестокий –
Тот, о котором Пушкин говорил.

* * *

Нам спасение с неба Принесший,
И Взирающий скорбно с икон,
Пригвождённый, Распятый, Воскресший,
Неужели и Ты побеждён?

Неужели неостановимо
Вновь на Русь напалзает орда?..
Третий Рейх против Третьего Рима –
А четвёртым не быть никогда!

Это тьма против русского света.
Это свастика против звезды.
Это вран против сокола... Это
Заметают убийцы следы.

Это выздоровление больного –
Волей Вышнего неистребим
Восстаёт из неверья былого
Кумачом обезбоженный Рим.

Демьян ОСТРОВНОЙ

ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ

Из цикла «Байки от Петра Ивановича Хвостокрута»

И что у меня за приятели – врут, просто сил нет. С ними рюмку выпить нельзя, их фантазия выплескивает такие истории, что нормальный человек рехнуться может, выслушивая. Но мы с Петром Ивановичем не совсем нормальные люди, а военно-морские пенсионеры. Поэтому, слушая своего коллегу Сергея Вершинова, с катушек не едем. Но и не изумляться не можем.

После посещения первой закуской он ещё держался скромно, важно вытягивал кверху длинную, как у гуся, тощую шею, периодически поправлял консервативный галстук «а-ля-Суслов» и возвращал на место постоянно сползающие с носа очки.

Но, проглотив вторую рюмку в кафе «У Лукоморья», что на канале Грибоедова, распалился, кожа на острых скулах натянулась, как на армейском барабане, и зарделась, словно пионерский галстук.

– Я вам сейчас такое расскажу...

Мы с Петром Ивановичем пытались унять его, зная Серёгину любовь к длинным и занудным повествованиям, но наши усилия не привели к успеху. Мы вынуждены были сдаться. Хотя после не пожалели.

На дизельных лодках между командирами и старпомами существовали странные отношения, далёкие от душевных, не поддающиеся разумному объяснению. Командиры держали своих первых заместителей в чёрном теле, на положении церберов, общаясь с ними только на языке приказа. Если учесть, что каждый командир до того, как принять лодку, сам был старпомом несколько лет, это удивляло.

Так вот, Сергей рассказывает. Дизельная лодка, на которой он служил, заняла район боевой подготовки для выполнения курсовой задачи.

Погода по меркам Баренцева моря отличная. Размеренно качают волны узкий хищный корпус, местами украшенный солёной ржавчиной.

На мостике командир, старпом, вахтенный офицер и рулевой-сигнальщик. Идёт отработка важного для экипажа элемента «Срочное погружение». Опущены все выдвижные устройства, кроме перископа, заполнена балластом цистерна быстрого погружения. Чёткая линия горизонта разделяет море и небо, вокруг ни одной цели, волнение – 2-3 балла, чайки пикируют на кильватерный след корабля в надежде отыскать в нём что-либо съестное.

Командир, с трудом оторвавшись от своих, только ему ведомых, раздумий, отрывисто бросает:

– Приготовиться к погружению!

Вахтенный офицер и сигнальщик нырнули вниз. Старпом Витя Сташевский пробежал пристальным взором по носу и корме лодки, придирчиво осмотрел все шхеры надстройки, доложил командиру: «Мостик чист».

В последний раз оглядев бескрайние просторы Баренцева моря, солнечную, всю в ослепительных бликах, дорожку и наполнив грудь свежим морским воздухом, как будто стремясь сохранить его там до следующего всплытия, командир лихо щёлкнул секундомером, скомандовал:

– Всем вниз! Срочное погружение!

Старпом, доложив, что спустился, затопал сапожищами по трапу.

Командир, как положено, последним покинул мостик, и вскоре в центральный отсек откуда-то сверху, словно с небес, глухо донёсся привычный голос:

– Задраен верхний рубочный люк.

Жизнь в центральном забила ключом.

Прозвучала команда механика: «Заполнить главный балласт». Практически неподвижные до сих пор, как восковые изваяния в салоне мадам Тюссо, подводники зашевелились, завращали всевозможными маховичками, защёлкали тумблерами.

Старпом, сбросив тяжёлую «канадку», остался в одном свитере, выгнул дугой длинное худое тело и сжал в жилистых узловатых пальцах рукоятки перископа. Осматривает горизонт, водную гладь вокруг рубки, приближающуюся по мере того, как лодка уходит под воду.

Вдруг он отпрянул от окуляра и очумело захлопал белёсыми ресницами.

Вите почудились едва не выкатывающиеся из орбит глазные яблоки, расплюснутый нос, вдавленный в перископ с такой силой, что казался плоским, словно навигационная карта под плексом на штурманском столе... В очертаниях лица улавливались до боли знакомые черты.

Отгоняя наваждение, старпом несколько раз потряхнул чубастой головой: «Неужели вчера некачественное «шило» «мех» подсунул? Нет, не может быть! Надо у штурмана спросить, как у него с похмельным синдромом – пили-то вместе»... И снова припал к оптике.

Видение не исчезло. В поле зрения чётко красовалась перекошенная от злости физиономия командира.

По выпученным жёстким глазам, беззвучно, но выразительно шевелящимся губам старпом без сурдоперевода безошибочно понял, кем он, Сташевский, является в данный момент, и какие перспективы открываются перед ним в дальнейшей службе...

Разве могло придти в голову опытному, нормальному старпому (а Витя по другому себя не оценивал), что командир подводной лодки может оседлать верхушку перископа, да ещё и на погружении. Это же не какой-нибудь наглый баклан, а капитан второго ранга, на протяжении полутора десятка лет не покидающий прочного корпуса, уважаемый человек на эскадре...

Рассказчик Серёга, конечно, отменный. Мы с Петром Ивановичем уже прошили Вершинова прерваться и дать нам передышку. Он не внимал мольбам и продолжал повествование с совершенно серьёзным видом, без тени улыбки. По его мнению, смешного в этой истории не было ни понюшки, скорее, речь шла о событии драматическом.

...Он лишился возможности трезво мыслить, загипнотизированный увеличенными двадцатичетырёхкратной оптикой тёмными зрачками командира,

которые елозили по стеклу перископа, оставляя на нём влажные следы, но смотрели уже как-то просительно-моляще.

Витя оторвался от прибора, окинул растерянным взглядом ничего не подозревавшее войско в центральном отсеке и вкрадчивой скороговоркой почти прошептал:

– Где командир? Командира никто не видел?

Старшина команды торпедных электриков, как показалось Виктору, дерзко и чересчур громко ответил:

– Как не видели! Видели: он на последнем всплытии поднимался наверх!

На всякий случай старпом снова прильнул к перископу. Ничего нового. Те же огромные, умные глаза командира в секторе обзора...

Выдерживать без сострадания этот взгляд было выше человеческих сил.

«Будь что будет, надо всплывать! Но, если привиделось такое из-за «шила», механика задушу собственными руками. Жлоб, трясётся над ним», – последний раз старпом позволил себе мысленно отвлечься на внеслужебные темы.

Глубина погружения нарастала. Боцман-хохол, розовощёкий усач и весельчак, бодро докладывал:

– Глубина – восемь метров! Глубина – девять метров! Глубина – десять метров!

Возвышение «глаза» перископа над ватерлинией – всего одиннадцать!

Лодка, принимая балласт, быстро уходит в морскую пучину.

Шташевский, отскочив от перископа, не скомандовал. Н-е-е-ет. Он завопил:

– Командир БЧ-5, ВВД – в цистерны главного балласта!

Механик обычно не отказывал себе в удовольствии капризно поворчать, комментируя распоряжения старпома. Такие проявления неуставных демократических настроений со стороны механика частенько сходили ему с рук. Обычно он сетовал на то, что, мол, из-за необдуманных действий неэкономно расходуется воздух высокого давления, потом приходится рвать компрессор, жечь дизельное топливо на пополнение запасов, тратить время, отрывать личный состав БЧ-5 от плановой боевой подготовки...

Сейчас что-то в голосе, в глазах, в напряжении, которое излучала вся фигура Вити, заставило главного инженера подводной лодки прикусить язык. И он безропотно подчинился, коротко скомандовал:

– Продуть главный!

Корабль, как будто не довольный тем, что прервали его движение в родную стихию, словно раздумывая, завис над океанской бездной, но через мгновение устремился к поверхности, раздвигая мощной стальной спиной тяжёлые свинцовые северные воды...

...Сергей внезапно прервался. Многозначительно замолчал, медленно подцепил с тарелки пластмассовой вилкой треть остывшей сосиски, сноровисто дослал её в рот. Неспешно наколот дольку огурца и захрустел ею, испытывая наше терпение, поглядывая поверх стёкол затуманившихся от удовольствия очков. На самом деле смаковал он не еду, а последнюю свою фразу. Любил он в себе эти всплески литературных импровизаций.

– Ну, а дальше-то, дальше что? – не выдержали нервы у Петра Ивановича. – Командира, действительно, оставили за бортом?

Я ещё пытался делать пометки в блокнотике, но на бумаге получались

какие-то значки, напоминающие арабские иероглифы, расшифровать которые впоследствии надежды было мало.

– Не оставили, он сам там остался. – Ответил Сергей, удовлетворённый тем, что раззадорил наше любопытство.

Как оказалось, события после команды «Срочное погружение!» развивались по следующему сценарию. Командир соскользнул в проём верхнего рубочного люка, дёрнул на себя его крышку и сообщил вниз, что люк задраен. Так всегда поступали командиры лодок, сокращая время выполнения норматива. Так сейчас поступил и Геннадий Александрович Трушев – старый морской волк. Его же доклад в центральный пост «Задраен верхний рубочный люк!» послужил основанием для заполнения главного балласта. Это было исполнено блестяще. Но на самом деле командир люка не задраил, поскольку капошон командирской «канадки» зацепился за щеколду запорного механизма.

Геннадий Александрович подтягивается вверх и предпринимает ещё одну попытку... Безуспешно! Ещё пару раз... Время летит! Эффекта никакого! Вернее, эффект уже есть, правда не тот, которого очень хочется. Мгновений, ушедших на борьбу с люком, оказалось достаточно, чтобы лодка при заполненной цистерне быстрого погружения и заполняемых цистернах главного балласта резво устремилась на глубину. Вода уже поступает в ограждение рубки, море предательски крадётся к незадраенному рубочному люку диаметром более пятидесяти сантиметров...

Гибель корабля и экипажа предрешена...

И тут командир принимает единственно правильное решение.

Поскольку барахтаться в проёме люка бессмысленно, Геннадий Александрович поднапрягся, поднял тяжёлую крышку и, как торпеда, вырвался наверх. Сверху задраил люк и вздохнул с облегчением: экипаж и корабль спасены.

Осталось подумать о себе.

В прямом смысле командиру было уже море по колено, так как корпус субмарины ушёл под воду. Поднимая сапогами волну в ограждении надстройки, он ринулся на мостик, с него – на верхнюю часть ограждения рубки, а там...

Времени любоваться солнечной дорожкой уже не было. Он видел лишь несколько квадратных метров железной суши, не поглощённой волнами, и мачту перископа, торчащую над ней.

Невдалеке всполошились и испуганно закричали ошеломлённые чайки. Капитан второго ранга Трушев сердечно обнял металлический столб в объёме со ствол многолетней сосны. По мере погружения лодки, несмотря на то, что был в грубых яловых сапогах, сноровисто, с ловкостью Тарзана, устремился по скользкой, обильно смазанной солидолом мачте перископа к её вершине, изредка нежно подталкиваемый накатывающейся волной в зад, туго обтянутый меховыми штанами.

Оттуда он и гипнотизировал старпома.

После всплытия торжественный спуск командира вниз по мачте перископа состоялся более стремительно, чем подъём: помогла сила земного притяжения и щедрая смазка. Но на пути счастливо спасённого командирского тела оказался... оконечник антенны «Штырь», опущенной при приготовлении к срочному погружению. «Штырь» попал в самую «десятку». Единоначальник, весь мокрый, неуклюжий, неподвижно сидел на верхней части надстройки рубки. И жалобно постанывал.

Через две недели капитан второго ранга Трушев вышел из госпиталя. Ему сказочно повезло. Длина прямой кишки оказалась равной длине отрезка нако-
нечника антенны, поразившего неожиданную цель. Правда, ушиб мягких тка-
ней ещё напоминал о себе: несмотря на спасительный мех, зад, совершивший
не очень мягкую посадку с семиметровой мачты перископа на верхний срез
ограждения рубки, всё-таки пострадал прилично.

Последующие два месяца во всех служебных мероприятиях кэп участвовал
исключительно стоя, в чём вышестоящее командование усматривало проявле-
ние образцового служебного рвения.

Случай оказался поучительным. На срочном погружении все командиры ста-
ли сначала задраивать люк и только потом докладывать об этом в центральный...

Пётр Иванович и я бились в конвульсиях смеха, не скрывая слёз. Они лились
из глаз ручьём, катились по щекам и звонко падали в тарелки с недоеденными
сосисками, разбавляя кетчуп, обретающий благодаря им особую остроту. Солё-
ная влага попадала и на странички моего блокнота, разъедаая и без того нераз-
борчивые записи.

Молодые, по преимуществу, посетители кафе недоумённо косились на трои-
цу мужиков в возрасте, веселящихся, кажется, совершенно беспричинно.

Откуда им было знать, сколько раз нам хотелось уйти с флота, не дожда-
ясь пенсии?

Нелегко было служить. Нелегко.

Зато как весело!

Только мы поняли это много позже.

2005, Санкт-Петербург

Вячеслав ЛЮТЫЙ

ПРИЗРАК ЛИТЕРАТУРЫ

(Телевидение и современный читатель)

ВРЕМЯ ИЗМЕЛЬЧЁННЫХ ИСТИН

У Герберта Уэллса есть роман с интригующим названием «Когда спящий проснётся». Жил-был человек, потом впал в летаргический сон и спустя много-много лет проснулся в совершенно другом мире. Техника иная, отношения людей какие-то непонятные, жизненные приоритеты просто не укладываются в голову.

Для России последних двух веков такой контраст совсем не удивителен. Если вы уснули в 70-х-80-х годах прошлого века, то сегодняшний мир вам попросту дик и чужд. В первую очередь – нравственно. Про быт не станем говорить, но вот искусство... Оно панически стало бояться прежде немислимых обвинений: в приверженности идеалам чистым, историям нравственно подлинным, словам большим и одухотворённым. Литература, театр, живопись – на всём лежит странная печать какой-то духовной маломерности.

Конечно же, есть факты и факты. Но в информационную эпоху роль телевизионного экрана, диктующего вкусовые правила, исключительно велика. И сознательное извращение вкуса становится вполне очевидным, когда вместо созерцания, скажем, удивительной живописи Павла Рыженко в новостном сюжете телеканала «Культура» зрителю предложат полежать на уличной «кроватьной выставке» в спальном районе, которая, надо полагать, отражает «творческий» буквализм в постижении сложного явления социального расслоения мегаполиса.

В «Культурной революции» Швыдкого сойдутся в словесной схватке два «на-
наискх борца» – Дмитрий Быков и Елена Михалкова. Один – медийный пер-
сонаж, взявший себе репутацию бойкого писателя и острого собеседника. Дру-
гая, говорящая много и быстро, представлена ведущим как автор детективов –
то есть, ясное дело, тоже писатель. А студийная беседа – про сказки и взрослую
жизнь. Вальяжный остролов сердится и твердит, что взрослой жизни литера-
турные сказки вредны, поскольку мешают читателю воспринимать реальность
всерьёз и ответственно. А мастерица детективного жанра щебечет о том, что без
сказок душе плохо в мире жестокости и обмана. Как будто всё верно, и отзвук
правды есть в речах каждой из сторон. Только нет в них собственно литературы:
большой и милосердной, правдивой и искренней, любящей слабого человека и
укоряющей безжалостного. Тогда о чём же спор? А так, поговорить...

В «Апокрифе» у Ерофеева круглый стол обсуждает Главные Слова: что же это такое, их с чем-то едят или всё-таки с ними живут? В собеседники приглашены: грустный писатель постмодернистского толка Анатолий Королёв, «чувствующий плоть слова»; молодой режиссёр Мария Брусникина, которую

отталкивает частое упоминание слова «Бог» в поэзии; самодовольный философ Константин Крылов, порицающий Владимира Соловьёва – и с энтузиазмом цитирующий «Золотого телёнка»; писатель Елена Новожилова, которая с уважением вспоминает о главных словах в русском фольклоре, но почему-то вдумчиво ссылается на «Гарри Поттера». А также – востоковед, историк, физик. Публицист – немка. Лингвист – Максим Галкин.

Сначала говорили о русской Победе, о духовности и истории (прозвучало это, между прочим, из немецких уст). Потом – о человеке, тайне и милосердии. Вспомнили, что старые люди хотели добра. Затем живенько перешли к «авоське» и «примусу», попутно упомянули икону и топор. Постепенно раскрутилась крупорушка, и осколки зёрен-смыслов полетели во все стороны. Особенно авторитетным выглядел лингвист, с которым в первую очередь ассоциировалось слово «безвкусица», а во вторую – знакомое многим по хрестоматийной картине русского живописца понятие «неравный брак».

В заключение Ерофеев совершенно неожиданно привёл фразу Павки Корчагина о жизни и её главном смысле. И пусть в монологе «красного святого» было много идеологии, но масштаб этого давнего литературного героя отодвинул в сторону весь прозвучавший прежде словесный сор и дал ясно понять: на нашем дворе воцарилась эпоха измельчённых истин.

Всё – хуже некуда в этой «литературной каше», по видимости питательной. Но словно глоток живой воды – передача Игоря Золотусского о творчестве и судьбе выдающегося писателя фронтового поколения Константина Воробьёва. «Его родила не только родная мать, но и родная земля», – о ком из нынешних литературных сочинителей скажут такое? О немногих. А большинство, кажется, пишет книги, как печёт блины, и бойко продаёт их с лотка, надев фартук и громкогласно подзывая покупателя.

Золотусский же говорит просто и доверительно, не боясь, что кто-то не поймёт его: «Сейчас Россия нуждается в людях, которые были бы честными в своих писаниях и поступках. Таким был Константин Воробьёв. Пройдёт время – и молодое поколение узнает этого писателя вновь, обратится к нему после многих лет неведения. Язык Воробьёва щедр, это его подарок читателю».

Словно монетку нищему жалует телеканал «Культура» подобные дневные передачи своему зрителю. Спасибо, барин, что вспомнил о нас, сирых, а то уж больно мутит от твоих вечерних изысков.

Но вот – «Разночтения» Александрова. На фоне веера книжных новостей кудрявый ведущий расспрашивает режиссёра и писателя Михаила Левитина о двух его только что изданных сочинениях: романе-жизнеописании «Таиров» и «Богемной трилогии». Совсем чуть-чуть о великом руководителе московского Камерного театра. И заинтересованно, подробно – об игровой прозе, в которой реальные имена представлены в фантасмагорическом ракурсе. По словам автора, книга о Таирове лишена писательского своеволия, это – честная вещь. Признание важное и к месту, ведь таировское отношение к слову «правда» очень серьёзно. А вот трилогия – не более чем литературное баловство влюблённого в театр человека.

Левитин – лёгок и интересен, Александров – многозначителен и предсказуем. Всё-то ему – поиграть, полепить из песка «литературные куличики». Песочный пирожок для него куда важнее тёплого хлеба, живой приметы человеческого бытия. Только на зубах скрипит. А из песочницы – нельзя, вожатый заругает.

Авторитетные гости в программе Архангельского могут толковать долго-долго о том, что надо создавать общество, в котором читали бы книги. Но пока не станет ясно вновь, что такое настоящая литература и каким должен быть подлинный писатель, мы обречены лицеизреть самодовольные «творческие лица» и слушать телевизионных глухарей, которым зритель не интересен.

Подобно древнему Нарциссу, им нужно только зеркало...

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ КВАЗИМОДО

Сегодняшняя российская культура похожа на двуликого Януса или, скорее, на человека с деформированным лицом. Всякий раз она старается повернуться к зрителю-читателю в профиль и показаться во всей своей цивилизационной красе. А это подразумевает следующие постулаты: чтение понимается как образование, но никак не воспитание души читателя; Россия, по умолчанию, есть только страна, территория, но никак не родина; культуру воспринимает население, но никак не народ. Все остальные приметы, достижения и неудачи музыки, театра, литературы трактуются тогда исключительно однобоко. Рождённый в СССР заметит, что всё это очень напоминает социалистический реализм... перелицованный на «реализм глобалистический».

Собирается, скажем, круглый стол в программе Архангельского и задаётся вопрос: как связана культура с кризисом? И начинается бег на месте: сто́ит вкладывать деньги в проект или в развитие возможностей населения; поощрять массовую культуру в книгоиздании или приближать элитарный европейский и здешний театр – к зрителю; помогать элитным университетам или вразумлять спонсора, дабы он понимал, на что тратятся его деньги...

Увы, большинство наших сограждан утилитаристы, в грош не ставящие культурные ценности; сколько бы книг они ни прочли – всё впустую. Так считает уравновешенный политолог и экономист Аузан. Всякое повидавший социолог Гудков полагает, что нарушен отбор должного, совершенно нет литературной и театральной критики. Смелый режиссёр Богомолов утверждает, что наша культура повторяет структуру нынешней российской экономики: она насквозь мафиозна и склонна к стагнации. А феерический редактор «Книжного обозрения» Гаврилов призывает не ждать, когда сидящему под ёлкой гению упадёт на голову яблоко, но поддерживать всё, что адресовано массовой аудитории.

Вскользь проехали катком по практике советских «макулатурных» изданий, ткнули локтём в бок «Королеву Марго», вздохнули: эх, население плоховато... И ни разу не произнесли наиважнейшее в этой связи понятие «культурная традиция». Сидящий сбоку, на «скамье запасных», критик Казинцев напомнил дружным собеседникам, что нужно поощрять народное искусство, воспитывать человека и не срамливать элиту и массы. Теперь книга стала читателю недоступна, а ведь в советское время на телевидении существовала редакция литературно-художественного вещания. Всё так – кивают головами собравшиеся за «очень маленьким круглым столом». А затем невозмутимо продолжают обмен маленькими словами по дежурному поводу. Что и говорить, узок круг этих «эволюционеров», страшно далеки они от прихожей, где на лавочке притулился одинокий заступник народный.

Но вот на этом же поле сошлись видимые антагонисты – «почвенники» и «западники» в очередном бою за понимание сокровенного смысла 1970-х годов.

Иванова-критик полагает, что те годы для культуры были тусклыми, глухими: молчали о главном, писали в стол. Куняев-поэт – другого мнения и называет имена и книги, которые были в центре давнего десятилетия. Сидоров-критик занимает примирительную позицию: художники и произведения прекрасны, но ведь писать можно было только «условно», не впрямую. А Бурляев-режиссёр говорит без обиняков: это был расцвет, в оковах – но пели!

И здесь как голос нового поколения, которое выносит прошлому страшный приговор, появляется юный историк – редактор журнала, где публикуются мемуары диссидентов. С глубокой печалью он роняет в аудиторию тезис: 70-е – время тотального антисемитизма... «Почвенники» – обомлели, «западники» сокрушённо покачали головами. Впрочем, зловещее облако было вскоре рассеяно, и молодой «историк на поручении» страшных слов больше не произносил. В итоге сошлись на том, что останутся крупные художники, что надо собирать факты, но анализировать их пока рановато.

В «Апокрифе» заводят разговор о сне в русской литературе. Разумеется, упоминают Достоевского и Толстого, отечественную и европейскую традиции, касаются Востока. В качестве творца художественной реальности привлечён современный поэт Крылов. А почему, к примеру, не почвенный прозаик Коняев, автор тематически близкого цикла рассказов «Накануне, или Сны непозабытые»? Правда, опубликованы эти «Сны» довольно давно – шестнадцать лет тому назад, зато – в либеральном «Континенте» и в эпоху куда более яростного противостояния идей, нежели день сегодняшний. Да, общество с тех пор стало намного аморфней, тогда как телевизионная цензура – укрепила свои боевые порядки.

Другая «апокрифическая» забота – петровская Табель о рангах. Прав был Розанов, упрекая русскую литературу в сатирическом отображении государственной иерархии, или погорячился? За партами – филологи Липман и Ляцу, переводчик Зайончек, автор криминальных романов Корецкий, историк Знатнов. До времени в тени – представитель Европы политолог Торнейро. Главные лица посиделок – писатель Войнович и критик Сидоров. Голос цивилизованного большинства единодушен: «да» – иерархии в государстве; «нет» – иерархии в творчестве. Одна за другой следуют цитаты из рассказа Войновича «Шапка», где осмеиваются представители советской «секретарской» литературы. И это сегодня, когда российские писательские делегации на различные международные форумы составляются исключительно по признаку идеологической лояльности Либеральному Богу! Только историк с говорящей фамилией Знатнов упомянул о древнерусской табели, внешне очень простой, но внутренне чрезвычайно многообразной, поддерживавшей русский уклад сотни лет – до петровских нововведений. Но мнение это – будто соринка в буржуазном телевизионном глазу. Сморгнул – и нет её.

Любовные романы – навязчивая примета современности. В этом есть некая тайна, замечает Ерофеев и приглашает высказаться Андрона Кончаловского. Режиссёр умно и тонко предупреждает об опасности порнографии и пошлости, которые непременно возникнут, если уйти от «сообщения чувств», от желания художника понять человека и сострадать ему. Юная суфражистка, не смущаясь, вступает в разговор и заявляет: сейчас – эра женщин, этому посвящено содержание журнала, который она возглавляет.

Только пожмёшь плечами: столько умных и толковых молодых ребят, а

журналы издают какие-то цыплята-бройлеры, у которых нет ни одной собственной мысли – только чувство идеологической солидарности и самомнение.

В «Школе злословия» на НТВ бывалые Таня и Дуня расспрашивают Майю Кучерскую – автора книги о «весёлом православии». Грустно в нашем храме, говорит писательница, батюшки какие-то не улыбочивые, братия что-то уж слишком сосредоточенная. Оживить бы это всё, добавить игры – хочется сказать: «в паровозик». Ведь именно так, в духе анекдотического повествования, и построена пресловутая книжка. Щебечут «девочки», словно обсуждают детсадовский «секрет»: что в него положить, под какой пенёк спрятать... Отгоняют чужих, кричат на собаку – эти эмоции уже адресованы нашей православной церкви.

Хозяйки грубы и вульгарны, гостя удивительно инфантильна. Повод для интервью как будто литературный, но реально – идеологический. Вроде бы хотели поговорить, а на самом деле – побольнее ужалить. Недаром в заставке передачи изображение ползущих змей. Вот уж точно: телевизионный серпентарий!

Собственно литературные «Разночтения» стали непереносимо скучны. Журналист Игорь Зотов написал роман «Аут» и долго рассказывает Александрову, почему и как он это сделал. Автора чрезвычайно интересует Африка, а его герой не очень любит людей, и поэтому он – аутист. После таких программ зритель вполне может невзлюбить литературу как что-то исключительно нудное, а уж зачислить ведущего программы в разряд аутистов – тем более. По высказыванию Александрова, проза либеральных толстых журналов в октябре – «концентрированная и энергичная»: это живо напоминает словарь химика и физкультурника.

Документальный цикл «Ни дня без строчки. Травма забвения» смонтирован из домашнего видео прошлых лет, кинохроники и современных комментариев. Видео – чрезвычайно интересно, комментарии заунывно однообразны. Лейтмотив: либо надо петь дифирамбы власти, либо – молчать. Бедная русская советская литература! То от тебя отхватавали клочья многочисленные клоны Суслова, то нынешние дети и внуки «комиссаров в пыльных шлемах» формуют тебя под триединый профиль Маркса-Энгельса-Ленина.

По воспоминаниям Аксёнова, в Переделкино все вечером слушают «Би-би-си» и «Голос Америки», а днём на прогулке обсуждают «антисоветские» впечатления. Ночью же, наверное, без усталости пишут повести для серии «Пламенные революционеры». Скажем, такие как «Любовь к электричеству» Аксёнова или «Евангелие от Робеспьера» Гладилина. Заметим, что в современных литературных словарях и энциклопедиях опусы подобного рода в творческой биографии писателей-борцов с советским тоталитаризмом, как правило, не упоминаются. С чего бы это?

И всё же в цикле довольно много любопытных сюжетов – о Смелякове, Матвеевой, Казакове, Курочкине, Конечком, Маршаке. «У меня из окон море видно. Я сижу и ни о чём не думаю – слушаю, как оно шумит», – слова Арбузова. В этом созерцательном признании куда больше души и искусства, чем в иных диссидентских филиппиках и сарказмах, в скрытом и явном желании свести счёты с советской эпохой, представив её зоной обитания сатрапов, идиотов и потенциальных «невозвращенцев».

Совершенно иной по тону и содержанию оказывается передача, посвящённая 70-летию Валентина Курбатова. На экране вовсе нет заботы о внешнем устройстве общества, храброй критики населения и государства. Речь идёт о родине, о

духовном состоянии русского народа, о смысле земной жизни. Курбатов предстаёт универсальным человеком культуры, который понимает её основы и чутко угадывает пути её органического развития. Притом он трезво оценивает душу своего современника, видит тупик, в который она попала, будто в капкан. «Мы страшно затосковали друг по другу, историческое безумие нас утомило...»

У Томаса Манна есть поразительное наблюдение: «Ни одного сколько-нибудь связного суждения, ни одной отвлечённой мысли человек не выскажет без того, чтобы не выдать себя с головой, бессознательно не вложить символический лейтмотив и исконную проблему всей своей жизни». Невозможно не согласиться, но стоит и чуть-чуть продолжить.

Создание в чём-то похоже на своего творца. Кривой, он постарается в художественном сочинении сделать акцент на зоркости орла; глупый, он будет старательно говорить сложно и вдумчиво; коварный, он станет задушевен и предупредителен; хромым же – восплает любовью к всадникам. Окинув взглядом телеканал «Культура» как некое художественно-организационное произведение, трудно не заметить ущербоности его коллегиального автора.

Всё-таки этот дом построил Квазимодо...

ДВОРНИК-МЕНЕДЖЕР

Наше время очень любит разглядывать себя в зеркале прошлых эпох. И всё-то ему кажется, что минувшее куда непригляднее нынешнего, а давние герои – вовсе и не герои, а только эскизные прототипы современных персонажей, которые успешны и состоятельны – в жизни, в творчестве, в художественной литературе. Это, с одной стороны, напоминает иллюстрацию к старой книге детских рассказов Николая Носова: девочка надела мамины туфли, платье, шляпу и крутится перед зеркальной дверцей платяного шкафа. Очень мило, но есть сюжет куда грубее: барин отлучился, а дворник зашёл к нему в кабинет, надел хозяйский халат с кистями, хлебнул из графинчика водки – и разглядывает себя в трюмо, выкатив грудь колесом. Согласитесь, есть в этом что-то непереносимо плебейское и воровское.

В «Культурной революции» обсуждают фигуру лермонтовского Печорина. Дескать, и убийца он, и циник, и расчётливый любовник, и даже – менеджер. Последнее мнение принадлежит писателю Алексею Колышевскому, очевидно, выросшему под сенью шинели безвременно погибшего Грушницкого. Поразителен полёт фантазии наших сегодняшних сочинителей, которые готовы всё смешать в одном флаконе и затем применить его содержимое с максимальной пользой для себя и приятного во всех отношениях общества. Впрочем, слава Богу, ещё остаются люди с молодыми лицами и старой духовной закалкой – Галина Лисина, педагог русского языка и литературы кадетского корпуса, актриса Марина Куделинская... Они полагают, что в образе лермонтовского героя соединены горчайшим образом лучшие черты поколения нынешних тридцатилетних. Что характерно, собравшийся бомонд ни разу не упомянул о мужестве Печорина-офицера, о его способности спокойно стоять под пулей нечестного дуэлянта-фанфарона. Эта черта характера – не для менеджера, которому в сходных обстоятельствах, скорее всего, придёт на помощь мгновенная медвежья болезнь.

В «Апокрифе» верный себе Ерофеев сталкивает лбами так называемых

«архаистов» и «новаторов», стараясь держаться интеллигентно и призывая к взаимному уважению первых и вторых. Консерваторов всего двое – Юрий Поляков и Сергей Самсонов, тогда как их антиподов – полная студия. Возглавляет смелых строителей будущего Марат Гельман, для которого любая обширная характеристика окажется недостаточной. Поэтому назовем его просто – сын драматурга Александра Гельмана, автора перестроечной пьески «Премия» о честных рабочих, отказавшихся от денежного вознаграждения. Папу младший Гельман трогательно любит и уважает, но отжившую дидактику «премиального» сюжета, скорее всего, не поддерживает, поскольку по жизни он – новатор.

Культуролог Андрей Пилипенко бесстрастно откровенен: сейчас «новаторство» – единственная форма реализации художника, шедевров больше не будет!.. Молодой режиссёр из Германии Георг Жено, восхищённый сценическими экспериментами новых российских драматургов, правда, вскользь упоминает о своих родителях – они тоже авангардисты, однако его совсем не понимают. Вот так, лучше и не скажешь: «художественное» сообщение сегодня создаётся для предельно узкого слоя сторонников нового языка, который по долговечности можно уподобить суточной мушке-дрозофиле – вчерашним уже невдомёк, о чём теперь идёт речь. По Полякову, жизнеспособность подобных литературных новаций наглядно проявится лет через семь. А по Самсонову, всякий призыв сбросить предшественников «с корабля современности» есть ничто иное, как проявление плебейской сущности оратора.

Словно не соглашаясь с последним тезисом, вскоре хозяин студии приглашает гостей поговорить о духе и плоти в нынешнем искусстве. Плоти, как будто, невероятно много, и она самодостаточна, но ведь и дух не лыком шит – проникнет, куда угодно. Спокойно идёт беседа: средневековый Китай сменяет Платона, новые режиссёрские находки уступают место философии Владимира Соловьёва. Но теоретическое бормотание «по теме» незаметно отодвигается на второй план, когда актриса Алла Демидова рассказывает о своей бабушке-старообрядке. Ребёнку в чреве, рассуждала старушка, не нужны ручки, ножки, нос, ибо он находится ещё в той, до-земной, неведомой нам жизни... Тогда как на земле всё это пригодится. А что же лишнее для нашей реальности? Как будто, совесть – без неё проще... Но за смертным порогом понадобится нам лишь она.

Как говорится, «заплакали девочка и мальчик, и закрылся весёлый балаганчик».

В «Разночтениях» литературная хроника подаёт нам семинар молодых писателей в Липках как школу для талантов. Растёт новое поколение поэтов, прозаиков, критиков, выходит на публику с новым содержательным словом об эпохе, человеке, стране. Однако выглядят эти реляции весьма бледно и тенденциозно, и воспринимаешь их, будто жизнь на Марсе: то ли она там есть, то ли её там нет вовсе...

Ещё один потомок именитого советского литератора Зиновия Паперного, исследователя коммунистической поэзии Маяковского, писатель Владимир Паперный представляет свой роман «Мос-Анджелес-2». Собственно, это, скорее, очерки о художниках-авангардистах, мечтательно поглядывавших на Запад, о «пророках в своём Отечестве», которые славили отечество чужое. Беседа гостя и ведущего идёт тепло и согласно. Как видно, мировоззренческие приоритеты, обозначенные в книге, вполне актуальны для сегодняшних либералов и не держат в себе разночтений.

Наконец, третий представитель династии советских писателей: Денис Драгунский, автор сборника рассказов «Нет такого слова». По мнению Александра, эта книга – одна из самых замечательных в текущем году. Рассказы в ней маленькие, если читать вслух за столом – не более чем на две минуты. В книжке страницы окрашены разным цветом, тематически выделены. Читатель должен подумать, посмеяться, ужаснуться. Это как бы литературный пуантилизм. Может, и так. Только ждешь – не дождешься эпохальной литературной вещи, а тебе всё-то подсовывают рыночные клетки с «яйцами Фаберже» в товарной многоцветной упаковке.

А иначе и быть не может, поскольку официально состояние литературы у нас поверяется состоянием книжного рынка. Ему же высокие смыслы не нужны, они пугают, в их присутствии рынок похож на прибалчивающего офисного клерка наутро после корпоративной попойки. Поэтому всякие глубокомысленные рассуждения на подобные темы исключительно ложны, кто бы их ни озвучивал – ведущий программы «Разночтения» или его визави, социолог и переводчик Борис Дубин.

Литературное поле, представляемое телевидением, производит, кажется, одну только пожухлую траву. Даже если, образно говоря, это и не конопля, а лишь обычный укроп, всё равно классика приучила нас к плодам сердца и духа. Эти литературные ожидания замирают и никнут порою, но окончательно никогда не исчезают. Именно потому сокровенный русский читатель ничего не ждёт от последнего опуса Набокова, написанного о Западе, для Запада и на языке Запада. Но спотыкается об имя, скажем, Олега Павлова с его новым романом «Асистолия» в ноябрьском номере «Знамени».

Так происходит выбор между чужим и своим, между любовью и привычкой, между родной почвой и географической территорией. Впрочем, дворнику-менеджеру объяснить это практически невозможно.

ФАБРИКА ДЕКОРАТИВНЫХ КРОЛИКОВ

Современная литература и её отражение на телевидении живо напоминают древнюю индийскую легенду о шести слепых мудрецах и слоне. По мнению одного слепца, слон это плётка-хвост, по мнению другого – труба-хобот, по третьему – стена-бок и т.д. Примерно так у нас формируются представления частного человека о литературе начала нового тысячелетия. То продемонстрируют читателю интимную жизнь героя во всех подробностях психологии и быта, человеческой физиологии. Либо покажут фантасмагорический город / деревню, где всё не так, как надо бы. Или многозначительно сунут в руки открытый дневник душевно-изломанного человека.

Кажется, совсем не найти героя нормального в аномальных обстоятельствах. Да и нормальный современник во внешних координатах хоть какой-то гармонии нам не помешал бы – сокровенная глубина души, нравственный выбор и тут неизбежны, а ведь именно это, пожалуй, всегда привлекало внимание отечественной литературы.

Но, увы, акценты не те, а информаторы похожи то на слепых мудрецов, то на зрячих и циничных лжецов. И минувший год подтвердил это как факт и как всё более устойчивую тенденцию.

В «Разночтениях» Александров представляет телезрителям Владимира

Бенигсена, сочинившего роман «ГенАцид», основанный на литературной игре и прежде отмеченный журналом «Знамя» как лучший дебют. Театр современной пьесы под руководством Райхельгауза оперативно взялся за постановку этой вещи. Попутно, правда, мэтр самонадеянно заявил, что авторство спектакля в наши дни более принадлежит постановщику, нежели драматургу. Кажется, на первый трезвый взгляд, пустяк, который не достоин мало-мальски громкого гуманитарного шума. Но на деле перед нами – литературный мальчик, виртуально надутый до размеров слона – уже названный слон-плётка.

Но вот в студии появляется Ирина Барметова, главный редактор журнала «Октябрь» – и начинается песнь торжествующей любви к шестидесятничеству: именам, произведениям, свободе, отчётливо косоглазой в западном направлении. Главное имя – Василий Аксёнов, активно мифологизируемый сегодня. Собеседники хвалят его ранний роман «Коллеги», однако не возникает никакого сомнения, что высоконравственные поступки аксёновского главного героя никто из присутствующих не стал бы примерять на себя и своих идейно близких, «мудрых и слепых» товарищей.

Вскользь проходит сюжет о Шестом фестивале «Биеннале поэтов в Москве». В большом зале сидит десяток человек, перед ними витийствует поэт. Всё как-то по-домашнему, по-избушечному, будто шуршат тараканы за плинтусом, и нет им никакого дела до огромного и многообразного мира. В сравнении с кадрами выступлений поэтов в Политехническом музее из старого фильма Хуциева «Застава Ильича» – картина поистине убийственная для современной литературы.

Впрочем, Барметова высказывает полезную мысль о том, что «толстые» журналы есть своего рода экспертиза новых имён. Хотя одновременно признаётся, что у нынешних писателей творческие возможности не соответствуют их амбициям. Заметим, что апробированные либеральными «толстяками» почти случайные имена и составляют сегодняшнюю литературу, в которой пустяк выглядит достижением, а шедевр мало кому интересен в сложившемся телеинформационном мире. Предпочтительнее иметь дело с «талантливым автором», а гений – неудобен и избыточен. Ведь даже скромный талант легко можно выдать за нечто огромное при помощи пиара: пожалуйста, перед нами – слон-иерихонская труба! Права Барметова, курируемая либералами литература превратилась во вполне предсказуемую «литературную жизнь»: ни высоких гор, ни цветущих долин – лишь осенняя разбитая просёлочная дорога. В никуда.

В «Апокрифе» Ерофеев и гости рассуждают о русских нобелевских лауреатах – Бунине, Пастернаке, Солженицыне, вскользь касаются Шолохова. Это очень большие величины, но оглядишься вокруг – ничего подобного сегодня нет. Только Павел Басинский одиноко покручинился о том, что Астафьев не получил «нобеля». Впрочем, певец французской молодёжной революции конца шестидесятых Сартр полагал, что премия подрывает авторитет писателя и становится средством давления на потенциального читателя его книг. Вспомнился и Толстой, отказавшийся принимать почётную награду «керосинщика» Нобеля. Хотя, по мнению собеседников, в то далёкое время она не была столь авторитетна, как сейчас, но это соображение уже – от лукавого. Теперь «керосин» плещется на дне практически каждой литературной премии – либо «плохие» деньги, либо «плохие» выборщики: рынок-с, господа... Очень уместна мысль либерального критика Андрея Архангельского, озвученная им в программе «Тем временем»: художник не должен встраиваться в рынок, он должен рынок

игнорировать. Но кто же в нынешнем российском «обществе потребления» пойдёт за этим смелым оратором? Пожалуй, он и сам бы за собой не пошёл...

Совсем другое впечатление – от юбилейных передач, посвящённых поэту военного поколения Николаю Старшинову и писателю-историку Николаю Задорнову.

Стихи Старшинова до сих пор привлекают читателя неподдельностью авторской интонации, правдой пережитого, мужеством лирического героя и высокой простотой стихотворного стиля. Хроника выступлений, воспоминания близких и друзей составили небольшой, но очень душевный документальный фильм. Канал «Культура» словно мимоходом показал его ограниченной аудитории в будний четверг, в 12.15 – за три дня до 85-летия поэта 6 декабря, в воскресенье. Как говорится, и либеральные волки сыты, и патриотические овцы удовлетворены. А память о времени и большой литературе сознательно скомкана и унижена циниками, которые сверстали именно такую временную сетку программ.

Исторический беллетрист Задорнов любил повторять: «Пока ты в простых людях не научишься видеть людей интересных – считай, что ты не писатель, так – журналист...» Автор популярного романа об адмирале Путятине, он хотел рассказать современникам о капитане Невельском, исследователе Дальнего Востока, и показать в его лице русского человека огромной энергии и нереализованных возможностей. Благородством творческой задачи советский писатель Задорнов разительно отличается от современного сочинителя с мелкой душой и резвой пишущей ручонкой в перчатках с отрезанными «пальцами», как у Лисы-Алисы. Но реально именно такие персонажи и попадают на ТВ – не только в качестве гостя, но и в виде хозяина творческой программы.

И потому с телеэкрана мы ничего не услышим о художественном мастерстве Зои Прокопьевой, чей глубокий реалистический роман «Своим чередом» издан в Челябинске и, кажется, совсем не интересен чопорной столице. Ни о проникновенной молодой рассказчице Евгении Перепёлке, чья проза из Подмосковья вынуждена перебираться в воронежский журнал «Подъём» на фоне полного равнодушия жюри литературных конкурсов и «толстяков» садово-кольцовского ареала.

Нажмёшь на телевизионную кнопку – и будто попадаешь на фабрику декоративных кроликов, которым выдали маски слонов.

Поневоле вспомнится Высоцкий: «Раздали маски кроликов, слонов и алкоголиков, назначили всё это – в зоосаде...»

ЕЁ МЕСТО СКРОМНОЕ – КАК У ЙОГУРТА

Россия теряет свою литературоцентричность... Теперь говорят об этом с грустью в голосе именно те, кто вбивал осиновый кол в тело прошлой литературы, кто глумился над её героями, ниспровергал её авторов, разрушал её просторный природный и духовный дом. Но кажется, что голубой глаз телевизора подмаргивает внимательному зрителю – дескать, всё как надо, не принимай всерьёз. И ловит наивного простака с короткой памятью, который любую стёртую бляшку примет за полновесную чеканную монету.

Да, на телевидении число литературных передач неуклонно снижается, их место занимает низкопробное и рентабельное «мыло» сериалов и реалити-шоу.

Именно это вытеснение заботит вчерашних погромщиков, от лица которых сокрушается Виктор Ерофеев в «Апокрифе», призывая обратиться к истокам, и в качестве примера предлагает «1001 ночь». На фоне полного отъединения либеральной литературы от простого человека, бедствующей страны, от смысла жизни такие заботы носят исключительно корпоративный характер. За прошедшие два десятка лет страна столько повидала и столько претерпела, что и отвыкла-то от сочувствующего слова интеллигента-писателя – большого поклонника песенок про Арбат.

Разумеется, скажет профессиональный критик Наталья Иванова, любительница всяческих умственных революций, в том числе и «культурных» – всё дело в жадных издателях. Они зарабатывают неплохие деньги на тиражировании классики, но совсем не хотят поделиться заработком с молодыми, начинающими писателями. А ведь при хорошем «книжном продюсере» издательства от такой широты только выиграют. Журналист Ксения Ларина, в свою очередь, озабочена «рынком рецензий», который является необходимой частью любого издательского проекта. Эти две литературные дамы глушат гуманитарную аудиторию рыночной лексикой, словно плохо выбритые браконьеры заповедную рыбу – толом. Лишь современный модный писатель Дмитрий Глуховский одёргивает революционных собеседниц: издатель думает совсем не об образовании читателя, но о потакании его вкусам. Добавим от себя: заботится не о душевном совершенствовании, но об оправдании низких сторон суетливой жизни. И словно глубокий читательский вздох прозвучат из телевизора чьи-то одинокие слова о современном духопадении.

Раньше мы знали, посетует Ерофеев, где – книга, а где – хорошая итальянская обувь. А теперь они стоят на магазинной полке рядом. Ностальгия? Она, проклятая. Дальше по кругу: тоска о прошлом, добротные старые вещи, «сильная рука», моё одинокое детство. Вспоминается известный фильм и директор пионерского лагеря Дынин: «Когда я был маленький, у меня тоже была бабушка!..» Но вот грустно о тоталитаризме на ночь – не стóит. Лучше что-нибудь весёленькое, наподобие «Двенадцати стульев», которые на исходе 1920-х добились ностальгию по царским временам. Это соображение Ерофеева должно бы отрезвить многих легкомысленных людей, но слова его насквозь пропитаны плебейским духом, напоминающим перегар застарелого алкоголика. Примечательно, что как только закончился на канале «Культура» ерофеевский «Апокриф», по «России» пошёл фильм о Савве Ямшикове. Контраст огромный: с одной стороны – любовь к славному прошлому и подвижничество, с другой – «партсобрание» гномов, которые судачат о чём-то маленьком. Поэтесса, философ, режиссёр, филолог, писатель напоминают хоббитов – сказочный маленький народец, неведь каким образом попавший на беседу о большом мире.

Ещё в ноябре минувшего года Наталья Солженицына о телеканале «Культура» сказала следующее: «Очень нужно, чтобы он стал живее, насыщеннее, а не был бы только воспоминаниями, ностальгией по культуре». Всё верно, вот только ностальгия почему-то всё более живёт среди зрителей, а совсем не в разудалой компании начитанных телевизионных хоббитов. Они не понимают Достоевского, Чехова, Лермонтова, Гончарова, хотя подчас являются специалистами по классической русской литературе. Все сплошь духовные дети гончаровского Штольца. Обломов для них – неудачник, проспавший всё самое радостное в собственном существовании.

Дмитрий Бак в передаче Швыдкого вдохновенно говорит о замысле Гончарова: Обломов – это «специальный человек», который идёт мимо целесообразности, он – мерило метафизики в нашей жизни. Но Павел Санаев – режиссёр, писатель и сценарист в одном лице – ему перечит. Забежавшая на огонёк сочинительница детективных романов солидарна с гуманитарным многостаночником. Очевидно, воспитанная на рассказах о Шерлоке Холмсе, она даже не подозревает, что великий сыщик, при всем его рационализме, любил игру на скрипке и оперное пение сердцем, а не разумом, был благороден и широк душой. А карьерный рост, кстати, увлекал тупицу Лестрейда, который, как ни крути, похож на карикатурного Штольца.

В «Разночтениях» Ирина Сурат, автор книги «Мандельштам и Пушкин» высказывает мысль почти крамольную для лоскутного современного литературоведения. Важно то, что автор хотел сообщить в своём произведении другим людям. А совсем не интертекстуальные связи, которые нагромождают хаос обломков, но не собирают целое. Исследователем должно владеть чувство недоумения перед текстом, желание понять, что же стоит за словами.

Но в пустыне постмодернизма целостное не найти по определению, в иных опусах Мандельштама оно ассоциативно, но статьи его всегда строги и последовательны. Увы, молодым поэтам, полагает исследовательница, он сегодня нужнее – у ясного и гармоничного Пушкина, оказывается, нет последователей. Произведения Мандельштама собираются в виртуальный архив, а пушкинские рукописи даже не оцифрованы и могут погибнуть от любого локального стихийного бедствия, будь то пожар или бытовое наводнение. И это уже – из характеристики нашего государства.

К 80-летию со дня рождения поэта Анатолия Жигулина был снят документальный фильм и показан в пятницу, в 18.00. Тут видна последовательная политика телеканала «Культура», который вроде бы ценит недавние большие имена – но и незаметно уменьшает их, сокращает к ним доступ, дабы сегодняшние карлики выглядели посolidнее. По словам профессора Литературного института Владимира Смирнова, в горьких и пронзительных стихах Жигулина нет никакого кокетства со словом, поразительная естественность поэтической речи. К ним вполне можно отнести слова Василия Ливанова из фильма о Савве Ямщикове: традиция – это не повторение прошлых образцов, это развитие принципа.

Но «малая литература» живёт по другим законам. И потому её место скромное – как у йогурта...

МОНЕТКА ПОДО ЛЬДОМ

Не кажется ли вам, что современная «литература в телевизоре» всё более напоминает компьютерную игру? Уж и романы подобного рода обрели своих многочисленных фанатов, и критики всерьёз спорят о достоинствах этих сочинений... А жестокая и одновременно добрая жизнь всё никак не обретёт своего умного, сердечного, честного и талантливого отражения в прозе и поэзии, в кино и театре. Вернее сказать, это соединение реальности и искусства существует, только к современному российскому телевидению оно никакого отношения не имеет. У плоского голубоглазого ящика – своё, голубоглазое существование.

Под весенним солнцем подтаял лёд на городском тротуаре, и старушка палкой-посошком неловко пытается выбить из-под него мелкую монетку.

А далеко-далеко от неё, уже под вечер, собрались в студии Ерофеева писательница, политолог, актриса, журналист – и заспорили о равнодушии в жизни, литературе, о том, как это явление отражалось в русской словесности. Но ведь были времена, когда о равнодушии в русском обществе говорили только с негодованием. Теперь же о нём можно посудачить как об отвлечённом понятии. Писательница авторитетно замечает, что на Западе уже в конце 1950-х нищие считались опасными людьми. Действительно, люмпены в стае – разрушительная сила. Но кажется, в России сегодня другая беда: социальную опасность представляют, напротив, богатые, которые полагают что «в этой стране» им позволено всё.

В «Разночтениях» ведущий задаёт вопросы популярному автору Дмитрию Глуховскому. Выясняется, что тот влюблён в магическую латиноамериканскую прозу, которую хочет соединить с арбатскими коллизиями. Хотя, к примеру, Кортасар писал о корневом и не стремился соединить индейские мифы с городской традицией далёкой Москвы. Бедный человек был писателю близок по языку и по крови, тогда как русская старушка едва ли привлечёт интерес бойкого местного сочинителя.

У Александра Архангельского гости рассуждают о толерантности в современной России. Разумеется, речь идёт о лесбиянках, больных СПИДом, мигрантах и – о православии, которое этих, первых, не жалует. Людмила Улицкая замечает, что само слово «толерантность» сегодня изрядно скомпрометировано. Но Эмиль Паин, историк, имя которого неразрывно связано в нашей памяти с ельцинским правлением, энергично вопрошает: кем скомпрометировано? Некоторыми нашими противниками, туманно отвечает романистка. Тут бы ещё трансвеститов да сатанистов позвать и участливо поинтересоваться их мнением о наиболее проблематике!

Только пушкинист Валентин Непомнящий произносит очень важные, в том числе и для литературы, слова: «Из нашей жизни исчезает вертикальное измерение, всё будто движется по горизонтали. Шкала ценностей положена плашмя. Сегодня в ней главное – деньги, всё иное – неважно. Но человек – существо прямоходящее, а не горизонтально ползущее». И ещё одно существенное замечание, из Владимира Даля: если ты свою веру не считаешь единственной, то какая же это вера?

Тем не менее, разговоры о толерантности куда содержательнее, нежели «апокрифическое» пустословие о компьютерных играх, которые на самом деле выхолащивают человеческий мир и обесценивают жизнь, добро, а зло делают если не привлекательным, то уж точно имеющим право на существование. Появилась работа и для литераторов – создание сюжета, образа героя, мифологии очередного виртуального пространства. И если в «Культурной революции» режиссёр Егор Кончаловский прямо говорит о том, что сегодня кинотеатр – место продажи, а фильм подобен йогурту на магазинной полке, то претензии к сочинителю могут показаться чрезмерными. Но только в том случае, если забыть о собственной художественной миссии, чувство которой никогда не оставляло великих русских писателей – от Пушкина до Чехова, от Платонова до Астафьева и Распутина.

Впрочем, нынешний литературный мастеровой больше озабочен продвижением своего «продукта» по лестнице успеха. И тут ему никак не обойтись без критиков – только злые они какие-то стали. А в чём-то даже и завистники: не

могут сами написать роман или драму, потому и готовы всё разорвать в клочья – как новое произведение, так и его создателя. Порядочных и талантливых критиков вообще не найти днём с огнём, только хамы да неучи. Ещё в Интернете, с его свободой высказываний и отсутствием политкорректности, такого наплетут – обвинят во всех смертных грехах да вдобавок посетуют, что, дескать, нельзя засудить автора за клевету на веру, царя и народ!.. Об этом в «Апокрифе» с негодованием говорит Павел Лунгин, снявший фильм «Царь». Культуролог Андрей Пелипенко бесстрастно проясняет ситуацию: незримый социум обрёл с помощью Интернета право голоса и выплёскивает в пространство культуры стихию. Как с нею совладать?

Наверное, вещают с телеэкрана медийные лица, нужны неформальные духовные лидеры. Как в советское время, когда население дремало, и только неутомимые интеллигенты будили народ. Наконец, добились – и с его помощью поставили на власть, по словам московского мэра, вечно пьяного конюха. Затем всю страну опустили в нищету, и мавр с тонкой душой оказался никому не нужен. И теперь уже новый, раблезианского вида интеллигент Дмитрий Быков произносит: в России важен кодекс поведения. Кто бы говорил...

Распорядитель этого дискуссионного стола Архангельский по сравнению, скажем, с ведущим программы «Апокриф» почти не противоречит себе стародавнему. Тогда как Ерофеев, удалой певец «русского эротизма», «могильщик советской литературы», сегодня призывает слушателей и зрителей ко всему хорошему и спокойному. А образцом поведения, очевидно, считает собственное давнее участие в альманахе «Метрополь», не допуская, что кому-то истинным духовным поступком представляется нечто иное: к примеру, повесть Распутина «Прощание с Матёрой». Как говорится, кому что, а вшивому – баня...

Вот и поэт Тимур Кибиров в программе «Линия жизни» добр и участлив, с уважением говорит о культуре, любит Блока. Из современников дружит с «простым, как мычание» концептуалистом Львом Рубинштейном, а прежде – с литературным фокусником Дмитрием Приговым. Лысый состарившийся мальчик не упоминает о своей скандальной поэме конца 1980-х под названием «Сортиры», а декламирует публике длинные нудные вирши последних лет и слащавый опус о христианском боге на ослике. Бедные замороченные люди, сидящие в зале, ищут тайну, прекрасное – в наглядном и бойком. Не подозревая, что в это же время кто-то читает проникновенные стихи Евгения Семичева и Светланы Сырневой, Юрия Кузнецова и Дианы Кан.

Где уж там старушка, монетка подо льдом, вкупе со слезой ребенка и голодной смертью бродяги... Бесконечные беседы об успешной литературе можно с выгодой перевести в сюжет компьютерной игры. Только не надо в ней именовать сочинителя Пушкиным или Чеховым. Назовите его просто и точно: Смердяков. Лучше фамилии – не придумать.

В ДЕРЕВНЮ, К ТЁТКЕ, В ГЛУШЬ, В САРАТОВ!

В России противостояние столицы и провинции в последние два столетия приобрело характер мировоззренческий. Суматошная столица не любит неторопливую провинцию, которая платит ей той же монетой. В какой-то степени это противоборство отражено в отношениях города и деревни, народной культуры и классического искусства, традиции и современности. Здесь всё неоднозначно,

спорно и требует внимательного взгляда и терпеливого, бережного отношения. Но, как всегда бывает в нашей стране, «бешеное будущее» стремится потоптать «паршивое прошлое».

В передаче «Тем временем» речь идёт о том, что всё чаще столичные галеристы, театралы и писатели перебираются в провинцию. Скажем, Борис Мильграм, режиссёр и министр культуры Пермского края, уверен, что те нововведения, которые с его лёгкой – или тяжёлой – руки введены в подведомственных ему землях, благотворны. Тогда как местные художники требуют снять его с занимаемого поста в связи с засильем в Перми актуального искусства. Театралы же не могут простить ему уничтожение старого драматического театра, в котором теперь всё по-другому – и здание, где респектабельный зритель ныне может с удовольствием вкусить хороший кофе в антракте, и репертуар. Екатерина Гениева, директор Всероссийской библиотеки иностранной литературы, поддерживает «лопахинские» устремления Мильграма и приводит в пример программу «Чтение», уже осуществлённую в 27 регионах. В Саратове местный молодой человек после знакомства с «Евгением Онегиным» на её вопрос: «Как вам это понравилось?» – ответил чётко и лаконично: «Клёво!...» Что и говорить, растут аборигены не по дням, а по часам под чутким московским руководством. Хотя огромное количество столичной молодёжи вряд ли отличается в лучшую сторону от этого провинциального паренька. Телеэкран и кастрированное школьное образование своё дело знают туго!

Саратовец Алексей Слаповский теперь живёт в Москве – сочиняет сценарии для телевизионных сериалов и «чернушные» пьесы. Впрочем, «Слаповский, который может всё», пишет беллетристику и по праву участвует в разговоре наряду с Алексеем Варламовым. Робко и почти извиняясь, Варламов замечает: на фоне элитарных проектов мало внимания уделяется культуре для народа. Никуда не денется местная самобытность, заявляет Слаповский, будто речь идёт о каких-то примечательных грибах, которые можно выращивать на гидропонике, или о тараканах, которые сами по себе заводятся где угодно. Вот и примирился после этого столица с провинцией, выставка видео-арта – с почвенным фестивалем «Игрушка-говорушка».

В «Апокрифе» обсуждают тему «Писатель и революция». Собрались люди благополучные во всех отношениях, ни одного возмутителя спокойствия. Революцию дружно порицают, хотя писателю в бунтарских чувствах уж совсем отказать не решаются. Впрочем, и эстетических революционеров в студии не наблюдалось. А то пришёл бы, к примеру, Кулик или Бренер – понятное дело, в голом виде! – и что-нибудь показал зрителям и заседателям. А какой-то провинциал из Воронежа тут бы и произнёс: вот она, столица, совсем сбрендил!

В «Разночтениях» живым и, одновременно, скромным рассказчиком предстаёт известный грузинский кинорежиссёр и сценарист Ираклий Квирикадзе, собравший свои повести в книгу «Пловец». С полузабытым советским пафосом ведущий программы комментирует: русскому читателю вновь предстоит понять народ свободной и гордой Грузии, почувствовать дух Колхиды, её теплоту. Вот бы что-то подобное, с примесью восхищения, услышать из этих столичных телевизионных уст в адрес народа русского. А то подчас приходится в провинции ухо к земле прикладывать, чтобы распознать голос почвы.

Разговор в этой же студии с Павлом Санаевым, автором нашумевшего романа «Похороните меня за плинтусом», касается современной детской литературы,

которой, якобы, противопоставлена воспитательная функция. Звучат слова сегодняшнего сказочника Сергея Седова: любая сказка – это игра с ребёнком, но поставленная задача убивает книгу. Маленький человек должен во всём разобраться сам. Кто же против детской игры, загадочной и волшебной? А вот пожелание ребёнку самостоятельности в постижении мира и нежелание помочь ему напоминают «чёрный» анекдот о дополнительных правах – переходить улицу на красный свет и стоять под стрелой работающего крана: всякому стоит попробовать, вне зависимости от возраста – узнаешь о мире очень много нового. Впрочем, в Тамбове или Твери – мы уж как-нибудь по старинке...

Вообще, в «Разночтениях» совершенно отсутствует подлинно столичное, глубокое дыхание культуры, но в наличии – лёгкая туристическая пробежка по современным литературным проблемам и достижениям. И это во многом скрадывает малую основательность тех имён и произведений, которые предлагаются читателю как вполне значительные.

Огромное количество эфирного времени канал «Культура» уделит 70-летнему юбилею Григория Горина. Театральный вечер, кинолента «Тот самый Мюнхгаузен», документальный фильм и бесчисленные анонсы посылали зрителю почти гипнотический импульс. Что ж, хороший писатель и драматург, хотя исключительно городской, московский, дитя асфальтовых джунглей и интеллектуальных тусовок. Между тем, к 90-летнему юбилею Фёдора Абрамова был продемонстрирован единственный телефильм в цикле «Острова», и более о выдающемся русском писателе – ничего. А ведь его слово не устарело: «общий наш дом строится только общими усилиями»; «к чёрту сытость, дух дай, чтобы я мог сказать: я человеком прожил этот день». Как видим, контуры Садового кольца совершенно не совпадают с идеальными контурами столицы России: слишком разные предпочтения.

Появление документального повествования о писателе и философе Александре Зиновьеве, фигуре ренессансного масштаба – почти чудо в эфирной сетке не только канала «Культура», но и всех иных федеральных каналов. С беспощадной честностью «русский Свифт» говорит о перестройке и жестоких 90-х годах, о Западе и либеральной московской интеллигенции, о главной русской беде в XX веке – холопстве сверху донизу...

Когда-то в детстве – это было ещё до Москвы, в деревне под Костромой – Саша Зиновьев в школе снял нательный крестик и спрятал его в карман: времена были воинственно атеистические. Мать дома не стала ругать его, а спокойно произнесла: не наше дело судить, есть ли Бог или нет, – мы должны жить так, как будто Ему виден каждый наш шаг, каждая наша мысль.

Мальчик это запомнил и спустя годы сказал: «Я никогда не пел в общем хоре».

НАШЕСТВИЕ КЛЕРКОВ

Двадцать лет тому назад, негодую, сравнивали уходящий советский мир с дореволюционным обществом. Сопоставляли лица, поступки, устройство государства, социальные и творческие возможности человека. Контраст был вполне убедителен, поскольку во времена самодержавия не было лагерей, пыточного следствия, изощрённой слежки тайной полиции. Хотя быт низших сословий отличался скудостью, к тому же – болезни, безграмотность, нищета...

Но вот на дворе – «прекрасный новый мир», и социалистическая эпоха воспринимается уже по-иному. Телевидение без устали зарабатывает деньги на советских песнях и символике. И попутно с маниакальным упорством стремится развешать идеализированный образ Советского Союза. Впрочем, сегодня «сто сортов колбасы и сыра» вряд ли побьют идею равенства и братства без особого труда, как это было в перестройку.

В программе «Тем временем», посвящённой советским стереотипам в нынешнем сознании, обсуждаются самые разные приметы прошлых десятилетий. Энергичный бизнесмен и публицист Сергей Петров полагает, что корни нашего специфического отношения к прогрессу стоит искать в «затянувшейся советскости». Интеллектуальный кинокритик Юрий Богомолов убеждён, что нравственно низкая современная эстрада есть результат запроса публики, писателям сегодня сказать нечего, и только в кинематографе сложилось новое творческое поколение. Пианист Николай Петров, народный артист СССР, делится своими давними наблюдениями: теперь каждый может играть и писать всё, что хочет, а раньше сразу видно было, кто «сcurвился».

Вроде и страна стоит, пока ещё не съеден советский запас её прочности, и ораторы добились известности в проклинаемое ими время, а всё-то каждый с упорством одержимого пилит сук, на котором повисло наше сегодняшнее государство. Не ровен час, подломится старая, но ещё крепкая ветка – тогда народ, одуревший от Пугачёвой и Петросяна, однако возмущённый пошлым сериалом «Школа» и не привыкший к хорошим манерам, уж точно укажет пальцем на тех, кто не помнит собственного родства и сcurвился именно по этой причине.

Происходит «варваризация» прежней культуры, в свою очередь замечает писатель Юрий Поляков. Власть не может забыть, что во многом именно литература сокрушила прежний строй. И потому сделано всё, чтобы современную литературную среду выхолостить. Исчезли почвенники, толковые либералы, люди получают Букеровскую премию, не научившись складывать слова во фразы. Одна часть культуры, низкая, искусственно вводится в общественный резонанс, тогда как другая, высокая и содержательная, изолируется. А спустя десятилетие, глядя на молодёжь, удивляемся: что ж мы их так «запустили»...

На следующем Круглом столе, посвящённом «Утопии» (подразумевается – советской), сценарист и режиссёр Авдотья Смирнова как будто продолжает это рассуждение: в последние годы людям настойчиво, изо дня в день внушали идею «здорового смысла», и теперь молодые ничего иного знать не хотят. Но лет через десять придёт чрезвычайно радикальная молодёжь. Потому что «молодые должны быть идеалистическими идиотами, а не желающими работать в ГАЗ-ПРОМе»! Заподозрить в любви к Советскому Союзу эту вполне либеральную даму совершенно невозможно. Однако тоска по житейскому идеализму ушедшей эпохи буквально пронизывает её слова.

Заявленная в «Апокрифе» тема «Постмодернизм как стиль жизни» на таком фоне выглядит изысканно. Искусствовед Андрей Ерофеев размышляет о сегодняшней русской эклектике: щи в ресторане, церковь, суши-бар, вечеринка. Если этого нет в жизни клерка, то он – плохой клерк. И постмодернизм, по существу, есть описание его внутреннего «я». Присутствующий Владимир Сорокин, к настоящему моменту ставший почти литературным классиком, изъясняется на том же светском языке: постмодернизм – это духовный фитнес...

И далее изумлённый зритель узнаёт, что сконструировать собственную

идентичность из чужого материала позволяет человеку именно постмодернизм. Иначе где же взять своё? По ассоциации вспоминается известная песенка для невзыскательной публики: «Я тебя слепила из того, что было, а потом что было, то и полюбила...» Очень похоже на разговор клерка со своей «идентичностью».

Впрочем, фигура Владимира Сорокина интересна ведущему «Разночтений». Беседа строится вокруг его новой книги «Метель». Барин, ямщик, стихия – экзистенциальный пласт русского бытия. Бесконечная, непреодолимая дорога. Кони размером с четырёхэтажный дом и маленькие лошадки величиной с куропатку. Подчёркнутая игра с масштабами. По словам автора, повесть написана языком «большой литературы». Хорошая терминология, только в данном контексте какая-то краденая или, по словам Юрия Полякова, «выхолощенная».

Другой гость передачи – прозаик Михаил Шишкин, живущий в Швейцарии и порой наезжающий в Россию. Он только что закончил свой третий роман, «Письмовник», чуть ранее издал объёмистый том эссеистики, посвящённый «отражениям русского сознания в швейцарском зеркале».

Однако сегодня жизнь за рубежом подразумевает почти виртуальность России – плоть страны не касается кожи писателя. И множество людей, живущих на этой необозримой земле, сужается до маленького городского круга друзей и единомышленников: что ему – иные, кто он – для них?

Уничтожить последние островки общего социалистического прошлого берётся «Культурная революция». Мягко и вкрадчиво формулируется тема: «Творческие союзы – неприкосновенный запас культуры», а в спорщики приглашаются режиссёр Валерий Белякович и ректор Института бизнеса Сергей Мясоедов. Каждый из оппонентов говорит о своём любимом предмете: Белякович о театре, Мясоедов – о деньгах и свободе действий, фактически – о пресловутом «здравом смысле», который наверняка должен покорить аудиторию. Но консервативное собрание, демонстрируя свою «рыночную неграмотность», высказывается в пользу творческих объединений – и бизнес на время отступает в тень.

А чтобы не было кисло на душе у «капитанов капиталистического хозяйства», следующий телевизионный спор посвящён современному «шопингу».

«Дива в сандалях, ты видишь – рука // учит слова дышать?» – это стихи юной воронежской поэтессы Нины Тюриной. Для молодого поколения новые буржуазные слова, по определению, мертвы, а старые, советские – будто находятся в глубоком обмороке. Но уже сегодня к ним возвращается, казалось бы, навсегда утраченное содержание. Чуткий человек это улавливает, глупец отрицает, глухой же ничего не слышит. А лжец – по привычке всё перевирает.

Угадай-ка, дружок: кто из них ближе нашему телевидению?

НАВЫИ ЧАРЫ

В преддверии 65-й годовщины Победы над фашизмом наше ТВ всерьёз озабочилось живучестью советских образцов в нынешнем российском обществе. То в одной, то в другой программе телеканала «Культура» в ходе дискуссионных собраний озвучивалось решительное мнение гостя, у которого с советским прошлым связаны самые тяжёлые воспоминания. Смелый аналитический ум оратора к тому же находил множество непростительных изъянов уже в самом отношении советского человека к реальности, что тогда его окружала.

Разумеется, тут же следовала речь оппонента, сообщающего аудитории о положительных свойствах этого проклинаемого времени. Баланс, на первый взгляд, соблюдался, однако никто не задавал самый существенный вопрос: смогло бы сегодняшнее российское общество, исполосованное социальным неравенством, наглой газетной ложью об общественном прогрессе и демократии, победить фашизм? Мало кто усомнится в ответе.

В передаче Александра Архангельского «Тем временем» о «советском» говорится будто бы по случаю: дескать, рынок требует уже знакомые, апробированные образцы. По мнению социолога Бориса Дубина, искусство, обращённое к массовому зрителю, работает с широкими категориями. Поскольку категория будущего для нынешних россиян практически отсутствует, то советское прошлое – это единственное, что объединяет людей в нашем обществе сейчас.

Что и говорить, хорошее признание в связи с будущим российского люда, который накрепко увяз в пошлом, безнравственном, крысином настоящем.

Впрочем, историк и религиовед Андрей Zubov настаивает: не нужно подкрашивать старые фильмы на новый лад – необходимо показывать неприкрытую правду. «Сегодня более мягкое, свободное общество в сравнении с советским монстром. Важно исцелять "советское", а не потакать ему». Как говорится, у кого суп жидкий, а у кого – жемчуг мелкий.

Режиссёр Сергей Урсуляк, поставивший фильм «Ликвидация», называет себя советским человеком – по менталитету, образованию, взглядам. «Нельзя уничтожить советский миф, который положителен в сравнении с современностью, не имеющей чётких определений. Сегодняшним людям нечем жить, им не дают внятной надежды на завтра, тогда как в советское время всё-таки надежда была, пусть во многом и ложная».

Писатель нового поколения Захар Прилепин очень точно замечает, что советское искусство транслировало то, что не осмеивалось. Теперь же всё – со смешком, и если бы Урсуляк снял «Ликвидацию» о современной милиции, его идеальный герой вызвал бы, по меньшей мере, сомнение в режиссёрском замысле. На дворе – дурное время, и идеальные герои в нём не приживаются. У человека всё больше информации, и он всё меньше живёт в истории. А советского человека – не истребить. Чем больше в нас остаётся «советского», тем чище, честнее и счастливее мы будем – потому что ничего иного мы не придумали.

Не обходится разговор и без долгожданных русских акцентов. Архангельский замечает: русское сознание на территории СССР очень быстро переработали в сознание советское. Почему же обратная перестройка никак не удаётся?

Зритель у телеэкрана, можно сказать, затаил дыхание – однако ничего внятного не услышал. А ведь самый простой ответ очевиден: разве современное российское государство прилагает усилия к тому, чтобы русское самосознание возобладало в нынешнем гражданине, читай далее – чиновнике, торговце, банкире, министре, депутате, политике, журналисте?

Многие ли из сидящих в студии стремятся это самосознание восстановить, приложить к тому свои силы, время, терпение, талант?

Увы, только редкий гость с такой риторикой на устах долетит до середины этого разлитого моря общечеловеческих сентенций и агрессивной либеральной болтовни. Процитировать Леонида Парфёнова – пожалуйста, а вот Наталья Нарочницкая – тут гость неожиданный...

Горькая русская реальность, отражённая в литературе, не устраивает ТВ

ником образом. В тематическом выпуске «Апокрифа» «Герой и прототип» прозаик, поэт и сценарист Юрий Арабов высказывается более чем определённо: «Единственный смысл в искусстве – это самопознание. Автор создаёт героя для того, чтобы познать самого себя».

Что ж, и такая задача близка настоящему писателю. Но её место несравненно скромнее, нежели нравственная по своей основе задача постичь реальность, найти её узловые точки и показать всенародному читателю беды и пороки повседневности, увидеть ростки надежды на завтрашний день. Впрочем, как уже отмечено, будущее наших современников окутано непроницаемым туманом, а телевизионные демоны, будто чёрт кочергой, ковыряют общее советское прошлое.

Никита Высоцкий, актёр и сценарист, директор музея Владимира Высоцкого приводит мнение отца: художественное творчество – это не способ познания себя или мира; тут 10% личного опыта и 90% фантазии.

«Если мы остаёмся в христианской парадигме, то ничего более ценного, чем человек, нет, – возражает Арабов. – Это вы и автор, который не может заслонить себя фантазией на 90 процентов. Собственно, потому он и черпает столь многое из своей души».

Хочется спросить известного сценариста, так трепетно относящегося к авторской экзистенции: как же быть с окружающими людьми – гонимыми, бедными, затравленными, преданными? С их антиподами – лжецами, иудами, «кадаврами, удовлетворёнными желудочно»? Кто утешит униженных и оскорблённых, снимет с их сердца тяжесть социального одиночества?

Очевидно, перед нами образец христианства исключительно для индивидуального пользования. Подобные вопрошания остаются по другую сторону телевизионного экрана, а студийные люди продолжают увлечённо заниматься схоластикой, невероятно далёкой от того, чем живёт страна и её народ.

В уже привычно бесцветном выпуске «Разночтений», зарекомендовавших себя как программа об арт-хаусной литературе, нас знакомят с Александром Иличевским – автором романа «Перс». Это в достаточной степени книжное и философичное произведение насыщают впечатления писателя о его детстве в Апшероне, а главный герой повествования ищет первоисточник жизни на Земле. Приятно, что тут нет махровой антисоветчины, столь милой ведущему передачи Александрову – одно мелкотемье, призванное заместить стародавние «широкие категории», но и это – сознательный выбор, говорящий о многом.

Тем более что помимо жизненного первоисточника настоятельно требует художественного внимания и авторской честности сама жизнь – как прошлая, так и настоящая. А вот с этим на телевидении – плохо, совсем нет живого. Одна только виртуальность, видимость, влияние нежити – по-славянски, *нави*.

Или, как давным-давно назвал свой декадентский роман Фёдор Сологуб – «Навы чары»...

ГУЛЛИВЕР И ЛИЛИПУТЫ

В странное время мы живём. Освещение и звук в сегодняшнем информационном обществе отрегулированы так, что Гулливер предстаёт незначительной фигурой, а лилипутам приданы параметры поистине циклопические. В этом явлении можно найти следы и политехнологий, и пиара в сфере культуры, и

черты мировоззренческой деградации населения, которое перестаёт чувствовать себя единым народом, на чьих плечах стоит современное государство.

В программе «Тем временем» речь идёт о «провокации как технологии». По словам ведущего, слова «компромисс» и «провокация» изменили свои устоявшиеся значения. Первое теперь сопряжено с терпимостью, второе превратилось в искусствоведческое понятие. При этом вскользь упоминается и о том, что провокация в изобразительном искусстве, помогая продвижению картины, в то же время уничтожила её как жанр. Загодя зрителю внушается мысль, что великое и самодостаточное в нашем мире отсутствует, но всё значительное является продуктом неких спекулятивных манипуляций.

В качестве события, иллюстрирующего провокацию как эстетический приём, нам предлагается история с выставкой «Осторожно, религия!» Её организатор Юрий Самодуров заявлял, что он надеялся на открытую дискуссию, создавая спорность экспозиции. Но выставку разгромил «отряд богобоязненных боевиков», как явствовало из либеральных газет. А ведь картина, на которой был изображен Христос с кока-колой, сообщает сегодня Самодуров, имела важный подтекст: на место духовного приходит материальное. Между прочим, на упомянутом плакате присутствовала ещё и надпись, относящаяся к американскому лимонаду: «Это моя кровь». Весьма существенная деталь, о которой Самодуров отчего-то не упомянул.

Искусствовед Олег Генисаретский задаёт два «провокационных» вопроса: «Если у художника есть право оскорблять чувства зрителя, то обладает ли зритель правом оскорблять чувства художника?»; и «Бизнесмены признают социальную ответственность перед обществом, а у художников – почему её нет?»

В обществе равных прав ответ, кажется, очевиден. И противостояние «богобоязненных боевиков» и художников-provokаторов – в творческом понимании этого термина – вполне можно считать неким перформансом. Но почему-то никто из сторонников нового искусства это обстоятельство как художественную находку не воспринимает – роёют, видимо...

Сразу после программы Архангельского транслировался телефильм об актёре и режиссёре Владимире Меньшове, в котором звучало сожаление мастера: на наших экранах не хватает красоты. Речь шла об актёрах, но отнести этот упрёк можно современному искусству как таковому: красота сегодня не в почёте. По замечанию Генисаретского, теперь развилось понятие «обмерзеть». Читая названия книг-финалистов одного из последних литературных конкурсов, с этим невозможно не согласиться: «Нано и порно», «Сперматозоиды», «Анна Карякина, самка»...

В «Апокрифе» решили реабилитировать «мещанский фикус». Что ж, революционный максимализм до добра не доведёт, необходимо уважать тягу людей к созданию своего маленького мирка. Но вот понятие мещанства на сей день заболтано до неузнаваемости.

Писатель Михаил Веллер утверждает: «Под мещанством сейчас понимают люди с отсутствием надличностных ценностей». И это разрушает все скрепы традиционного русского общества. Ведь «купец Минин известен сегодня не потому, что был купцом, а за то, что защищал Родину».

Галерист-политехнолог Марат Гельман обеспокоен: сегодня мещанин становится заказчиком эстетического, что негативно влияет на искусство. Однако в его рассуждениях высокая красота и нравственная норма почему-то обретают

сниженные, мещанские черты. По дальней аналогии можно вспомнить американскую молодёжную революцию с её бунтом против буржуазной семьи и весёлым отношением к групповому сексу и марихуане. Теперь и у нас находится немало желающих не только с водой выплеснуть ребёнка, но и продать его на запчасти – разумеется, в художественном и философском смысле...

По словам Веллера, все русские революционеры произошли из мещан.

Вот они-то, революционные дети мещанской среды, и представляются в искусстве людьми действительно опасными. Им не под силу создать нечто подлинно новое и прекрасное. Среди них нет воплощённого Есенина, но Кручёных представлен батальоном агрессивных карликов, желающих недрогнувшей рукой умертвить и разъять на атомы красоту. Чтобы вместо «Выткался на озере алый свет зари» воцарилось «Дыр бул щыл убешур»...

В «Культурной революции» обсуждают роль графоманов в современном литературном процессе. Поэт Олеся Николаева полагает, что «графоман – это совершенно бездарный человек, который стремится, чтобы его поделкам был придан статус высокого творчества. Он компенсирует недостаток таланта избытком собственной активности. Сейчас графоманы социализируются, создают свои группы, свои премии. В этих обстоятельствах начинающему поэту и прозаику пробиться к читателю почти невозможно. Кроме того, графомания оказывает влияние и на профессиональное экспертное сообщество – художественная планка падает, слова не соответствуют тому, о чём идет речь».

Филолог и культуролог Владимир Елистратов уточняет: «Мы живём в информационную эпоху, в эпоху дикого капитализма, когда при помощи финансов литературная посредственность легко может заслонить собой Достоевского. Уже сейчас иностранцы называют нам три-четыре имени, регулярно представляемых на российских зарубежных книжных ярмарках – о них там написаны толстые книги. Но это же графоманы, в России их никто не читает».

Впрочем, нет: здесь именно ИХ читают директора дискуссионных выставок, авторы «провокационных» плакатов, ведущие некоторых радио – и телепередач, галеристы, политехнологи, молодые порочные режиссёры телесериалов.

А все остальные, выключив телевизор, открывают томик Тургенева, Чехова или Бунина – честные книги, в которых нет провокаций, грязи и ремесленничества. Как очень верно сказала когда-то давно Марина Цветаева:

«На твой безумный мир // Ответ один – отказ».

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

В последние годы разговоры вокруг литературы как будто стали важнее, нежели она сама. Вот и двадцатый век перевёл литературные комментарии в ряд писательских жанров. И не сказать, что собственно художественные произведения рождаются сегодня в относительно малом числе – их много, значительно больше, чем мы можем предположить. Причём среди них – вещи достойные: умные, яркие, нравственно чистые, написанные вкуснейшим русским языком. Однако подавляющее большинство имён и книг остаются без внимания литературной прессы и телевидения, тогда как бесконечные рассуждения о творчестве превращаются в правило, которое неуклонно верстает под себя сетку телевизионного вещания.

И вот наступает время летних отпусков, и гомонящие ток-шоу исчезают

из программы передач канала «Культура». Удивительно, но телеэкран становится сдержанней, интеллектуально богаче, внимательнее к событиям и зрителям.

А между тем, последняя в минувшем сезоне дискуссия в «Апокрифе» была посвящена серьёзному вопросу: «Что такое литература». Действительно, до какой степени нужно было девальвировать эстетическое понятие, чтобы потребовались объяснения – многословные, противоречивые, из уст самых разных – в том числе и тех, кто в титрах значится как писатель, пребывая на самом деле в ассоциативном ранге «письмоводителя».

Михаил Левитин, режиссёр и автор книги о Таирове, высказывает очень существенную мысль: раздаётся некий общий шум, из-за которого человечество сейчас практически обезмолвлено. Необходимо вернуть в литературу настоящее слово и сострадание. Например, у Гоголя тексты порой выглядят очень странно и вздорно, но они обладают абсолютным художественным магнетизмом. За ними стоит мощная, этически содержательная личность, в то время как сегодня, по существу, сознательно насаждается дилетантский «творческий мир» мелких индивидуальностей.

Прозаик Сергей Шаргунов добавляет: нельзя рассматривать в отрыве от личности писателя то, что им написано. Подлинный художник делает внутренний шаг по направлению к другим людям. Надрыв, связанный с остротой чувствования реальности – это признак подлинной литературы.

В свою очередь, переводчик Виктор Голышев говорит о нравственном содержании литературного произведения: мораль – это вещь генетическая. Никогда не был моральным тезис, что надо предавать отцов.

Кажется, что ещё нужно для того, чтобы уяснить для себя важнейшие черты сочинения поистине художественного? Но ведущий с упорством робота, запрограммированного на всё низкое, беспринципное и безответственное, утверждает в итоге: литература – игровой мир, в котором происходит игра страстей – по правилам и без правил.

В передаче из цикла «Писатели нашего детства», посвящённой замечательной сказочнице Тамаре Габбе, все штрихи, присущие высокой литературе, как бы сами собой оказываются на должных местах. По словам Габбе, училась она всегда и везде – у деревьев, зверей, травы и учила других – отличать поддельное от настоящего. Её «Город мастеров, или Сказка о двух горбунах» – вещь, которая никогда не устареет. Кому-то дорог прекрасный фильм по этому сюжету, кто-то ценит книгу. Однако никому не приходит в голову посчитать эту историю только игрой воображения сочинителя. Тем более что полная драматизма судьба сказочницы во многом является скрытой от посторонних глаз почвой для художественных коллизий в её творениях.

Ближайшая сотрудница Маршака по детской редакции Лениздата, в 1937 году она была арестована и через год освобождена. В блокадном Ленинграде потеряла дом и близких. В течение семи лет находилась у постели безнадежно больной матери. В последние годы и сама была неизлечимо больна.

Здесь личность автора и его творчество накрепко соединены бытийными нитями, наполнены состраданием к человеку и нетерпимостью ко лжи.

В цикле «Линия жизни» транслируется встреча с композитором Алексеем Рыбниковым, приуроченная к его 65-летию. Имя Рыбникова всегда было связано с литературой. По художественным пристрастиям он, пожалуй, западник.

Рок-оперы «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» по мотивам «повстанческой оратории» Пабло Неруды, «Авось» на стихи Андрея Вознесенского сделали имя композитора известным во всём мире. Впрочем, сегодня в России более любима его песня на стихи Рабиндраната Тагора из давнего фильма «Вам и не снилось» – в русской музыкальной культуре XX века, быть может, лучшая песня на сложные классические стихи. Превосходный мелодист, Рыбников произносит очень значимые слова: кризис музыкального языка в конце прошлого столетия привёл к тому, что гармония и музыка стали распадаться на отдельные звуки – это было абсолютно точное состояние распада, разложение психики. Как не увидеть здесь параллель с литературным модернизмом настоящего времени, когда от рафинированного поэта не услышать слова в простоте и без грязи, а «улица корчится безъязыкая».

В передаче из цикла «Эпизоды» «Вспоминая Савелия Ямщикова» Василий Ливанов замечает: сегодня честность считается исключительным достоинством, а не стоит в ряду нормальных человеческих качеств. Ямщиков всегда был честным человеком – и в жизни, и в работе, и в искусстве. У Тарковского в «Андрее Рублёве» он сыграл эпизодическую роль монаха и был консультантом; Шукшин ходил к нему в мастерскую и предлагал сниматься в роли Степана Разина.

Как уместно сегодня такое его признание: «Я славянофил. Но квасной патриотизм – достояние людей безграмотных. Я люблю мировое искусство, но за русское искусство я ещё и отвечаю». Очевидно, творческой и духовной ответственности за собственные строки катастрофически не хватает нынешнему легиону писателей-промысловиков – поваров, психологов, светских завсегдатаев, стилистов, политиков, «жёлтых» очеркистов.

Не старина, а самое существо нашей русской жизни дорого Ямщикову, включает Игорь Золотусский. «К таким людям, как Савелий Ямщиков, надо прокладывать дорогу со стороны власти, иначе она будет стоять на песке».

Однако «песком» у нас сегодня, судя по всему, мало кого испугаешь – не такое бывало. И пушкинская фраза о дураках и дорогах здесь обретает дополнительный смысл.

Но, к сожалению, никого и ничему не учит.

«ТЕКСТОСТРОИТЕЛЬСТВО» И ЭРЕКЦИЯ

У нашего телевидения с литературой очень непростые отношения. Скажем, в кинематографе почти очевидно: если нет качественного в литературном отношении сценария, пиши пропало – фильм в итоге получится никудышным, а перед режиссёром и продюсером возникнет масса проблем творческого и коммерческого характера. Это правило, пожалуй, должно срабатывать и в отношении телеэкрана. Однако каждый телевизионный вечер разубеждает нас в этом с сокрушительной силой.

Никчёмность и пошлость программ, очевидно, проистекают из неумения главных лиц ТВ отличить не только хорошую литературу от плохой, но и от «не-литературы» – в особенности. Программа вещания переполнена присутствием фигур, обозначенных как писатели, хотя их можно охарактеризовать иначе. К примеру: сочинители, литературные маньяки, графоманы, бойкие журналисты, стенографы эротических видений, кулинары по выпечке пирогов из

уличной грязи. При этом для вброса подобных персонажей в эфир очень важен контекст – им и становятся имена несомненные по своему художественному авторитету.

Допустим, заимствует Владимир Сорокин название для своего опуса у Пушкина – пожалуйста, встреча в студии «Разночтений» со смелым «текстостроителем», переосмыслившим образ «русской метели». Неторопливый, вдумчивый разговор, дабы зритель сначала замер у телевизора, потом побежал в книжный магазин, а затем слёг с инсультом, будучи не в силах совместить купленное чтение с классическим образцом. Впрочем, такой житейский сюжет руководство канала «Культура» не беспокоит вовсе. Напротив, августовским вечером в самое «смотрибельное» время ведущая предупреждает зрителей: «Не пропустите! В программе Юлиана Макарова через два дня состоится встреча с писателем Сорокиным в связи с его 55-летним юбилеем. Он будоражит читательское восприятие литературы и находится в центре внимания СМИ и издателей»... А ведь предыдущим гостем здесь был Василий Ливанов.

Между тем, 70-летие прекрасного русского прозаика Владимира Личутина минувшей весной канал «Культура» обошёл молчанием, а февральскую 90-летнюю годовщину со дня рождения Фёдора Абрамова отметил крайне сдержанно, практически безо всяких заблаговременных анонсов выпустив на экран документальный фильм, посвящённый этому титану русской литературы XX века. Как говорится, в каждую бочку дёгтя, если очень нужно, всегда можно добавить ложку мёда.

Программа из цикла «Эпизоды», приуроченная к 75-летию поэта Владимира Кострова, транслируется в будний день, в 12.20. Тем самым сужается до предела аудитория, которой адресованы его очень важные слова: «Настоящий поэт начинается тогда, когда он начинает понимать великое свойство самоотречения во имя общества, во имя исторической и человеческой правды. И если нет этого самоотречения, есть только самоутверждение, мы видим, как поэты-одиночки проходят... Нашему миру не хватает музыки и поэзии. Поэзия – знак качества на любом виде искусств, на музыке, на архитектуре, на геометрии. Всегда есть этот элемент, эта вечная нить Ариадны, которая проходит через тысячелетие и связывает нас с красотой мира».

В передаче «Новая антология. Российские писатели» давешний собеседник Сорокина Николай Александров представляет зрителям Льва Рубинштейна, поэта-концептуалиста. По расхожему литературному мнению, о котором упоминает Рубинштейн, он – один из четырёх главных московских концептуалистов, наряду с Всеволодом Некрасовым, Дмитрием Приговым и упомянутым Сорокиным. Что ж, видно столичным интеллектуалам без Сорокина теперь никуда. Вспоминая Маяковского, есть с кого делать жизнь и под кем попутно себя чистить. Картотека – это, оказывается, жанр, в котором сочиняет свои тексты Рубинштейн. И пафос его «текстостроительства» – скорее, созидательный, чем разрушительный, как сообщает нам автор. Хотя вдалеке от столицы, где больше пространства и жизнь тяжелее, цена гроздьям подобных пронумерованных сентенций невелика. В них совершенно отсутствует огромный и многообразный мир – но по московским улицам бегают наперегонки с социумом, как с большой, прожорливой и глупой собакой, крошечный человек. Ему нет дела до далёкого и страдающего сердца, потому как он очень маленький и всецело поглощён собственными мелкими заботами. В чём-то это похоже на известные

магазинные речи из-за прилавка: я тут одна, а вас вон сколько, разве меня на всех хватит?!

И потому Александров предусмотрительно упоминает об особой адресности творчества Рубинштейна. Вот только кажется, что большинство любителей русской литературы в этот адресный реестр не входят.

В «Культурной революции», посвящённой противоборству ментальности и модернизации, на телеэкране – три писателя: Сергей Минаев, модный и бойкий беллетрист; Александр Никонов, сочинитель прогремевшего в СМИ нонконформистского опуса «Анна Карякина, самка»; Татьяна Сотникова (Анна Берсенева), автор многих широко изданных женских романов.

«Надо прекратить разговоры про устои, традиции, про особый путь России, – вещает решительный Минаев, – в модернизации нужно брать пример с западного мира, с Японии, Южной Кореи».

«Народ – это такая скотина, которую нужно принуждать к действию штрафами и битьём», – уверенно заявляет знаток норовистых самок Никонов.

И только Сотникова с теплотой и участием говорит о людях провинции, их непростом житье-бытье. Лишний раз это подчёркивает мысль о связи беллетристической женской прозы с главным, что отличало русскую литературу в прежнее время: тогда было принято любить своих героев и сострадать маленькому человеку. Сегодня же на первый план вышли горластые борзописцы с каменными сердцами и совестью, напоминающей гибкое тело змеи.

В фильме из документального цикла «Острова» «К 95-летию со дня рождения Сергея Смирнова» поражает хроника подвижнической деятельности этого человека, который собственную творческую жизнь посвятил истории подвига защитников Брестской крепости, а также реабилитации солдат 2-й Ударной армии, погибших в Мясном Бору. Его любили и уважали простые советские люди, которых сегодня высокомерно называют «совками» наши либералы. Фрагменты студийных передач 1960-х годов с участием С. Смирнова подкупают удивительно искренней душевной атмосферой и сердечным отношением к войне и советскому солдату.

Иное дело экранные посиделки текущего дня. В «Апокрифе» собрание как-то устало обсуждает образ Дон Жуана: охотник он или жертва? Однако беседа всё больше идет на уровне низовой дамской литературы и феминистских умозрений. Журналист Игорь Фесуненко долго рассказывает о любовных приключениях бразильского футболиста Гарринчи. Психолог Александр Асмолов говорит о надломе современного мужчины: эрекция теперь не приносит радости. Бывший редактор российской версии журнала «Playboy» Артемий Троицкий касается мужской и женской сексуальной озабоченности, а философской глубины в истории Дон Жуана не видит вовсе, поскольку «её можно обнаружить в любом предмете»...

Лишь филологи Светлана Семёнова и Дмитрий Бак пытаются вести речь о действительно серьёзных вещах. О тайном соперничестве Дон Жуана с Богом. О силе, которая дана свыше и которой можно пользоваться только в меру. Увы, магнетическое слово «эрекция» будто материализовалось в студийном воздухе, и присутствующие стараются говорить уклончиво, будто не в силах отрешиться от подобной коннотации великого литературного образа. В результате от передачи остаётся впечатление пошлости, невероятного мелкотемья и вымученности, когда ведущий должен «тянуть лямку» во чтобы то ни стало.

У нидерландского авангардиста, поэта и художника Люсеберта есть примечательные строки: «дедушка куда ты девал соловья? // сел и съел». Кажется, наше телевидение пожрало современную русскую литературу и не поморщилось. А зрителю бесстыдно предлагает какую-то «осетрину четвёртой свежести». И потому теперь каждому из нас стоит выбрать всерьёз: настоящая русская книга или лживый, бесчеловечный ящик.

Ибо эти две вещи, как сказал поэт, несовместны.

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ХУНВЕЙБИНЫ

Не прошло и двадцати лет с тех пор, как была отринута социалистическая идеология и ушёл в небытие советский строй – а новая буржуазная Россия, кажется, стала остро нуждаться в собственном идеологическом обосновании. И речь идёт не об идеологии либеральных реформ и прочей словесной шелухе, призванной оправдать в глазах обездоленного населения эпоху Большого Хапка. Нет, логические построения, которые могут убедить нашего гражданина в том, что он сегодня счастлив, свободен и полон гордости за свою страну – в них настоящая нужда! Причём важно, чтобы гражданин этим словам поверил и в будущем вёл себя примерно, то есть законопослушно. Но вот беда: пристрастие ко всему советскому не желает уходить с российского «капиталистического двора».

Уже не в первый раз собираются спорщики в программе Архангельского «Тем временем», дабы поговорить о советской эпохе. Теперь они задаются «свежим» вопросом: возможна ли история как наука в отрыве от идеологии. Писатель Константин Азадовский полагает, что оценка нашего прошлого с точки зрения судеб конкретных людей куда драматичнее, чем взгляд с позиций того или иного мировоззрения. Уйдёт поколение, отношение к давним годам станет спокойней.

Историк Владлен Логинов категорически не согласен: дело не в поколениях, а в политической ангажированности, в очернении истории России XX века. Существует статистика, но вновь и вновь вбрасывается провокационный тезис «полстраны сидело, полстраны охраняло сидельцев». История – это изучение эпохи, а не истерика. Не надо путать сферу морали и этики со сферой науки, потому что нельзя получить представление о смысле событий, исходя только из дефиниций морального толка. Интеллигенция всегда перестраивалась в соответствии с «учуянной» ею линией власти, и сегодня во множестве расплодился своего рода историки-конструкторы, которые вновь и вновь погружают советскую эпоху в небытие.

Осмысление советской истории – это освобождение от мифов, будто читая передовицу либеральной газеты, настаивает Азадовский. И лукаво избегает мысли, что воспитание «нового россиянина» со стерильной памятью есть неременное условие успеха завтрашних пропагандистских моделей. Тем более что «у людей сейчас нет этической навигации, ныне – эпоха рыночного тоталитаризма», как очень точно заметила культуролог Людмила Булавка в предыдущем выпуске передачи Архангельского, посвящённом погрому советского кино.

Любопытно, что сегодня расчистка идеологической площадки от обломков советского прошлого ведётся даже с бóльшим усердием, нежели собственно построение или хотя бы заготовка деталей новой идеологии. Скрежет зубовный не

прекращается вокруг творений Шолохова. Стоило члену Общественной палаты Елене Зелинской в упомянутом выпуске сослаться на правдивость и документальность «Поднятой целины» – дабы подчеркнуть широту собственных либеральных взглядов, как кинокритик Юрий Богомолов немедленно добавил: «документ, местами написанный бухгалтером».

Эти бы слова да в уши Николаю Александрову, автору и ведущему передачи о «поэте-концептуалисте» Льве Рубинштейне в цикле «Новая антология. Российские писатели». Однако у либералов левая рука не знает, что делает правая. Или знает, но держит в секрете от простодушных зрителей и читателей.

Упомянутый цикл содержит все прежние изыяны передач Александрова: произвольность подхода к теме, книге, персоне; акцент на личном и частном – в ущерб художественному и духовно значимому.

Например, зритель узнаёт, как в детстве заболевшего Рубинштейна потчевали кошерной курочкой. Илья Бояшов, лауреат премии «Национальный бестселлер», оказывается, до сих пор трогательно любит английскую группу «Uriah Heep» начала 1970-х. А передача о Павле Крусанове, который выстраивает свои романы в жанре альтернативной истории, почти целиком посвящена его пребыванию в молодые и бурные годы в питерском рок-клубе. Несмотря на увлекательную интеллектуальную интригу крусановских произведений, мы узнаём о них только по цитатам, «вывешенным» вверху телеэкрана – очень похоже на «жанр картотеки» Рубинштейна.

Намеренная отрывочность информации, отсутствие мало-мальски объективного анализа «антологической» литературы больше дезориентируют читателя, практически разрушая изначальное представление о передаче как о книжном лоцмане. Вспоминается байка советских времён о народном артисте, который мог выйти на сцену, сесть в кресло и заснуть вполне реально – а зритель-то думал, что перед ним чрезвычайно глубокое погружение в образ. Так и здесь: любая чушь, всякий произвольный набор имён и сочинений, безапелляционная сентенция и нелепое сближение явлений – всё позволено ведущему. Потому что перед нами – фигура литературного «чистильщика», который оболванивает зрителя и, одновременно, внушает ему иллюзию творческой осведомлённости.

Другой мастер «подрывного телевизионного дела» Виктор Ерофеев посвящает очередной выпуск «Апокрифа» представлению о писателе как о «совести нации». На центральных стульях расположились главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов и кинорежиссер Марлен Хуциев.

Венедиктову нравится отрицательный герой русских народных сказок Кощей Бессмертный: и богатый, и долгожитель, разве плохо? А молодые журналисты «Эха...», приводит он показательный пример, вообще не поняли словосочетания «совесть нации».

Добавим, что и по отдельности названные слова, скорее всего, вызывают у них семантические затруднения. Тут по пословице: каков поп, таков и приход. В детстве, признаётся Венедиктов, он хотел стать продавцом мороженого. Однако впоследствии превратился, судя по эфиру, в продавца «жареного». Впрочем, в передаче присутствует и «поджарка» в лице юного поэта Владимира Жбанкова, который видит черты «совести нации» в образе милиционера из опусов Пригова.

На этом шабаше Марлен Хуциев выглядит одиноко и старомодно, как седой профессор в обществе хунвейбинов: «Сейчас совесть заменена корыстью.

Совестью нации должна быть культура в сумме своей, если она не подменяется плясками, размахиванием рук и разговорами о жратве. Сострадание – вот что очень близко этому понятию».

Режиссёру с безупречной репутацией противостоит аудитория новых гуманитариев – будто накурившись «травы забвенья», она отрицает главные свойства, которые делают человека существом нравственным, с чувством долга и памятью.

Как бы сложно мы ни относились к коммунистическому периоду в истории России, совершенно очевидно, что нынешние адепты новой идеологии в этом непростом советском прошлом были бы доносчиками и вертухаями, следователями и членами Особых троек, партийными пропагандистами и расчётливыми секретарями парткомов. По одной простой причине: им незнакомы и чужды понятия совести и родной земли, память рода и затаённая гонимой веры – то, что малыми частицами рассыпано по всему великому и злосчастному русскому народу.

Тому народу, который, по словам либерального кликуши-идеолога, есть главное препятствие модернизации.

«СОЕВАЯ» ЛИТЕРАТУРА

Литературный ландшафт, который предлагает нам телевидение, отчётливо напоминает «потёмкинские деревни». Или, к примеру, ложные цели, применяемые в военное время для дезинформации противника. Это когда из фанеры и маскировочной ткани мастерят танк или самолёт, а из досок и брёвен – артиллерийское орудие. Посмотришь с высоты – похоже; подойдёшь поближе – дрова и тряпки, да ещё – ватные куклы с палками в мягких руках.

В программе «Новая антология. Российские писатели» Николай Александров каждый четверг знакомит телезрителей с весомыми литературными персонами. Вот на экране – Борис Акунин. Он успешен, а для буржуазного бомонда это чрезвычайно важное обстоятельство. Обласкан кинематографом, притом что фильмы, снятые по его романам, отличаются нестерпимо пошлой опереточностью. Наша либеральная интеллигенция уже давно мечтала о «комфортной» литературе – примерно в том смысле, в каком может быть комфортен письменный стол, пиджак, освещение или эргономичная компьютерная мышь. Наконец такой долгожданный сочинитель появился. С тех пор прошло полтора десятка лет. Уже и самому Акунину, кажется, поднадоело историческое «мыло» собственного производства, а телевизионные затейники всё никак не угомонятся.

Впрочем, есть вариант и для молодёжи – Ксения Букша, которая «с отвагой берётся за любые жанры», пишет игровые стихи в духе обэриутов, исторические романы и вообще – «творит текст». Порой получается, по её словам, «чушь полная, но шутки есть хорошие». В ход идет всё: исторические факты и приметы, язык биржевых трейдеров и офисный сленг. А также – имитация философии: «Дух – вот что главное. Иначе ничего не будет» и пустозвонная бабская дурь: «Что надо сделать, чтобы полюбить человека? Надо его растанцевать». Примечательно суждение критики о прозаических опусах Букши: «кастрюля, в которой кипит словесное варево, сдвигая крышку». Плюс признание самой сочинительницы: «всё бы сидела и строчила, дай мне волю...»

Книжная девочка изучает историю как конструктор, а прозу понимает,

очевидно, как способность «балаболить» на самые разные темы. Раньше это называлось графоманией, а сегодня совершенно сознательно заталкивается в телеящик, у которого загодя «сдвинута крышка».

Вот определяют победителя конкурса «Большая книга», и попутно Александр Архангельский даёт интервью круглосуточному телеканалу новостей «Россия-24». «За всё время существования премии никому случайному она не была присуждена – Дмитрий Быков, Дина Рубина, Людмила Улицкая...» Действительно, в этой литературной песочнице случайных мальчиков и чужих девочек не найти – идейная близость лауреатов очевидна. Но любопытно, что неутомимая Букша считает своим литературным кумиром именно Быкова, а не, к примеру, Крусанова или Пелевина. Создаётся дурная преемственность и выражается даже то малое, о чём можно говорить серьёзно применительно к либеральному творческому взгляду на реальность.

В «Культурной революции» тема литературных премий обсуждается крайне решительно. Андрей Василевский по-хозяйски говорит в пользу конкурсной системы – подобно вагоновожатому трамвая, который уже наполнен: не возмущайтесь, следом идёт машина того же маршрута. Оно и понятно – член жюри «Большой книги». Тогда как председатель экспертного совета премии – его ближайший соратник по «Новому миру» Михаил Бутов – о, сколь велик его литературный авторитет! Пожалуй, никто и не вспомнит, что был такой роман «Свобода», получивший «Букера» в 1999 году...

Вездесущий Александр Гаврилов, прежний редактор «Книжного обозрения», теперь отрекомендованный как менеджер, всерьёз утверждает, что премия является «формой благодарности читательского сообщества». Уже сама фразеология этого хлестакова последней выпечки несёт на себе очевидный отпечаток нынешней деятельности Гаврилова: он пользуется успехом у нуворишей в роли консультанта по написанию книг.

Двенадцать лет тому назад Олег Павлов в статье «Тотальная критика» высветил кротовые ходы московского газетно-журнального литературного процесса. Система проглотила это пушечное ядро и даже не чавкнула. И теперь уже Татьяна Сотникова (Анна Берсенева), автор женских романов, говорит о том, что сегодня премия стала выражением искусственно созданной литературной иерархии, в которую живое произведение не вписывается. И потому решительно отбрасывается устроителями, несмотря на недоумённый читательский вопрос: недавно прочёл хорошую книгу, почему она не заинтересовала жюри?

Культуролог Людмила Булавка говорит о существовании проблемы: художник может развиваться, если в культуре есть дух соревновательности, однако теперь он агрессивно вытеснен духом конкуренции. В первом случае речь идёт о содержании, а во втором – соревнование идёт в отвлеченных сферах: влияние в корпоративной среде, большие продажи, идейная благонадёжность. Таким образом литературная премия становится соревнованием цехов и девальвацией высокой литературы, поскольку жизненная реальность тут отодвигается в сторону и не признаётся как фактор творчества.

Лекция Игоря Волгина о Достоевском в цикле «ACADEMIA» – будто глоток свежего воздуха в затхлом чулане. С наслаждением слушаешь умную, точную речь, в которой неуловимо растворена аналитика, отчего рассказ исследователя приобретает черты основательности – серьёзности, пунктуальности, умения видеть важные вещи не кусочно, а целиком.

В недавнем документальном фильме о Владимире Максимове в цикле «Острова» приводились слова писателя: «Искусство, литература в частности, не может жить без надежды. Отними надежду – и это начало конца. Негативная информация в кино, в книгах как будто призвана задавить человека. И вы ждёте от этого человека созидательного труда?!»

Сколь ответственна здесь этическая и художественная мысль, сколь чужда она либеральному российскому телевидению. Всё бы ему сводить счёты с советским прошлым и втюхивать доверчивым зрителям «соевую» литературу.

2009 – 2010

Сергей МИХАЛКОВ

НА СЛУЖБУ НЕ НАВЯЗЫВАЙСЯ, ОТ СЛУЖБЫ НЕ ОТКАЗЫВАЙСЯ

Этот разговор состоялся в октябре 1994 года в хорошем русском городе Орле, когда там проходил выездной пленум правления Союза писателей России. По причинам, о которых нет смысла говорить, интервью долго оставалось не опубликованным, прежде чем попало в Интернет через сайт Морского государственного университета им. адмирала Г.И. Невельского, где затерялось так, что несколько попыток найти его оказались безрезультатными.

Уже многое изменилось в жизни. Нет с нами Сергея Владимировича. Произошли перемены в судьбах и положении людей, о которых идёт речь в интервью. Если помнить о том, когда всё это говорилось, можно оценить смелость и прозорливость писателя Михалкова. Но немало из сказанного им в самом начале последнего, наиболее, наверное, сложного для понимания и оценки десятилетия прошлого века, остаётся и сегодня до боли актуальным.

Хочу сказать о личном впечатлении от встреч с Сергеем Владимировичем Михалковым и, прежде всего, от этой беседы с ним. Что бы о нём ни писали и ни говорили, это фигура эпохальная, по отношению к которой применимы самые высокие определения. Масштабность личности. Ясность позиции. Прямота, отчётливость её выражения. Всё так редко и так драгоценно в смутное, нечестное, в чём-то глупое время, которое, к беде нашей, ещё не кончилось в России...

Владимир ТЫЦКИХ

– Сергей Владимирович, вы, может быть, запомнили эту маленькую историю, но мне представляется уместным начать с неё наш разговор. Лет десять назад газета Тихоокеанского флота «Боевая вахта» попыталась собрать воспоминания писателей, в разные годы бывших её гостями, о пребывании во Владивостоке. Мне было поручено написать им. Я отправил 150 писем, на которые получил всего два ответа. Один из них был от Сергея Михалкова...

Вы не просто известный человек. Вы один из тех немногих, кого знают все. Исключительная по продолжительности и размаху общественная деятельность. Уникальный творческий диапазон: от детских стихов, басен – до Гимна Державы. Всё это – Сергей Михалков. И – такое редкое, удивительное продолжение в детях, внуках! Словом, достаточно оснований, чтобы однажды гордо выпрямиться и уже никогда не смотреть вниз. Но вы остаётесь доступным, демократичным, то есть остаётесь человеком нормальным, хотя всю жизнь

принадлежите к избранному кругу, в котором много соблазнов и ничего не стоит оуклиться, забронзоветь...

– Мне кажется, что это характер, прирождённые качества человека. Я, думаю, не ошибусь, если скажу, что имеют значение гены. Ведь не случайно же сегодня все стали говорить о происхождении, о роли предков. У нас же это игнорировали. Даже, наоборот, воспитывали в человеке отрицание своих предков. Если они не соответствовали тому параметру, который определила партия с правительством, люди скрывали свои корни. Один скрывал, что у него отец или дед был священником, другие скрывали, что отец или дед был раскулаченным, третьи скрывали своё происхождение дворянское, четвёртые – что они из купеческого сословия. Скрывали, если в семье были офицеры царской армии. Скрывали, старались забыть, кем были предки. Все были пролетариями, из бедной семьи... А ведь, если подумать, даже когда собаку покупают, ищут породистую, интересуются, кто у неё папа с мамой, бабушка с дедушкой, требуют родословную, где записаны несколько собачьих поколений, диплом, подтверждающий хорошую породу. То же самое – с лошадью. Откуда она происходит, от кого, от какого там арабского скакуна или рысака орловского, на каких дерби участвовала и побеждала? И это очень важно. Потому что по наследству передаются и здоровье, и всякие другие достоинства.

Я думаю, и люди, происходящие из крестьян, из рабочих, узнав предков, нашли бы много интересного в своей родословной. Ломоносов не на пустом месте появился. Но, к сожалению, это не фиксировалось в документах, не передавалось из поколения в поколение. Однако и в самых бесправных крепостных были большие таланты заложены. Не случайно из крепостных выросли известные во всей России прекрасные актёры, писатели, художники. Даже купцы. Поэтому я думаю, что качества, которые в человеке проявляются, вовсе не благоприобретённые. Вот я вижу в моём сыне Никите качества, которые были присущи мне, присущи деду и прадеду. Даже и по фотографиям очень много сходства.

– А в Андроне?

– В Андроне со стороны матери, очень много оттуда... Понимаете, человек должен быть естественным. Любой из нас, если он какими-то качествами не обладает, может научиться притворяться. Правда! Притворяться быть демократичным, быть доброжелательным, а на самом деле быть последней сволочью. То, о чём вы спросили, у меня это в природе. Я об этом даже написал давным-давно, в первой своей басне. Мне было двенадцать лет. Эта басня кончалась словами: надо знать, что людям надо помогать не только словом, но и делом. Значит, какая-то общественная жилка у меня была уже тогда. Поэтому, когда я стал народным депутатом России, потом СССР, я получал, естественно, очень много писем, и на приёмах в Москве у меня бывало много народу. Я держался правила: никогда не отписываться на бланке депутата общими фразами, что я передал ваше заявление туда-то. И если считал, что человеку надо помочь, что его просьба оправдана, то я делал. У бумаги должны быть ноги. Я не передавал это кому-то там, не поручал, а если поручал, то перепроверял, но в большинстве случаев сам ходил по этим делам. Сам. И не случайно, когда мой секретарь подсчитал количество выполненных просьб, то я даже удивился. Пятьдесят процентов было удовлетворено. Пятьдесят процентов. Это просьбы были, конечно, житейские, бытовые. Обращались люди по поводу квартир, разводов, по поводу судебных дел, прокурорских, милицейских – кого-то

неправильно посадили, допустим. Я ходил по этим делам. Нет, я себя не заставлял. У меня было чувство, что я от чего-то должен избавиться, от какого-то груза, который жил на моих плечах. И если избавлялся, т.е., если доводил дело до конца, то этот груз с меня спадал. Понимаете, это не было насилием над личностью, я это с удовольствием делал сам! То же сейчас вижу в Никите. Сколько у него общественных нагрузок и как он с ними справляется. Он очень организованный человек. Работа творческая, общественная работа: и Фонд культуры, и студия на нём, и земство, и прочее. Он справляется. Он, правда, ложится спать в двенадцать ночи, но, понимаете, его никто не заставляет. Это его жизнь. И так я отвечаю на ваш вопрос.

– *Сергей Владимирович, ваше понятие наследственности, оно сословное или, так сказать, биологическое?*

– Нет, это биологическое, биологическое. Сословного не может быть. Господи Боже мой, можно принадлежать к великокняжескому роду и быть совершенно ничтожным человеком! Что история и показала. Сколько было у нас вельмож, которые прославились своими пороками и отсутствием человеческих качеств! Сколько было помещиков, которые унижали людей, сколько было купцов, которые грабили народ... Это не сословное, это человеческое. Гены. Гены – большое дело.

– *Можно сказать, что у Михалковых есть какая-то тайна, секрет какой-то. Потому что вот дети ваши тоже люди не просто заметные, а знаменитые, и работу делают не рядовую и делают-то не по-рядовому. Вы что же, как отец вообще не чувствовали себя ответственным за их воспитание, никак на этот счёт не напрягались, и всё вышло само собой, исключительно за счёт генов?*

– Нет, видите ли. Что значит «не напрягался»? Есть вообще семьи интеллигентных людей и малоинтеллигентных и полуинтеллигентных людей, которые, например, хотели, чтобы ребёнок во что бы то ни стало учился в музыкальной школе, или, там, занимался английским языком. А у ребёнка нету способностей. Однако его мучили, насиловали. Я никогда не насиловал своих детей. Тем более что воспитанием занималась мать. Определились они в музыкальную школу. Хорошо, конечно, человека с детства учить музыке, чтобы знал музыку, приобщался к музыке. Но они окончили музыкальные училища, Андрей – консерваторию. И увидел, что он никакой не хороший пианист. Он это понял. Бросил и не стал больше заниматься музыкой. Но она ему пригодилась в работе как режиссёру. Он даже для одного из фильмов, вышедших в Америке, написал сам и песню. Они захотели пойти учиться в институт кинематографии и пошли. Я их не направлял вообще. Пошёл – иди. Никак не направлял.

– *То есть в угол вы детей не загоняли, решений своих им не навязывали. Значит ли это, что не утруждали себя воспитанием? Мол, дети от такого породистого отца с такой породистой мамой родились, можно дальше ими не заниматься, вырастут сами по себе, благодаря этой самой породе?*

– Какие-то элементарные нормы воспитания, как в каждой семье, были и у нас. Беспокоились, чтобы они не начали курить, чтобы они не общались с хулиганами, чтобы они читали, чтобы они... Но это естественно. Это есть элементы домашнего воспитания. Но тут ещё, конечно, сыграло огромную роль окружение. Я вообще считаю, что окружение, среда, в которой общается ребёнок, юноша, во многом определяет его развитие как личности. У нас в семье бывали, то

есть, не у меня в семье, а в семье деда, художника Кончаловского, очень интересные люди. Алексей Толстой, Всеволод Иванов, Борис Ливанов, Илья Эренбург, Сергей Конёнков... И дети, которые были подростками, в этой среде впитывали что-то высокое. Понимаете, они прислушивались к разговорам. Сам я лично, когда был школьником, это было в Пятигорске, такой среды не имел. А когда в семнадцать лет начал самостоятельно жить, то вращался в среде рабочих. Я работал на ткацкой фабрике разнорабочим. Потом в Восточном Казахстане в геологоразведке, тоже был рабочим, помощником прораба, вращался среди технической интеллигенции. Но, вы знаете, геологи – это определённая каста и очень специфичная категория людей. Это кочевая жизнь, коллективность такая. Вот я вращался в этой среде. А потом в среде писательско-журналистской. Работал в «Известиях» в отделе писем, дружил с писателями.

Мне вообще везло. На дороге моей литературной юности попались очень хорошие старшие товарищи, наставники, которые формировали моё отношение к жизни, к творчеству, к литературе. Это были Фадеев, в первую голову, Алексей Толстой, Маршак, Чуковский, Лев Кассиль. Они во многом способствовали тому, что я стал писать для детей, стал писать басни, стал сатириком...

Так что остановимся на таких моментах. Первое, я считаю, имеют значение гены. Это подтверждено и наукой. У нас это отрицала марксистско-ленинская теория, потому что это было невыгодно признавать. Второе – среда. Коллектив, скажем так, имеет огромное значение для воспитания человека. Вот эти два компонента формируют человеческую личность, я считаю. И ещё считаю, что каждый человек рождается с зачатками всего: и плохого, и хорошего. Очень много значит, какие зачатки начнут развиваться, а какие погаснут, потому что добро и зло в каждом человеке. И если его с детства воспитывать на издевательствах над животными, которые в детях часто проявляются, а не на любви к животным, из него можно сформировать жестокого бездушного негодяя. В конце концов, он начнет так же к людям относиться, как относится к животным. Поэтому задача детского писателя направлять ребёнка вот по этой линии, понимаете, чтоб он любил мир, природу, животных.

Это надо воспитать в человеке. Я даже думаю, что если у него были плохие гены, то среда может подавить эти гены всё-таки. И потом, в каждом есть какое-то начало творчества, у детей у всех оно есть непременно. Одни любят строить, комбинировать, мастерить что-то из конструктора, другие рисовать. Когда говорят: все дети талантливы, я с этим согласен. Действительно, талантливы все без исключения. Но далеко не все становятся строителями, художниками, конструкторами. Детский талант, увы, нередко с возрастом проходит. Если хороший наставник не разглядит в маленьком человеке его склонности, его способности. Когда этому мальчику, этому подростку подсказать вовремя и помочь развиваться в ту сторону, в которой он более силен, он сможет подняться до высокого уровня.

Наставник, способный направить и подсказать, нужен всем, в том числе и начинающим писателям. И я был писателем начинающим, писал стихи. Если бы Маршак не разглядел во мне писателя для детей, то я, может, до сегодняшнего дня писал бы посредственные стихи для взрослых. Алексей Толстой мне подсказал писать басни. Я никогда в жизни не думал, что это мой жанр, что я должен писать басни. Этот жанр умер для меня уже: был Крылов Иван Андреевич, был Демьян Бедный. Но Толстой мне сказал: ты должен писать басни. Откуда

он это мог понять? Из моих детских стихов. Я начал писать басни и добился определённых результатов. Эти басни живут и сегодня, печатаются, издаются. Вот он разглядел. В этом сила наставника – разглядеть и поддержать ту сильную сторону, которую, он считает, в данном человеке надо развивать.

Замечательный мастер Михаил Михайлович Яншин, актёр огромного комедийного дарования, когда пришёл сдавать экзамен в Художественный театр, стал читать пафосные стихи, которые не имели успеха у экзаменационной комиссии. А Яншин-то думал, что именно этими стихами он покорит слушателей. Лужский сказал: ну, прочитайте-ка басню Крылова. Яншин прочитал басню, и его приняли. А если бы не было Лужского? Талантливый человек мог не податься на сцену, мог, не родившись, погибнуть хороший актёр.

Кто-то считает, что он артист на роли первых любовников, всю жизнь играет роли первых любовников, и никто ему не подскажет: ты же артист другого плана, тебе надо играть характерные роли, а не героические! Или художник – всю жизнь рисует, понимаете ли, портреты, выставляется, а на самом деле он хороший карикатурист, как карикатурист мог бы достигнуть огромных вершин, но остаётся посредственным портретистом. И вот наставник, старший товарищ должен разглядеть это, взрослый должен увидеть талант в ребёнке. Тем и отличается настоящий учитель от обычного, посредственного. У меня в пятигорской школе был учитель литературы Сафроненко. Он меня поддерживал в поэтических опытах, направлял, хвалил, я был редактором школьной газеты. Это очень важно. Так вот и сыновья мои тоже. У них были хорошие преподаватели в институте. Такие, как Михаил Ильич Ромм, прекраснейший педагог. Ромм сделал очень многих режиссёров, он умел разглядеть талант и принимал в свой класс тех, в кого верил.

– *Сергей Владимирович, семья считается ячейкой общества, какой-то, стало быть, даже частичкой государства. В этом смысле, наверное, к народу и государству как-то применимо и понятие наследственности, естественно-природного начала. И то, что вы говорили о среде. Происходящее с нашей страной сегодня не есть ли нарушение этой наследственности и одновременно деформация среды? Если да, то когда, на ваш взгляд, эта беда оказалась больше – в тысяча девятьсот семнадцатом, как сейчас все говорят, или в другие времена? События последних лет тоже ведь не обходятся без вмешательства в самые основы народной жизни. Насколько это вмешательство лечебно?*

– Есть такое понятие – менталитет. У каждого народа свой менталитет и свой характер. Итальянцы отличаются от немцев стереотипами поведения, эмоциональными проявлениями настолько, что их невозможно спутать. Излишняя скупость, скопидомство швейцарцев, французов; пунктуальность и аккуратность тех же немцев. Мы говорим не о характере этого американца, того испанца – речь идёт о характере именно народа, целой нации. Вот – русский народ. Что в русском народе наиболее характерное? Терпение. Ведь русский народ всю жизнь терпел. И во время татарского нашествия терпел. И во все иные времена терпел, терпел и терпел. Но опять же есть и другое качество: русский терпит до поры до времени, а потом его уже не остановить. Это характер для русского народа? Характер. Было ещё другое понятие – советский народ. Советский народ – это уже объединённый совсем на других принципах. И семьдесят лет воспитывали людей, живущих в Советской стране, в советском режиме, воспитывали в определённом плане. Превыше всего партия, Ленин – чуть ли не Бог,

инакомыслие запрещается, и религия фактически запрещена. Людей объединяли в один большой массив, в одну большую массу, которая должна была жить по утверждённым свыше правилам, подчиняясь определённым принципам, коммунистической идеологии. И воспитали советского человека, независимо от национальности. Этот человек, за редким исключением, не протестовал против этого строя. Кто протестовал – попадал в тюрьму, его там пытались перевоспитать или уничтожить. Строжайшая дисциплина, определённые рамки поведения... Но всё развалилось потому, что сама верхушка разложилась. То, что они диктовали другим, они не применяли к себе. Вот поэтому всё лопнуло.

– *У Вас отношение к социализму отрицательное?*

– Социалистические идеи всерьёз волновали общество ещё в просвещённом девятнадцатом веке. Но ведь каждую идею можно извратить. Партийная верхушка, люди, которые взяли власть в свои руки, стали одно диктовать другим, а сами жили не по убеждениям, не по принципам коммунистической идеологии. Разница между руководством партии и самой партийной массой была разительна.

Существовали понятия: советский гражданин и советский человек. Советский человек – это нравственный эталон человека, представляющего Советский Союз. Он не взяточник, не вор, не спекулянт, у него высокая мораль. Он представлял страну за границей. Совершал все славные подвиги. Считалось, что советский человек это и есть советский гражданин. На самом деле советский гражданин мог быть не советским человеком. Только что паспорт имел советский.

То же самое – член партии и коммунист. Это разные вещи. Члены партии – все, кто имел партийные билеты. Коммунистами могли быть только люди по убеждению. Коммунисты, бесспорно, были. И в высшем руководстве партии были отдельные коммунисты, и в райкомах, в парткомах на местах. Они служили делу партии честно, глубоко верили в то, что делают это всё во имя чего-то такого светлого, нужного, необходимого. Во время Великой Отечественной войны они вступали в партию перед атакой. Знали, что могут умереть, и вступали в партию. Они в лагеря шли, их сажали, они в колоннах заключённых пели «Интернационал». Они были коммунисты по убеждению. А руководители партии на самом высоком уровне были просто членами партии, ибо они не исповедовали коммунистическую идеологию как высшую степень человеческой морали. Тут много примеров, их и приводить не надо. Они жили, генеральные наши, на недоступном для нормальных людей олимпе. Вот Андропов был коммунист, а Брежнев не был никогда коммунистом.

– *А Горбачёв?*

– Никогда! Он был членом партии. Я даже могу сказать, что Суслов был коммунистом. Сталин был коммунистом. Ради идеи он шёл на всё. Семью мог потерять и терял, своего сына не обменял из плена, когда ему немцы предлагали. Другое дело, по человеческим качествам, может, он коммунистом и не был. Сопратников расстреливал. Но по убеждению он был, безусловно, коммунист.

Понимаете, эта очень интересная, вообще, тема, очень большая. Система была очень точно продумана. Членом партии нужно было быть, потому что талантливый человек, талантливый инженер понимал, что он не может в своей области достичь каких-то вершин высоких, если не будет членом партии. Он с трудом становился доктором наук, беспартийный, но не мог руководить

институтом, не мог быть редактором газеты, не мог быть командиром воинского соединения, не мог быть никем. До определённых пределов шёл, потом вставал вопрос: или ты будешь членом партии, или оставайся беспартийным, но для тебя закрыто очень многое. И квартиру получал в первую очередь член партии, и за границу в первую очередь рекомендовали члена партии. Были редкие исключения для очень нужных людей, для какого-нибудь академика, писателя крупного.

Когда человек становился членом партии, он становился заложником у партии. Это уже всё. Пожалуйста, ты получаешь какие-то привилегии, ты можешь расти, дорасти по своим способностям до любого уровня, но у тебя партийный билет можно было отнять. Ты должен свято исполнять законы партии. Ты не имел права по-другому думать, то есть, думать ты мог, но проявлять, показывать, что ты думаешь по-другому, не мог. Изгнание из партии было равносильно самоубийству. Потому что тут кончалось всё: и профессия, и должность, и спокойная жизнь. Восстановиться в партии было почти невозможно, очень сложно.

Член партии выполнял её требования неукоснительно, жил строго по партийной дисциплине, то есть, старался жить по партийной дисциплине, старался не потерять партийного билета, не потерять его физически. И партия, естественно, опиралась на этих людей. Руководство партии на любых уровнях знало, что если спросить с человека, он сделает, а если не сделает, ему говорили: мы тебя выгоним из партии. Вот так строилась система. Отсюда и говорили потом, у нас восемнадцать миллионов коммунистов. Неправда. Не коммунистов, а членов партии восемнадцать миллионов было. А самое главное, что во главе руководства не было настоящих коммунистов, за исключением отдельных личностей, которые в это верили и жили по коммунистической морали, сами жили. Вот Андропов не брал ни у кого никаких подарков никогда. Никаких подарков от иностранных друзей, которые ему что-то дарили. Он всё отдавал государству, отдавал в разные места. Сервиз дорогой, например, – в казённую столовую. Он даже не брал себе отреза, который полагался ему на мундир. Но таких вождей у нас было мало, единицы были, они не могли погоды сделать. Потому и получалось, что система стояла на глиняных ногах.

Я вступил в партию в пятидесятом году. Сталин мне сказал об этом ещё в сорок третьем, за семь лет до того, как я понял, что я должен иметь партийный билет. Сталин меня спросил: «Вы член партии?» Я говорю, нет, я – беспартийный. Это я уже был автором гимна Советского Союза. Сталин говорит: «Ну ничего, я тоже был беспартийным». Другой бы сразу, на следующий день пошёл бы вступать в партию. Я вступил через семь лет. Потому что знал: проявлять свои способности, не будучи членом партии, в полной мере не смогу.

– *Вы относите себя к членам партии или к коммунистам?*

– К членам партии. Я понимал, что не могу руководить журналом «Фитиль», который критикует коммунистов, если я беспартийный. Никто мою критику не воспринимал бы: секретари обкомов, председатели Совета министров и так далее. Я понимал, что пока я беспартийный, я не могу занимать определённое положение в обществе и руководить в этом обществе так, как, я считаю, надо руководить. Ну, был бы писателем, автором гимна, ну и всё.

– *Сергей Владимирович, вы всё-таки на мою заморочку не вполне ответили.*

Что вы видите в переменах, которые переживает страна? Это естественный ход событий, или нарушение какое-то, может быть, искусственное или ненароком произошедшее, нарушение вот этой наследственности, о которой вы говорили? Когда все это началось, в тысяча девятьсот семнадцатом году или...

– Видите, самодержавие, оно само обрекло себя на развал тогда.

– *То есть предпосылки были естественные?*

– Предпосылки были естественные. Самодержавие находилось на грани распада. Другое дело, что его могла сменить и какая-то другая система. Какая-нибудь конституционная монархия, или что-нибудь другое, как в Англии. По живому можно было не резать. Но ситуацией воспользовались очень решительные люди. Хирургическим путём сразу всё переиначили. Так и сейчас. Ведь перестройка направлена не на то, чтобы сделать лучше, а на то, чтобы перевернуть сразу всё.

– *По своей грубости, по механизму происходящего эти события равны друг другу?*

– И то, и другое творится путём насилия. Это же можно было сделать по-другому, если бы Горбачёв был более способным человеком, более умным, более мудрым. Можно было как-то и партию перестроить. Она ведь очень управляема, организована. Серьёзные преобразования нужны в правоохранительных органах, вообще в силовых структурах. Экономика должна развиваться рука об руку с социальной сферой, здесь преемственность важна, нельзя ничего рубить сплеча.

– *Вы не считаете, что семьдесят лет советской власти были изначально безнадежным делом, как сейчас нам внушают?*

– Нет, нет. Это я не считаю. Не считаю, потому что, несмотря ни на что, было очень много хорошего. Очень много. Если даже взять литературу двадцатого века, все лучшие образцы этой литературы были созданы при коммунистическом режиме за семьдесят лет. Лучшие образцы целого века. В русской литературе, в литературе национальной всё лучшее за двадцатый век, повторяю, было создано при советском режиме, при советском строе. Все писатели, которые стали известны во всём мире, создавали-то свои произведения в это время. И тот же Распутин, и тот же Маршак, тот же Фадеев, тот же Шолохов. Да, им ставили рогатки, преграды чинили определённые партийные чиновники, но это пробивалось всё, и большая, великая литература становилась достоянием народа, даже достоянием всего мира. Как можно от этого отказаться-то? Никак не откажешься.

– *Как соотносятся мера вашей личной симпатии к происходящему сегодня и мера огорчения, которую вы, может быть, испытываете в связи с очевидным развалом страны?*

– Сейчас есть такие вещи, такие явления, с которыми я согласен. Например, я согласен с тем, что цензуры нет, и писатели могут писать и говорить то, что хотят. Им дали свободу. Это хорошо. Но печатать они этого не могут. Раньше печатало государство, печатало иногда даже то, что не нравилось каким-то партийным инстанциям. Журналы печатали, многое зависело от редактора. Потом, порой, появлялись разгромные статьи в партийной прессе. Но случалось и так, что раскритикованное, уничтоженное критикой произведение получало Государственную премию. Значит, проходило время и общественное мнение

побеждало. А сейчас если нет цензуры политической, то есть цензура рынка. Рынок определяет, печатать то или это, или вообще ничего не печатать. Издатель думает об одном – заработает он, напечатав писателя, или пролетит с этим изданием. А это мне не нравится.

– *Сейчас, по сути, писатель вынужден оплачивать свой талант. Сам пишет, сам издаёт на свои средства, сам реализует свои произведения...*

– А то, что он реализует, никому не нужно. Назанимает денег на тысячу экземпляров и раздаёт родственникам свои книжки. Но это другая тема – качества литературы и читательского к ней интереса. Я продолжу ответ на ваш вопрос. Что ещё сегодня положительного? Раньше человек личную инициативу не мог проявить ни в чём. Государство определяло, что нужно государству. Всё прочее было не нужно никому. Вспомним книгу Дудинцева «Не хлебом единым» об изобретателе Лопаткине. Её так осудили! Я выступал в защиту этой книги, хотя все были против неё, потому что партийные инстанции, выражавшие, так сказать, интересы государства, были против. Сейчас инициативный человек может добиться очень многого. Сегодня личной инициативе граждан преград нет, но то, что эта инициатива перешла во многом в руки преступного элемента, мне не нравится. Я считаю, что это всё не может продолжаться долго.

– *Как вы думаете, те, от кого наша жизнь зависит, мирятся с этим как с издержками переходного периода, но твёрдо знают, куда мы идём и где выйдем?*

– Тот, кто руководит государством, не знает, что будет впереди, вот и всё. Он знает то, чего сейчас, вот сегодня, хочет. Я не могу вообще считать, что президент серьёзно задумывается над тем, что будет. Я очень огорчаюсь тем, что разрушен Советский Союз. Считаю, что можно и нужно было внести очень многие изменения, не разрушая его. Но всё дело в том, что историческое преобразование попало в руки самых зяблых членов партии, которые руководили старой идеологией. Они не могли за пять минут перемениться. Ну, кто такой Кравчук, скажите, пожалуйста? Какой это президент? Во главе постсоветских государств стали самые активные члены партии, которые защищали коммунистическую идеологию и именно на этом сделали себе карьеру. Ну разве можно им верить?

– *А другой отряд, который многое сейчас определяет, типичным представителем которого является, скажем, Гайдар? Это не старые партфункционеры. Они пришли из другой социальной среды как будто бы. Может быть, с ними можно связать надежды на лучшее будущее России?*

– Нет. Видите, я не связываю. Эти люди, по-моему, очень оторваны от жизни, от действительности, от мужика, от рабочего. Это теоретики. Среди них много неглупых людей, тот же Шаталин, тот же Гайдар. Это люди неглупые, образованные, но они абсолютно не понимают, с кем имеют дело, с какой страной, с каким народом. Пока что всё идёт на полный развал. Где предел этого развала, я сказать не могу, потому что я не дипломат и не политик.

– *Позвольте, Сергей Владимирович, очень личный вопрос, почти интимный. Вы человек с международной известностью, но эта известность писателя и общественного деятеля Советского Союза. СССР больше нет. Есть повод для отчаяния, обид, претензий к кому-то. Сколько сограждан с гораздо меньшими для этого основаниями сегодня обиделись на весь белый свет! Ничего подобного за Сергеем Михалковым не замечено. С другой стороны, вы могли бы просто ни о чём не волноваться: почтенный возраст, столько сделано в жизни, такое красивое, уникальное продолжение в детях. Можно уже отойти в сторонку и*

глядеть с улыбкой на суету вокруг. А вы не просто в строю остаётесь, но продолжаете за что-то сражаться, что-то отстаивать. Такое редкое достоинство по нынешним временам – оставаться самим собой, оставаться на виду, на миру...

– Вы понимаете, у меня очень богатая родословная, очень древний род. Прадед был крупным деятелем русской культуры: библиотека в пятьдесят тысяч томов, одна из лучших в России, он её пожертвовал, завещал Академии наук, она там сейчас находится. Дед штаб-ротмистр кавалергардского полка Его Императорского Величества, правда, ушёл в отставку по состоянию здоровья. Имение было под Москвой хорошее, хорошее имение было в Рыбинске, до сих пор вспоминают там в газетах, пишут хорошие слова о предках о моих. Отец окончил Московский университет. Пришла революция, он пошёл служить советской власти. Почему? Он считал, раз в Россию пришла новая власть, я должен помогать этой новой России. И стал крупнейшим учёным в советское время. Когда умер, мать получила персональную пенсию, а столетие отца отмечали в Сельскохозяйственной академии в Москве – было официальное торжество.

Отец так рассуждал: раз так случилось с Россией, я буду помогать России, как могу. А не выступать против. Понимаете меня? Не идти в подпольные террористические группы, не заниматься контрреволюцией. Он считал, что свои способности, свой талант умного человека он должен отдать России. Это не значит, что он обожал коммунистов или большевиков. Нет, он решил делать дело для своего народа. Его первая книга «Что нужно знать крестьянину-птицеводу» и вторая «Почему в Америке куры хорошо несутся». Понимаете, он посвятил себя этому делу

Также и я. Ну, случилось это с Россией, вот это, что произошло в России сейчас. И я не пойду в какие-то подпольные группы, чтобы бороться с этим строем, который сегодня возник. Зачем? Я делаю своё дело, которое делал. Я пишу, я работаю. Пишу для детей, пишу басни, пьесы. И сын мой тоже, он выступает много, он имеет свою собственную точку зрения, но ни в каких движениях не находится, ни в каких партиях не состоит в современных, не выступает ни на каких политических митингах, на фук мне это надо! Он имеет свою точку зрения на Россию, на православие, он выступает с этой точкой зрения, но он сам выступает, от себя, как деятель культуры.

– *Сергей Владимирович, у вас нет ощущения, что те люди, от которых зависит сегодня судьба страны, вас и таких, как вы, как ваш сын, просто не слышат?*

– Я склонен думать, что они вообще не думают о будущем России, они думают о своём будущем. Вот и всё. Я не верю Чубайсу, я не верю очень многим, которые там сидят на больших постах, не верю, что они думают о России, что они думают о народе. Я просто им не верю. Они думают только о себе.

– *Но ведь за такие грехи и расплата должна быть.*

– Я полагаю, они часто думают о своём благополучном отступлении. Да, вот об этом они не могут не думать.

– *Сергей Владимирович, вы говорили о Восточном Казахстане, я родом оттуда, из Лениногорска. Где вы там обретались?*

– Я работал недалеко от Усть-Каменогорска. Есть такой город Зыряновск. Работал там в геологоразведочной экспедиции около года. Бывал на Зайсане. Жил в тех местах. В палатках жил. Мы там обследовали свинцовые руды, мне было

восемнадцать лет. Я там не был с тех пор, но всё помню, как было. Впечатление о тех краях осталось самое лучшее. Хотя было голодно. Наша группа, наша экспедиция там, чтоб не околеть, бывало, уворовывала какого-нибудь телёнка. Резали, кормились. Но, понимаете, это было самое лучшее время для меня. Как и война. Война для меня тоже была самое лучшее время. Очень много воспоминаний хороших. Всё на грани жизни и смерти, зато ценили каждую минуту жизни. Минута проходит, и ты говоришь себе: я жив! Войну я прошёл всю, от пятого дня и до конца сорок пятого года.

– Сейчас про войну разное говорят...

– Но это же всё делается с определёнными целями, я красивым словам не верю, а уж откровенной-то лжи зачем верить, её и слушать не стоит.

– *А как мужики-то ваши, как они чувствуют себя вот в этом времени, в этом пространстве, они вообще с вами, с отцом, или они уже достаточно ге-ниальны, чтобы не пользоваться вашей помощью, советом, поддержкой?*

– Скорей, я их помощью пользуюсь. Они ко мне очень внимательны, очень заботятся о моём здоровье, беспокоятся. Но они, конечно, работают, как мало кто работает, и минуты свободного времени нет ни у того, ни у другого. Один, старший, занимается только искусством, никакой общественной деятельности или политики не касается. А Никита занимается общественной деятельностью, не пропускает ничего, где он может быть полезен. И в то же время снимает картины и получает самые высокие премии за рубежом и у нас. Сейчас он получил орден Почётного Легиона первой степени, а второй степени у него уже был, за вклад в культуру. Он эксперт ЮНЕСКО по культуре... В общем, выше головы у него работы.

– *Никита, я знаю, служил в морях, где-то на Камчатке.*

– Да, да, и внук служил.

– *Степан? Его помнят морские пограничники в Находке. Сергей Владимирович, совершенно понятно, что вашему сыну и внуку вполне можно было обойтись без этого. Понятно, что вы их, говоря нынешним языком, не «отмазывали» от службы. Наоборот, существует легенда, будто вы хотели их видеть моряками и приложили руку к этому делу...*

– Никак, абсолютно. С Никитой решили расправиться завистники из партийных инстанций студии. И когда у него кончилась броня, ему было уже двадцать шесть – двадцать семь лет, его сняли с картины, которую он снимал, и по партийной линии там нажали, и его призвали. Я никому никуда не звонил. И пошли слухи, что Никита попал в плохую компанию и поэтому с ним так, значит, поступили. Ничего, никакой компании там не было, просто секретарь парткома Мосфильма был большой негодяй и решил так вот насолить человеку, который снимал картину. Он снимал картину «Свой среди чужих, чужой среди своих...» Они сняли его с картины.

Моя мать всегда говорила мне: «На службу не навязывайся, от службы не отказывайся». И я, когда меня направили на фронт, мог рассчитывать, что меня пошлют в центральную газету, у меня орден Ленина уже был. А послали в армейскую, даже не во фронтовую, а в армейскую. И я поехал. Это уж судьба так повернула, что по пути меня перехватили и послали во фронтовую. Вот так было. И когда Никита попал на флот, он был краснофлотцем и закончил службу старшиной первой статьи. Получил там ещё первый разряд по спорту. Вернулся, закончил картину, поехал с этой картиной в свою часть, показал. Служил он два

года. А внук – три. Командование уже знало, что отец был на флоте, послали его на флот в морские пограничники. Можно было ходить, ходатайствовать, всё можно было сделать. Но внук сказал: отец послужил, и я буду служить. Вот это гены. У меня многие предки были при царях военными, воеводами были.

– *Что для Никиты Сергеевича и Степана были эти годы? Потерянное время? Как они оценивают службу?*

– Нет, нет. Никита вообще говорит: «Это большая школа была для меня». И Степан был, в общем, доволен, тоже вернулся старшиной первой статьи. Вот как ни странно...

– *Спасибо вам, Сергей Владимирович, за разговор. Понимаю, что за это благодарить глупо, но большее спасибо и за то, что вы молодыми своими годами оказались связаны с моей родной землёй. Мне кажется, на родине моей, на Рудном Алтае, мало кто знает об этом замечательном факте. У меня там отец живой ещё, мать уже в земле, брат остался там. Но чувство такое, что родину украли. Из Восточного Казахстана много русских людей были вынуждены уехать.*

– Я считаю, это трагедия русского народа. Трагедия русского народа, потому что у меня такое ощущение, что власть имущие это не понимают. Потому что, опять я повторяю, у меня впечатление, они о народе не думают, они не думают о будущем России...

Анатолий ВЕРШИНСКИЙ

ОЗАРИЛАСЬ ДУША...

* * *

Годы проходят, а мы не стареем.
Просто остыл на висках
скупо раздаренный голым аллеям
уличный пепел и прах.

Просто обмёрзлые прутья сирени
в ясный полуденный час
гуще кладут осторожные тени,
строгие тени у глаз.

Годы проходят, а молодость наша
разве куда-то ушла?
Тесная комнатка – полная чаша,
терпкая чаша тепла.

Или заря не забрезжит в окошке,
если протянуты к ней
тонкие, будто листочки, ладошки
наших весенних детей?

Дети и отцы

На фото, цветастом, как фант,
моя семилетняя дочка.
И белый капроновый бант
над нею как нимб ангелочка.

За нею лебяжье крыло
гардины, кроёной из дымки.
И платице тоже бело
на тёплом любительском снимке...

Храните малюток своих
от стужи, огня и сиротства.
Душа невесома у них:
отпустишь – и в небо сорвётся.

Под бурями пуще пурги
нам легче в кренящемся мире:
недетские наши долги
нас держат, как тяжкие гири...

Звуки

По цинку подоконника постукивают капли
ночного запоздалого осеннего дождя.
И лиственные шорохи ли, дождика накрап ли
опять мешают спать мне, что-то важное твердя.

И рад бы побеседовать я с ночью разговорчивой,
ведь то, чего не высказал, нейдёт из головы,
но очень трудно следовать за речью неразборчивой
густеющего дождика, редющей листвы.

Так что же означают эти странные созвучия?
Природа откликается сознанию в ответ?
Иль в шуме, сходном с говором всего лишь волей случая,
ни смысла, ни значения, ни даже знака нет?

Себя венцом творения зовём, но тем не менее
над пропастью безумия удерживает нас
не опыт человечества, а наше неумение
припомнить миг рождения, представить смертный час.

Место

Без больничной канители,
без врачей и нянек,
дома, в собственной постели,
умер старый Янек.

Он ушёл, не просыпаясь,
утром, на рассвете,
безмятежно улыбаясь,
как малы'е дети.

Место выбрали под вишней...
Чередой длинной,
по традиции давнишней,
шли за домовиной.

За родней плелись к могиле
жалостно старухи.
— Жил покойный, — говорили, —
не обидел мухи.

Было это в полдень, в самый
зной, в июле месяце...
Вдруг раздался крик из ямы:
– То ест мо'е мейсце!

Глянула вдова в могилку —
развела руками:
Маню, местную бобылку,
увидала в яме.

– Совести, Марыся, нету?
Или неба мало?
Кто же знал, что вишню эту
ты облюбовала?!

Не пугайся, гнать не стану,
да и не под силу...
– Люди, выройте Ивану
новую могилу!

...Маня, по мирским понятиям,
человек хороший.
На часовенку с распятым
собирает гро'ши.

И у Господа покою
просит ежечасно.
И грозит вдове клюкою,
а за что — неясно...

Снова под июльской высью
вызревают вишни.
Но призвать к себе Марысю
не спешит Всевышний.

Небесные сёстры

Светлая — в чашечку
соку нальёт,
тёмная — чаю ли, кофе ли...
Делает близкими
долгий полёт
их незнакомые профили.

В блеске полуночных аэроламп,
тускло горящих над креслами,
тёмная видится женщиной-вамп...
с крепкими русскими чреслами.

Светлая – тонкая, станом – под стать
свечке в заутренней темени.
Явно ещё не успела познать
щедрого бабьего бремени.

...Спутница ночи с наперсницей дня,
столь непохоже прелестные, –
эти четыре часа – для меня
вы будто сёстры небесные.

Вижу: по вызовам чьим-то опять
мчаться проходами узкими,
вежливо пряча – чтоб нас не стеснять –
крылья под белыми блузками.

Каллас

Этим светом прагматичным
от Америки до Рима
леди с профилем античным
как никто боготворима.

Ей толпа рукоплескала
в «Ковен-Гарден» и «Ла Скала» –
первых операх Европы,
зарывающей окопы.

С той поры послевоенной
до немирного сегодня
этот голос во Вселенной –
будто мост над преисподней.

* * *

Лица поющих прекрасны,
если слова хороши,
если созвучья согласны
с тоном души.

В хоре церковном и светском,
в пении взрослом и детском –
в главном отличия нет:
властвует свет.

После муштры репетиций
будто парят в облаках
огненнокрылые птицы:
ноты в руках.

Послание

«О людях по богатству
судить вы не должны.
Какому быть тут братству,
где люди не равны,
где знатному пороки
прощают наперёд?»

Кто пишет эти строки?
Куда посланье шлёт?
Бумага и пергамент
правдивее легенд...
Не Томас Мор – в парламент,
не Робеспьер – в Конвент,
не Пушкин – в рудоносный
острожный край Сибирь.

Иван IV Грозный –
в Кириллов монастырь.

Зимняя рыбалка

– Из-за шашней Змея с Евою
нас лишили рая всех...
– Но Марией Приснодевою
был искуплен Евин грех.
– Непорочность Божьей матери
для плутовок не указ:
хоть и спит вулкан, а в кратере
жар подземный не угас.
– В тихом омуте заводится
кое-кто ядрёней жаб.
Далеко не Богородица
даже лучшая из баб!
– Так и вы отнюдь не голуби,
согласитесь, мужики, —
кое-кто сказал из проруби.
Протрезвели рыбаки.

Дар

Рисует распутные нравы
с таким сладострастьем печать,
что публика – срама от славы
не стала уже отличать.

О тех, кто с оглядкой на совесть
и в счастье живёт, и в беде,

скучна обывателю повесть:
читатель забыл о стыде.

В историях,
полных соблазна,
он ищет кумиров своих,
не ведая, сколь безобразна
природа создателей их.

Смакуют сюжеты о блуде
и чествуют скотскую прыть
ущербные, жалкие люди,
лишённые дара любить.

Клики

Как встарь, на годовщину свадьбы
иль день рождения созвать бы
друзей – успешных, полных жизни...
Да где друзья? В былой отчизне.
Они остались в прежнем веке,
как в замётённом вьюгой доме.
И нет в моей библиотеке
их новых книг. И нет в альбоме
портретов их. И просто – нет их,
рапсодов песен недопетых...
Я разолью вино в стаканы.
Я *кликну* в гости мир экранный.
И мир ответит безразличием
на этот клик,
не ставший кличем.

Блёстки

У прилизанных морем скал
близ обители соловецкой
я окатыш на память взял
по старинной привычке детской.

Был невзрачен морской голыш,
мал и сер, будтомышь-полёвка,
ну а мне приглянулся... Ишь
как улёгся в ладони ловко!

Днём косматились на ветру
тучи хмурого Беломорья.
Но прояснело ввечеру.
(Или просто глаза протёр я?)

И осколок прибрежных скал
в золотистых лучах заката
сотней звёздочек засверкал!
Чудесами земля богата.

Удивления не тая,
видел каждый, кто был при этом:
озарилась душа моя
на мгновенье небесным светом.

Пётр ПОМИНОВ

ТОЧКА АРХИМЕДА

*Счастлив тот, кто точку Архимеда
Умел найти в себе самом.*

Фёдор ТЮТЧЕВ

Бурное развитие так называемой цивилизации, посягающей уже на самого человека, как венца природы, и стремительная смена традиционных общественно-политических формаций, перманентно перекраивающих мир, привели к тому, что человек оказался только апологетом потребления всего и вся, без всякого разбора.

Оказавшись к тому же, как нас убеждают, еще и гражданином мира, человек стал утрачивать и традиционные ценности, на которых держалось его духовное самостояние. Как писал Достоевский в черновиках к роману «Подросток»: «Все врозь, даже дети – врозь». Не только национальная самоидентификация, но и семейно-родственная укоренённость приобрели отчётливый архаический оттенок, что, как следствие, ослабило родовую память и историзм мировосприятия. Хотя семья и родина традиционно были неотделимы в культуре и мировосприятии народа. Как гласит замечательная казахская пословица: «Отан отбасынан басталады» – «Родина начинается с семьи».

История в наше время преподносится преимущественно в виде красочных мультипликаций с самыми свободными трактовками и облегчённых сериалов, создаваемых по законам пустых как барабан американских вестернов и триллеров. Нужно признать, что мы прочно усвоили только один принцип Римской империи: «Хлеба и зрелищ!» Хотя известно, что Провидение будущего основано только на глубоком знании и осознании прошлого. Но тяжкий труд осознания себя в цепи времён, требующий предельного напряжения всех физических, интеллектуальных и духовных сил, оказывался зачастую неподъёмными веригами не только для общественного сознания, но и для современной исторической науки, так и оставшейся в интеллектуальном оцепенении перед руинами рухнувшей эпохи коммунистических утопий 20 века.

Тем ценнее попытки самостоятельных и оригинальных умов сдвинуть с насиженных мест геркулесовы глыбы непознанных пластов прошлого. Именно такой труд и взял на себя профессор математики Кайрат Закирьянов, много лет неустанно и бескорыстно разбирающий исторические завалы, накопившиеся за годы и десятилетия научно-исторической немоты и социально-политической конъюнктуры. В свойственной ему манере мышления, несокрушимой логике математика, без усилия сопрягающего явления и факты, разделённые даже не десятилетиями, а веками, ему удастся проникнуть своей мыслью в толщи тысячелетий. И помогает ему в этом память сердца, сохранившая трепетный пульс

родовых преданий. Поистине: «Отан үшін отқа түс, күймейсің. Арың үшін арпалас, өлмейсің» – «Ради Родины прыгнешь в огонь – не сгоришь. Ради совести будешь бороться – не умрёшь».

И, может быть, самое главное в том, что он работает, руководствуясь основным законом скульптуры – он лепит форму изнутри, постигая важнейшие, сущностные законы Бытия через внутреннюю логику исторического развития человечества, скрытую за мишурой дат, имён и фактов.

Ещё одна отличительная черта К.К. Закирьянова – ему совершенно чужды стереотипы мышления, которые, может быть, помогают жить и выживать, но, безусловно, мешают, ограничивая кругозор, движению вперёд. В итоге, как это ни парадоксально, настойчиво и последовательно отсекая тонны пустой исторической породы, он движется назад, всё глубже уходя в прошлое своего народа, а оказывается в неведомом для всех нас грядущем, которое только и способно прояснить, если не объяснить, наше смутное настоящее.

Взяв за точку отсчёта цивилизацию, в том числе тюркскую эпоху Чингисхана, Закирьянов, тем не менее, не ограничил себя строгими историческими рамками 12 века. Во-первых, эта эпоха оказывается в его трактовке созвучной самым злободневным проблемам современности, а, во-вторых, влечёт за собой постижение узловых этапов общемировой истории, уводя автора во времена протоцивилизации протонарода, а отсюда – к древнейшим мифологемам народов мира.

По существу, это попытка восстановления всей полноты и целостности исторического здания человечества, когда мир и язык были едины.

Как писал Ф. Бекон, ссылаясь на мудрость древних: кто поймёт до конца природу человека, тот рождён для власти. Поэтому и Чингисхан для К. Закирьянова – не вселенский тиран, а, прежде всего, величайший государственный, собравший, по словам одного из основателей евразийской школы П. Савицкого, колоссальные земли, при этом «не замутив чистоты национального творчества» и веры народов, объединённых под его началом, сохранив, таким образом, национальные святыни и – самое главное – защитив народы Евразии от католического Запада.

Несомненно, что ещё русская советская, да и мировая наука пытались приблизиться к объективному историческому осмыслению сложнейшей эпохи, связанной с личностью Чингисхана и оказавшей решающее влияние на ход всей последующей мировой истории, но железобетонные идеологические и политические мифы, господствовавшие в те времена, помешали осуществлению этой задачи.

В наше время, когда современный человек для достижения профессионального успеха вынужден ограничивать себя жёсткими, как теперь принято говорить, корпоративными рамками, просто поражает сам масштаб философско-исторических задач, не только предельно чётко заявленных, но и эффективно реализуемых учёным, уже состоявшимся как талантливый математик, оставивший след в мировой математической науке, доказав одну из классических теорем, и успев уже в наши дни принять самое активное участие в становлении образовательных и государственно-политических институтов современного Казахстана.

Думаю, можно констатировать, что наше время – это снова эпоха личности, принявшей на себя бремя истории, без упований на дискредитировавший себя

советской эпохой коллектив. Более того, оставшись без прошлого, мы драматически вынуждены осознавать себя даже не в истории, а в безликой Вечности. К. Закирьянову же удалось в себе самом найти ту духовную крепость, которая, не уводя от реальностей жизни, тем не менее, позволяет ему оставаться самим собой.

Вообще, нужно сказать, что время обнародованных архивных документов, пришедшее с 21 веком, не объяснило в итоге главного – причин трагедии, но, как азбука открывает путь к чтению, так и это время открыло человеку путь к самому себе. Это был первый этап пробуждения самосознания. Дальше уже каждый сам решал: кто он, с кем он и зачем он на этом свете?

Жажда документальных знаний утолялась долго и не утолена до сих пор, хотя ведь и сам подлинный документ ничего не гарантировал. Вернее, он требовал, как обязательного условия – хотя бы субъективной честности, искреннего стремления исследователя к истине. К сожалению, часто происходит по-другому. К примеру, крупнейший русский философ А. Зиновьев назвал знаменитый «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына – «грандиозной фальсификацией советской истории», где «каждый отдельный факт – это правда, а все они вместе – фальсификация». Факт, вырванный из реального исторического контекста и упавший на нетронутую, целинную душу целомудренного советского читателя, давал колоссальный разрушительный результат, который приводил к жесточайшей духовной эрозии – нравственно-историческому нигилизму и, как следствие – духовному бесплодию...

Таков один из разрушительных итогов посткоммунистической вакханалии.

Но время примитивно-грубой и конъюнктурной фактографии всё-таки уходит, и сейчас необходимо концептуальное и позитивное осмысление прошлого, способное вобрать в себя «океан жизни».

К. Закирьянов – по природе своей, по самой духовной организации – созидатель. В любой ипостаси: служебной деятельности, науке, общественно-политических инициативах.

Как писал В. Ключевский: «Закономерности исторических событий обратно пропорциональны духовности». Разрушительная эпоха, погубившая огромное количество судеб, стала моментом истины практически для каждого из нас. Мне кажется, такой точкой Архимеда для К. Закирьянова и стала огромная, прежде всего, духовная потребность самому разобраться в хитросплетениях отечественной и мировой истории, не полагаясь на помощь ни официальной и, разумеется, ангажированной науки, ни расхожих, околонучных стереотипов и домыслов, рассчитанных на дутые открытия и сенсации.

В наше суетливое, скороспелое время меня всегда поражала его олимпийская выдержка. Если воспользоваться жанровой терминологией, то можно сказать, что жанр его судьбы – это эпос: глубинная, часто невидимая внешне колоссальная работа ума и души.

В своё время И. Тургенев (кстати, потомок чингизидов) сравнивал эпическую жизнь народа с течением реки: если на поверхности играют пенистые волны, то в глубине, на самом дне – полный штиль, который, тем не менее, определяет и направляет русло реки.

Пока политики всех мастей имитацией бурной деятельности отчаянно вспенивают гладь реки жизни, серьёзные умы постигают её глубинные

закономерности, руководствуясь не сиюминутной выгодой, а тяжёлым трудом, уже прямо «пропорциональным духовности».

И чтобы обрести в себе, говоря словами почитаемого К. Закирьяновым поэта, философа и дипломата Фёдора Тютчева – точку Архимеда, которая позволит перевернуть глыбу стереотипных представлений о жизни, он никогда не отвергал ни один из путей, обозначенных мудрым Конфуцием: «Три пути у человека, чтобы разумно поступать: первый, самый благородный – размышлять, второй, самый лёгкий – подражать, третий, самый горький – опыт».

В этой триаде, на мой взгляд, заключён ключ к постижению духовного и интеллектуального мира самого К. Закирьянова: оригинальный и самостоятельный ум, уважение к традиционным ценностям, проверенным веками, а также способность и даже мужество, говоря словами Достоевского, «додумывать мысль до конца», не останавливаясь перед возможными тяжёлыми её последствиями и трагическими картинами действительной истории человечества.

Казалось бы, трудно найти менее подходящее и более неблагоприятное, чем сейчас, время для фундаментальной работы. Но, как заповедовал себе и нам Л. Толстой: «Неси свой крест и веруй». Эта святая вера в необходимость возрождения (ещё раз вспомним Достоевского, которого Ш. Валиханов называл братом) национального и просто человеческого «самоуважения» и побуждает Кайрата Закирьянова с аввакумовской страстью служить этой идее, способной стать так необходимой всем нам объединяющей силой.

Параметры его работы вышли далеко за пределы проблем национально-исторического характера и эпохи Чингисхана, обретя контуры вопросов общечеловеческого масштаба, что позволяет надеяться, что впереди читателя ждёт ещё не одно смелое открытие или парадоксальная гипотеза.

Эльвира КОЧЕТКОВА

«НЕ СПИ, КАЗАК...»

«Как хорошо, что ты приехала. Спасибо тебе», – она прижалась ко мне, худенькая, не похожая на себя прежнюю, цветущую. Её огромные серые глаза умной красивой женщины полны запредельной грусти, предощущения неминуемого расставания, всё заслоняющей доброты и благодарности за неожиданное моё вторжение в её новую, так резко изменившуюся жизнь. Она напоминает сухонький стебелёк у дороги, почти вырванный, лишь парой тоненьких корешков не отпускающий тверди. Стебелёк ждёт, когда порыв шального осеннего ветра сделает своё дело... Но она любит. Этот мир, людей, близких и чужих. Эту землю, где всю жизнь работала учителем. Читает молитвы. За себя, за нас, перешёптывая наши имена.

Она завела меня на свой огород и показала пушистые кряжистые кедры. В тени виноградника за столиком мы обнаружили троицу: муж Николай Тихонович и двое его приятелей резались в карты – лечили души от личных и общероссийских бед.

– А вы чья такая будете? – спросил с улыбкой один из мужичков, явно местный, но не узнаваемый мной.

– Кочеткова Василия... дочь.

– А-а-а, дак я тебя вот такую знаю, – отмерил он от земли с полметра.

Это были свои. Родные. Потому что на острове родные все. Теперь особенно. После того, как горожане саранчой въелись в берега островных бухт. Чуть солнце пригреет, они здесь – машины, мангалы, палатки, а к вечеру – новые горы мусора...

– Вот тут у нас картошка, вот тут петрушка... Нарви себе. Сколько хочешь.

Срываю несколько крепеньких пахучих стебельков. Я не знаю, сколько хочу. Скорее всего, не хочу нисколько. Как-то не думается о петрушке. Думается о ней, о её муже, семье, дружно вставших плечом к плечу, душа к душе на защиту её перед Господом. Я тоже люблю эту женщину – Людмилу Алексеевну Ворожбееву (Власову), моего учителя по химии, когда-то недолго нашу соседку в доме для учителей.

С её сыном Алёшей мы разводили в квартирах пауков. В «Науке и жизни» я вычитала, как защититься от мух. Надо было сделать круглый проволочный каркас, закрепить сверху каркаса конусообразный бумажный домик, повесить сооружение в проёме открытой форточки и посадить на него паука. Всё, кроме последнего, давалось легко. На охоту за пауками ходили вместе. Алёша поддерживал морально, а я, будучи на пару лет старше, надевала кожаные отцовские перчатки и брезгливо сдёргивала с паутины страшного чёрного зверя. Этот ужас приносился домой и вил паутины, где угодно, только не там, где было нужно. А потом они снились: огромные чёрные пауки, которых я не могу забыть. Ещё мы прокладывали с Алёшей сигнализацию между нашими квартирами и

придумывали что-то вроде азбуки Морзе, гоняли на велосипедах, играли в настольный теннис во дворе у школы. С тех пор я запомнила: мальчишки – отличные друзья, не хлюпающие носами, умеющие хранить тайны.

– А вот тут у нас огурцы, – Людмила Алексеевна подвела меня к сетке, обвитой шершавыми завитками в желтеющих листьях. В листьях прятались огурчики, молоденькие, колючие. Мы набрали полный пакет, и она стала перекладывать мне урожай.

– Возьми, возьми, – она старалась насыпать побольше, а я подумала: называется, освободила рюкзак, отдала журналы... В её квартире, где часом раньше мы пили чай и смотрели фотографии, рюкзак наполнился творожными лепёшками, теперь вот – огурцами, петрушкой и, только дай волю, мог бы наполниться ещё Бог знает чем. Не пропаду я на острове. Точно не пропаду. Даже без копейки денег, без собственной крыши над головой.

Я делаю вид, что хочу сфотографировать кедры, но мне нужна она. Прошу её встать рядом с деревьями, говорю что-то, от чего она должна улыбнуться. Но у неё не получается.

Так и проводила меня взглядом широко распахнутых почти не моргающих глаз.

– Поправляйтесь, пожалуйста! Я вас очень люблю! – кричу я, отступив на шаг, машу рукой и решительно отрываюсь от места прощания, набираю скорость вверх по дорогой мне улице «Зелёной».

Обветшалый дом офицеров, зарастающий при нём сквер, чуть ниже – казарма без окон и, наконец, Наташка Сумарева из детства – всё объято моей любовью. Наташке без малого пятьдесят. Она – продавец в магазинчике у дороги, сегодня у неё день рождения.

– Ну-ка давай, я тебя сфотографирую.

Серьёзная Наташка в синем фартуке вытягивается, как на параде, перед полками с печеньем, чипсами и конфетами.

– Да нет же, представь, что ты не выучила историю, а тебя вызвали к доске, – Наташка улыбается, как провинившаяся пионерка, и я ловлю эту улыбку, обещающая на прощанье написать что-нибудь про неё.

Начинается дождик. Тёплый, августовский. Оттого, что пасмурно, горожане остались в городе. Большинство. Поэтому остров похож на прежний, до открытия моста.

У здания бывшего гарнизонного штаба торчит на столбе переговорная телефонная будка. Телефона нет и проводов тоже. Только будка. Но я вижу, как отутюженный матросик с якорьками на лентах крутит диск аппарата и набирает номер. А потом шепчет в трубку... Мой мир подобных ассоциаций на острове почти бесконечен. Стоит сделать шаг – и прошлое возвращается. Как параллельный мир, открывающийся только мне, потому что я знаю тайные знаки. Особенно, когда иду одна.

На каменной лестнице за зданием пляшут ступеньки. Вкривь и вкось, где-то через одну. Я прохожу решительно и расслабляюсь, заносю ногу над последним плоским камнем. Нога скользит, и я падаю на спину, успев подставить ладони. Ладоням больно от удара о землю, а позвоночнику от резкого толчка. Поднявшись, соображаю: рюкзак за спиной только что меня спас! Наполненный доверху огурцами и лепёшками, он предупредил удар головой о камни. Надо было купить накануне этот рюкзак! А ещё подумала: хороший скелет достался мне

от родителей. Крепкий. И всё-таки, может, я иду куда-то не туда?.. Может, мне нужно сесть в этом месте на автобус и уехать обратно в город?

Запускаю ноющие ладони в ручей у дороги, прозрачный, суетливый, такой знакомый. Течёт полвека минимум, а журчит всё ту же песню. Когда-то я пыталась его обогнать. Убегала далеко от родителей, а потом возвращалась, ныряла в просвет между папой и мамой, окунала ладошки в их большие тёплые руки.

Не обнаружив царапин, оглядываюсь. Впереди – почта, слева – весёленькое, отделанное по-современному в красно-жёлтую облицовку здание. Это снаружи. Внутри – настоящий каземат с камерами для допросов, пыток и расстрелов в двадцатых-тридцатых годах. Позже здание стало конюшней, а потом жилым домом. Помнится, там жила подруга моей мамы – Александра Егоровна Корсакова. Сейчас на втором этаже осталось несколько обитаемых помещений. Вдоль серого каменного коридора теснятся старые ящики для картошки. Наверху под потолком на выступающей балке каким-то чудом жив лист потемневшей фанеры со странной надписью «НА ЯЩИКАХ НЕ ПИТЬ». Объявление не определяемых времён кричит в темноту и затхлость, в пустые дверные проёмы, через которые видны груды автомобильных покрышек, сломанных стульев, кроватей и старых алюминиевых кастрюль. Казалось, пространство дома состоит из скрежета дверных засовов, выстрелов, детских голосов, смеха, конского ржания и пьяного ора одновременно. Но несущимся к морю джипам здесь останавливаться ни к чему. Действительно, зачем? А мне можно постоять. Но дальше я пойду осторожней.

Вот тут жил в ссылке Корнилов. Да-да, тот самый Лавр Георгиевич, которого не забудет российская история.

– Ой, Надя, привет! – восклицаю я, неслышно завернув по коридору к её маленькому кабинету. Почему не слышно? Сама не знаю. На всякий случай. Мне ведь никто не нужен, кроме Нади. Надежды Ивановны Комлевой (Ерёминой), выпускницы моей школы, моей пионервожатой, ныне специалиста отдела по работе с населением, а когда-то секретаря исполкома острова Русский, размещавшегося в этом здании. Надя улыбается, и мы говорим «за жизнь», в которой у нас общее пионерское детство. Пока говорим, появляется Вячеслав Иванович Трепалин, последний действующий начальник гарнизона острова Русский, недавний начальник отдела по работе с населением, в процессе властной «делёжки» смещённый с должности, человек, с которым мы давече строили планы Дней славянской письменности и культуры на острове. Вячеслав Иванович тоже улыбается:

– Спонсора нашёл. Для пушки нашей. Предприниматель такой-то...

– А кстати, какого года пушка-то? – интересуюсь я. – Табличка-то на ней поистерлась.

Надя поворачивается в пол-оборота к шкафу за спиной, протягивает руку и достаёт с полочки папку. Бумажка к бумажке, целая стопка, попробуй отыщи. Но Надя находит почти мгновенно: 153-х миллиметровое орудие установлено в 1956 году в честь воинов-артиллеристов Тихоокеанского флота, погибших в борьбе с японскими милитаристами. Автор композиции С.И. Гольдшмидт. Я в восторге. Вот где кладовая памяти!

– А что Дом офицеров? Ведь совсем обветшал.

– Там бы крышу починить – тогда спасён. Остальное можно подлатать.

Держится пока за счёт магазинов в нём. Не охраняется, – поясняет Надя, – столько писем уже написали городским властям и Пушкарёву лично показывали здание...

Мне нравятся эти люди. Сидела бы с ними да сидела. Но сама себе нагородила столько планов на острове, что вряд ли справлюсь сегодня. Оставляю Наде последний номер «Сихотэ-Алиня», прощаюсь и убегаю. А мысли на ту же тему длятся. Островитяне – люди патриотичные. Привыкли держать оборону и быть начеку за несколько десятилетий жизни военного гарнизона на острове. Всё подмечают, обо всём расскажут при встрече за чаем или чаркой и точнёхонько назовут всё своими именами – не уйти творцам истории от ответственности. Встретила на днях друзей-товарищей. Разговорились об огороженных колючей проволокой берегах, вкопанных невесть кем столбах, воротах, шлагбаумах, перегруженных дорогах и пляжах.

– А власти острова? Им что, наплевать на остров?

– И на остров, и на русскоостровских людей... Был поселковый совет, был гарнизон – власть, которая думала о Русском и островитянах. Теперь за нами поставлена приглядывать от имени городского начальства госпожа то ли Ким, то ли Пак. Это у неё новогодняя ёлка упала на главной площади Владивостока, теперь ей ёлок не доверяют, а доверили остров.

– А краеведы? Нелли Мизь?

Друзья переглянулись. Оказывается, чтобы сохранить капонир в районе бухты, названной в народе Американкой, пришлось подписать документ, разрешающий строительство в охранной зоне исторического объекта двух-трёх туристических домиков, для сбора, так сказать, средств. Теперь там столько домиков понастроено! Капонир среди них как-то незаметен. И это не единственная грустная история, услышанная от местных ...

Пока пересекаю стадион, ко мне в серой вышине неминуемо и быстро приближается гул, похожий на звук летящего бомбардировщика. Я могу вернуться к Наде, могу добежать до крытой автобусной остановки рядом с моей школой, могу нырнуть в лес. Но я не делаю ничего, просто иду в лёгком летнем дожде, точно зная, что сейчас с неба обрушится лавина. И она рушится. Через минуту становлюсь мокрой под зонтиком, как в детстве, как лес и трава. Грохочет раскатыстый, во всё небо, гром, и сверкают ломаные, слегка фиолетовые молнии. Иду по дороге мимо любимых яблонь на берегу, прикрывших оставленный туристами мусор, мимо крутой многоярусной лестницы к родительскому дому. Возможно, иду к друзьям, до которых часа полтора ходу, возможно, на кладбище... Или к Саше из-под Хабаровска, уже с неделю живущему где-то в палатке у Подножья. Дорога – одна. Она кипит белой пеной и переливается жёлтыми мутными потоками, сильными и живыми, вызывающими желание сбросить промокшие кроссовки и пошлёпать босиком.

Красный джип опережает меня, берёт вправо, преграждая путь.

– Садитесь, – не глядя в мою сторону, говорит симпатичный, средних лет водитель, – только зонтик опустите на пол.

Улыбаюсь: я сейчас – большая, неизбежно стекающая лужа.

Лобовое стекло машины упирается в тяжёлый дрожащий поток, напряжённые дворники старательно делают своё дело. Мы трясёмся на дороге в ямах, полных пупырчатой воды.

– Мне вот здесь.

Водитель тормозит у морского вокзала на Подножье и, не взяв с меня денег, уносится в беспросветность. Я выпадаю в осадок у дороги и направляюсь к лестнице, ведущей к домам на сопке. Там живут друзья. Лестница напоминает каскады маленьких мутно-серых водопадиков. Идти по ним глупо, но я иду, потому что выше эти водопадики становятся сильнее и привлекательней. Достāju фотоаппарат, прикрывая его зонтиком. Пока фотографирую, дождь прекращается. Выкатывает яркое солнце, на море появляется резкая граница серого и жёлтого. Природа играет красками, и я ей верю. Верю этому быстрому росчерку пастели и акварелей, разворачиваюсь в сторону кладбища, иду купаться и сохнуть на свой любимый берег. Саша где-то вблизи. Но где точно, я не знаю. Мобильник равнодушно сообщил: абонент временно не доступен. Наверное, вычерпывает дождь из палатки, решила я и двинулась через кладбище.

Склон, заросший полынью. Густой, волнующе родной запах омытой ливнем земли и предосенней, ещё живой и сочной зелени. Узкая, почти невидимая тропа на крутояре и – море внизу. Несколько нетерпеливых шагов – я снова лечу, подставляя руки. Опять приземляюсь удачно – только рыжая глина на ладонях да мгновенная мысль о спотыкающемся коне...

Солнце вновь за тучами, а ветер расплескал море, но мне нравится купаться в этой тёплой беспокойной воде, которая вот-вот начнёт остывать, потому что август кончается.

Накупавшись и надев мокрую одежду, бреду к автобусу, намереваясь поскорее уехать в город. Но телефонный звонок Саши с ходу меняет планы.

– Эльвира Васильевна, я в зелёной палатке на берегу, вблизи старого пирса. Буду рад вас видеть.

Старый пирс рядом, вполне можно завернуть. К тому же для Саши, на случай встречи, я прихватила пару журналов.

Нас разделяют метров триста узкой прибрежной полосы местами, песчаной, местами каменистой с навалами подсохшей морской травы. Видя его в глубине излучки, быстро надевающего чёрные спортивные брюки и светлую рубашку, иду медленно, оглядывая заросли шиповника с большими красными ягодами, и размышляю о том, что направляюсь к человеку, которого почти не знаю. По телефону Саша сказал, что хочет меня видеть, и я подумала, что ему опять плохо.

Встретившись впервые у креста на полуострове Бабкина, общаясь потом два года по телефону, сейчас мы оказались не в равных условиях. Книжки и журналы, которые он, как мне показалось, с радостью купил в городе, рассказали ему обо мне. Но передо мной он не открылся, только признался, что Русский остров лечит ему душу. Отчего лечит – осталось загадкой. «Обратите меня в свою веру», – произнёс он с улыбкой, неслышно появившись у креста из низкорослых зарослей на вершине сопки. Его интерес к книгам о Днях славянской письменности и культуры, к поэзии заставили предположить в нём человека читающего, не лишённого литературного вкуса, тяготеющего к духовному общению.

Он стоял и смотрел, как я приближаюсь, стоял у скалы, за которой я купалась пятнадцать минут назад в нескольких метрах от него. Обойти скалу можно только по воде. Скала – граница, защищавшая моё одиночество. На ней любит сидеть баклан. Чёрный, совсем непугливый. Саша тоже его приметил.

– Здравствуйте, Эльвира Васильевна!

– Привет.

При встречах и телефонных разговорах он почему-то переходил на «Вы», хотя эсэмэсил на «ты». Я, не понимая, чего он хочет, тоже чередовала то и другое.

– Вот так я здесь живу, – Саша приподнял полог китайской палатки болотно-маскировочной раскраски. На лежаке, сооружённом из куска белого пенопласта, серело одеяло, давно потерявшее первоначальный цвет. На одеяле у входа лежал топор.

Низкорослые кусты шиповника и акации рядом с палаткой украшали несколько пар мокрых чёрных носков, заставивших улыбнуться и вспомнить новогоднюю ёлку. На камнях возле залитого дождём кострища стояла закопчённая металлическая кружка.

Саша мгновенно соорудил из доски сиденье, накрыв её белым полотенцем и положив на взгорок.

– Садитесь, Эльвира Васильевна. Эх, жаль, дрова мокрые. Я бы чаем напоил.

Я присела. Хозяин очага суетился. Оказывался то слева, то справа, то прямо передо мной, то возле палатки.

– Хочешь лепёшек? Творожных. Я пока по острову шла, мой рюкзак переполнился.

– Это как? – изумился Саша.

– Да так. Люди кругом добрые. Ты им даёшь, а они тебе дают ещё больше.

– А-а-а, понятно. Да нет, не хочу. Думаешь, я голодный? Да у меня тут... – он побежал к палатке, достал белый упаковочный мешок и стал вынимать из него консервы. – Будешь?

– Нет, я хочу съесть лепёшки, чтобы мой рюкзак стал легче. Помогите.

Саша улыбнулся и взял лепёшку. Я тоже взяла, положив чуть полегчавший пакет на кирпич у кострища.

– А это ты съешь потом, когда я уйду.

– А чай?

– Да попьём холодный. Давай.

– Ой, сейчас сахар принесу. Тебе сколько?

Через минуту я держала кружку с холодным, но очень ароматным чаем из шиповника и пыталась растворить в ней кусочек сахара. Сахар растворялся плохо.

– Давай, я тебе помогу, помешаю.

Я засмеялась.

– Да справлюсь. Ты лучше расскажи, как живёшь? Что делаешь? Неужели целыми днями смотришь на море? Наверное, любовью к миру проникся.

Саша не ответил, прыгнул к палатке и стал копошиться в вещах, повернувшись ко мне спиной. Достал телефон и показал мою фотографию, сделанную им два года назад.

– Я сейчас тебя ещё сфотографирую.

– Да, зачем тебе плохие фото? Хочешь, пришлю нормальные?

Интернет есть?

– Нет.

– Давай, я тебя на свой фотоаппарат сниму.

Саша опять отвернулся.

– Меня не надо...

– Странный ты. Похож на беглого каторжника. Ну ладно. Я тут тебе немножко

журналов принесла. Если хочешь. Про Русский остров. Ты ведь всё время интересуешься островом, – я раскрыла «Сихотэ-Алинь» на странице, где крупными буквами было написано: «Самый русский остров».

– Да-да, я возьму. Сколько стоит?

Саша взял два журнала и протянул деньги.

– Спасибо, теперь будет занятие. Я тут курить бросил. Уже неделю не курю. А то грудь болит.

Его некрупное лицо с довольно правильными чертами, небольшим прямым носом, серыми, чуть голубоватыми глазами было одухотворено. На щеках отросла небольшая серая щетина, улыбка оголяла крупные желтоватые, не очень ровные зубы. Короткие тёмно-русые волосы отливали лёгкой рыжиной. Ладони белели и казались мягкими, недлинные пальцы и ногти на руках были аккуратны. Чуть выше меня ростом, суховатый, но крепкий, Саша никак не сливался в единый образ, был неуловим, нечитаем.

Я поднялась. Он заторопился, подошёл.

– Ну вот, тебя увидел и можно... помирать, – сказал он, приблизившись к моему лицу. От этого стал ещё непонятней.

– Что случилось-то?

Ответа, как всегда, не было.

Море плескалось и шумело. Меня эти звуки обычно располагают к размышлению или медитации, а ещё под них здорово спится.

– Ты тут, наверно, спишь целыми днями?

– Совсем не сплю... Почему – не знаю. Под утро чутко присыпаю.

– Ну, странный ты... А я недавно в вашем Хабаровске была. Ходила в очень красивый храм – Серафима Саровского. Только ещё подходишь к нему, а уже чувствуешь благодать. Место удивительное, с прудами, парком...

Саша отвернул лицо в сторону. И вдруг, не глядя мне в глаза, выпалил:

– Терпеть не могу это ваше православие! Самая гадкая религия. Эти попики кадилами машут. Тьфу!

Я подняла на него удивлённые глаза.

– Да-да, что думаешь, если я к вашему кресту пришёл, значит – православный?

– Саша, ты стоишь на русской православной земле...

– Какая она, на хрен, русская! Поназывали тут... Жил же здесь кто-то. Это всё жидовизм русский. А в Чечне что понаделали! Мне эта страна всю жизнь испоганила.

– А мне всё дала. Может, всё-таки не жидовизм, а смелость повела русских людей через всю Россию на Восток и позволила не сгинуть по дороге? Жили-были люди, конечно. Охотились, рыбу ловили. Но лес раскорчевать, землю хлебушком засадить выпало другим. Легко ли? Глубины промерить, карты начертить, флот создать, дороги проложить, город построить, много городов, – дело не одного поколения. И ведь постоять за всё пришлось не раз, начиная ещё с Крымской войны... Первый предприниматель Владивостока – Семёнов. Ты отдыхаешь на земле, где похоронены мои родители, дед, бабушка. Они эту землю осваивали, были врачами, учителями, поварами... В бой за неё шли. Отец мой – фронтовик, вернулся с фронта калекой и от раны умер раньше времени. Это он тебе жизнь испоганил?..

– А у тебя имя не русское. Оно еврейское. Ты и похожа на еврейку, – сказал Саша с некоторой надеждой в голосе.

– Это случайное анатомическое сходство. Отец мой – Василий. Имя моё – просто красивое созвучие, приглянувшееся родителям. Им хотелось запустить своё дитя в красивое будущее, интернациональное, где не раскрашивают за имя и цвет глаз. Я самый что ни есть русский человек, родившийся на этой земле, выросший на русской культуре, и уважаю православные традиции моих предков. Что, между прочим, не мешает мне уважать другие веры, другие культуры, дружить, жить, работать с людьми какой угодно национальности... Откуда в тебе столько агрессии? А сколько православных голов разбито о стены Новодевичьего, сколько христиан заживо сожжено и чужими, и «своими», сколько куполов слетело на землю под большевиками, например? Да, история кровава. От человеческой жадности и глупости. Только эта жадность и глупость со всеми разрезами глаз, причём политиков. А народы могут жить мирно. Да вот экстремизм... Понимаешь? И он не с русским лицом. Но ни одна мировая религия не учит злобе. Историю – разную, всякую – надо знать не для того, чтобы старые счёты сводить и кому-то новые предъявлять. У неё учиться надо... Тебя же пустили на эту землю – живёшь, любишься, никто тебя не трогает.

– Почему во Владивостоке нет до сих пор ни одной мечети?! – Саша произнёс это на выдохе, сузив до щёлок глаза.

– Построят скоро, наверно. Кто же против? Я точно не против.

Передо мной стоял маленький злой человечек. Казалось, он перестал дышать, слышать и закипал какой-то неостановимой слепой злобой. Надо же, как таился, подумала я. Остров изучал. Иноверцев ненавистных изучал. Знает расположение всех крестов, святых источников, монастыря... Что в этой обезумевшей голове? Террористический акт? Или просто ненависть ко всем непохожим – думающим, живущим и верящим по-своему? Кто он – враг, планирующий реальные действия, или банальный неудачник? А, может, он вовсе не из Хабаровска? А, может, вовсе не Саша?..

Представляю, какая бомба для него мой журнал со статьёй. Ещё бы – спать с такими мыслями на русской земле! Не даст она ему спать, земля эта. Это кладбище, где сейчас в обнимку лежат Хасановы, Мухамедовы, Ковальские, Колесниковы, Вахтели... Я их всех помню, как они дружили друг с другом, с моими родными дружили... Всё, чем они могли дорожить и гордиться, моё поколение унаследовало от них. В аспирантуре Московского университета имени М.И. Ломоносова я жила в одной комнате общежития с Зорган из Грозного, с Ферузой из Казани и с Мариной из Саранска. Разные, мы чувствовали себя одним целым, и в страшном сне никому из нас не могло привидеться время, которое настало сейчас...

Мир, раскрашенный пару часов назад Создателем, был в считанные минуты перекрашен странным человеком и развалился на «наших» и «ваших». Уже не слыша моих слов, человек, только что стоявший близко, вдруг отшатнулся от меня, словно от прокажённой, и не сказал – прошипел с откровенной угрозой:

– Вот подожди, придут ещё сюда поколения...

Я дёрнула на плечо рюкзак, развернулась и молча пошла прочь.

– Спасибо за журналы, – тихо сказал он вслед.

Я не знаю, зачем сказал. Только чувствовала – ему плохо.

...На мокром песке оставались мои следы, неспешные, в размер пушкинской строфы: *«Не сти, казак: во тьме ночной/ Чеченец ходит за рекой...»* Что же делать-то мне, дорогой Александр Сергеевич, в двадцать первом веке? Нет у

меня ни оружия, ни власти. Нет ничего, кроме любви к этой земле, которую предали чиновники, разделили коммерсанты и присматривает мстительный до дикости чужеземец.

Жёлтый микроавтобус прыгал на ямах, мчал к асфальтовой дороге.

Неожиданно мы догнали колонну военных. Давно я не видела марш-броска на земле Русского острова!

Молодые сильные ребята-спецназовцы бежали по обочине, растянувшись метров на двести. Автоматы и подсумки жёстко били по бокам и спинам, по мокрым от пота тельняшкам. Я с надеждой глянула им вослед: «Держитесь, ребята!»

По дороге постепенно сошли все пассажиры. Автобус, переехав мост с острова в город, высадил меня на окраине Владивостока и рванул в парк. И все другие автобусы почему-то тоже рванули в парк. Разворачивались, не доезжая моей остановки, спешили мимо, сновали, как муравьи перед закатом. К девяти вечера водилы-коммерсанты, взяв дневную выручку, плевать хотели на то, что я устала, а завтра должна вовремя встать.

Я начала жевать хрустящий скрюченный огурец, безнадежно уставившись в темнеющий у остановки лес.

И всё же один автобус в этом городе был для меня. Лысый дедок в очёчках, подхватив троих припозднившихся пассажиров, добросовестно и добровольно вёз нас в центр, ругая напропалую этот несчастный город «не для людей».

– При коммунистах-то мой последний рейс с Нейбута в двадцать три пятьдесят отправлялся, тютелька в тютельку и не минутой раньше, – кряхтел дед, крутя головой в зеркала, – уехал бы давно из этого города. Точно уехал. Да нет у меня никого и нигде. Перемёрли все.

Дома, освободившись от рюкзака, сажусь в кресло перед компьютером. В голове кедры, ливень, море и человеческие лица. Добрые, злые, равнодушные. Добрых больше. По привычке открываю окно Интернет-проекта «Россия-10», выбирающего народным голосованием «жемчужину России», и добавляю несколько своих голосов Коломенскому кремлю, отстающему тысяч на двести от мечети Кадырова. В этот момент не верю глазам: чеченская цифра подскакивает... на три миллиона!

Николай ТАРАСОВ

С ТОБОЮ ЗАОДНО

Пантократор

Самолёты не падали в Советском Союзе,
И с путей не сваливались поезда,
А запущенный спутник
В космической лузе
На орбите оказывался
Почти всегда.

О рыбацком сейнере,
О большом сухогрузе,
Не говоря уж
О противолодочном корабле, –
Кто-то очень заботился
В Советском Союзе,
Чтоб в порядке всё было
В море и на земле.

Каждый кролик о шапке
Мечтал чтобы норковой,
И про светлое будущее
Были в курсе все...
Чтоб любили в парках
Имени Горького
Кататься семьями
На чёртовом колесе.

Пожилых людей
Не лишали иллюзий:
Мол, житуха загробная
Не для всех, кто здесь жил...
Одинаково было в Советском Союзе:
Тем, кого сторожили,
Тем, кто их сторожил.

Кто же всё же следил
За настроением хорошим?

Вопреки непогоде,
Чтоб «толстел» урожай,
Чтоб надое росли,
Чтоб озимым, проросшим,
Не грозил ни мороз,
Ни потоп, ни пожар?

Скромный малый.
Не деятель никакой, не оратор –
Остановит цунами! Запустит винты!
Вездесущий, всевидящий,
Как Пантократор,
Называемый *цензором*
Для простоты.

Словно ангел,
Вычёркивал он катастрофы.
И терялись в безвестье
Погибших следы,
Оставались бесславными
Чьи-то голгофы...
Но страну не спасли
Даже эти труды.

И теперь мы горим,
С неба падаем, тонем...
Всё туманней дорога
И призрачней дом,
Что становится просто
Укрытьем картонным...
И взрываемся,
Будто долги отдаём.

* * *

Скорый поезд резво скачет,
Заливается гудком.
И навряд ли что-то значит
Тень ли, лучик...
Всё – мельком.

То ли здесь земля полегче,
То ли карта так легла...
Лишь берёзок тают свечи
В белой прорези стекла.

Не загадывай на случай.
Всё придёт само собой.

Вместе с этой тёмной тучей,
Вместе с далью голубой.

И листвы истают пламя,
Там, где рельс, как нерв, дрожит.
Где-то здесь, под Буюкклами
Тая Немова лежит.

* * *

Облако месяц сутулый полощет –
Каждая складка видна.
В полночь приснилось
Берёзовой роще,
Будто выходит она
В поле из леса, простор обретая,
Жарко и молодо ей.
Будто по лугу она, молодая,
Мчится, не чуя корней.
И выбегает на берег высокий,
И замирает на миг,
И проступает сквозь стебли
Осоки
Светло-берёзовый лик.

Низко стволы наклоняя к водице,
Косы роняя ветвей,
Роща в текучую воду глядится,
Сладко и счастливо ей...
Нет ей обиды в упреках напрасных
Леса,
что слишком бела.
Знает она, как светла и прекрасна
Каждым полётом ствола.
Только вот как бы сносить ей упрёки,
Если б не этот побег,
Если б не снился ей берег высокий,
Где простояла бы век...

* * *

Как дальше быть, с кем дальше плыть –
Не стоит и гадать.
С волками жить – по-волчьи выть,
С цветами – лепетать.

Ты рассмеёшься, – словно вдруг
Рассыплешь лепестки.

И расцветает всё вокруг
Совсем не по-людски.

Ты промолчишь – и нечем крыть,
Хоть был ответ готов.
С цветами надо говорить
На языке цветов.

Закручен в небо вьюги вой.
Но даже сквозь него
Я различаю лепет твой,
И – счастлив оттого.

* * *

*Анатолию Киму
и его Элеоноре*

Глаз сияющих галактика,
Млечный путь прикосновений...
Как показывает практика,
Ничего благословенней
В мире не было, и нет.

Лепет губ, объятий матрицу –
Поглощает звёздный космос,
Превращает небо – в конус.
И безумно отдаляется
Лучезарный этот свет.

Дикими Галапагоссами,
Заповедной суши кромкой, –
Слов горячих тают россыпи.
Речь становится негромкой.
Письма ищут света след.

Вот и равноудалёнными
Стали горы и песчинки,
Мамонты и их личинки...
Ни соринки, ни слезинки
Не видать за миллионами
Световых бездонных лет.

Но, чем эта математика,
В тыщу раз благословенней –
Глаз сияющих галактика,
Млечный путь прикосновений
В круге любящих планет.

* * *

Белотелую рыбу калугу
Не догонят мои невода.
Холода нас толкают друг к другу,
Ноября ледяная вода.

Зверь залёг,
птицы скрылись из виду.
Вновь природа со мною честна.
И похожа на Кариатиду
Улетевшая в тучу сосна.

Холода не могу обуздать я.
Но – не дует в моей городьбе.
Запоздалые эти объятья –
Лишь тебе.

Лето

Лету – браво и овация!
Летом, братцы, – не зимой...
Водоплавающих грация –
Это фокус не земной.

Тает море в летнем лепете
Отдыхающих наяд.
Это ж просто гуси-лебеди
Перьев сбросили наряд!

И ныряют, и полощутся –
Так изгибчивы тела...
Олеандровая рощица
По-над пляжем замерла.

Чудны девушки российские!
Возникают из воды
Под напевы керкирийские
Ледокольные зады.

Дивны их заплывы смелые,
Кроль, безумно молодой...
И взлетают руки белые,
Словно чайки над водой.

...Это было море южное,
А на северном моём
На отливе нерпа сушится,
Изогнувшись лебедем.

Крики чайче-бакланье,
Взлёты, плавание, нырки...
Все – невесть откуда званные –
На морские пироги.

Донных трав пласты и россыпи
Наметал недавний шторм.
Здесь, у моря, всякой особи
Есть и норка, и прокорм.

Никому оно не тесное,
Хоть кого сюда зови.
Сердцу – самое любезное,
Неотступное в любви.

Вот такая навигация:
На волне и под волной
Водоплавающих грация
Несравнимая с земной!

Островное

Когда дорожка разбежится,
Минуя взгорье, под уклон, –
Душа взлетает, словно птица,
И воспаряет выше крон.

Все речки – к морю.
К морю – тропы.
И хорошо, что из окна
Оранжевая Европа
Отчасти даже не видна.

Здесь самоцветную окрошку
Галтует утренний прибой,
И лист охровый на дорожку
Слетает тихо сам собой.

На вдохе здесь настой пихтовый...
Но глянешь вдруг и – кто бы спас! –
Когда клубится смрад лиловый
Увы, на выдохе у нас.

От петель углеводородных,
От нас и нашей толкотни,
От отравителей безродных –
Спаси, Господь!
И охраняй...

О рефлексх

Только вымолвишь слово «комар» –
И уже беспокоятся руки:
Этот писк, этот зуд, этот жар –
Вот и стало тебе не до скуки.

Лишь подумаешь слово «лимон»,
Как слюною наполнится нёбо,
И почувствуешь – снова спасён
От похмельной тоски и озноба.

А как вымолвишь слово «люблю» –
Тут и вовсе уж не отвертеться...
Лишь своё полоумное сердце
Будешь слышать теперь во хмелю,

И тогда уж тверди, не тверди
Это сладкое слово «свобода» –
Ничего не возникнет в груди,
Здесь бессильна рефлексов природа.

Ташкент

*«Весь секрет жизни в том, чтобы подготовить
хорошие воспоминания»*

Пьеса «Маска», румынский автор

Пытаюсь зацепиться,
А память – раки в кляре:
То ус торчит, как спица,
То колются хвосты...
Пытаюсь зацепиться
И вижу: на Саларе
Над быстрою водицей
Стоишь с друзьями ты...
И у тебя во взоре
Весь маков цвет предгорий,
Цветов весенних море
Да снежные хребты.
На крышах, на заборе,
Точнее, на дувале,
На солнечной спирали
Сгорают те цветы.
Отважный, как мужчина,
Сдуваешь пену чинно,
Вчерашний Буратино
И Лимонадный Джо.
Цветов столпотворенье

И горлинок бурление,
Без всякого сомненья,
С тобою заодно.
Пьём пиво вместо школы,
Поглядываем в дали.
А слово «кока-кола» –
В журнале «Крокодил».
Карась, Гым-Гым и Алик,
Друзья мои бывшие,
Наперсники пивные –
Развеяны, как ил...
Всё крутишь старый глобус,
Всё ждёшь от жизни чуда.
А жизнь являет фокус
Тебе через деталь.
Когда невесть откуда,
От ледяного моря
До мартовских предгорий
Вдруг заглядишься в даль...
И прозреваешь чудо:
С друзьями на Саларе
Пьёшь пиво. Раки – в кляре!
И двух рублей не жаль...

* * *

Нет равновесья на планете.
Разновеликие слова
Сосуществуют. Хлещет ветер
В материки и острова.

И эхом вечного вопроса
Над сушей и водой возник
Крик сумасшедшего матроса:
Ты – остров или материк?!

И там, и там горят соцветья,
И там, и там шумит листва.
Перемещаются созвездья –
Материки и острова.

Плывут миры сквозь мрак и ветер.
Кто мал из них и кто велик?
Мои заботы, в этом свете:
Вы – остров или материк?

Вы, помыслы благие наши,
Почерпнутые не из книг,

Наш плач и смех – на этой чаше:
Вы – остров или материк?

Стоят весы. Ты ждёшь решения.
А мир давно уже постиг:
Всё дело в силе притяженья!
Ты – остров или материк?

Любовь МЕДВЕДЕВА

«СЛЕД КАЗАЧЬЕЙ ПРАВДЫ Я ИСКАЛ»

У поэтов сугубо городских, о чём бы они ни писали, приверженность к площадям, улочкам, переулочкам проступает сквозь ткань стихотворную отчётливо и ясно. В наше время поэтов-урбанистов всё больше, но есть категория мастеров слова, родившихся в городе, связавших с ним свою судьбу, но душой расцветающих только на воле – в поле, в лесу, в горах. Там, у чистых родников родимого края, они дома, там жизнь осознаётся по-другому, там корни души «поэтов от земли». Без дыхания земли, сильного и вольного, такой творец слабеет, жизнь даёт крен и порой рушится до основания. Так случилось с одним из ярчайших поэтов Восточного Казахстана Виктором Веригиным. Он мой современник, собрат по перу, соплеменник, если иметь в виду наши казачьи корни, которые мощно сказались на творчестве В. Веригина. О казачестве последняя книга поэта «Казачьи мотивы».

Пусть цветут ваши нивы,
Злу всему вопреки.
Вы пока ещё живы,
Господа казаки.
...
Я всегда вместе с вами,
Вы мой лучший источник.

Так решает поэт, когда итожит жизненные уроки. Поиск первоосновы своего пребывания на Земле – один из основных мотивов творчества Веригина.

Я доверялся слову,
Я изживал горбы,
Стремясь первооснову
Найти своей судьбы.

Наверно, это стремление увело его, в прямом смысле, от суеты городской в горы: закончив пединститут, поэт решительно изменил русло своей жизни и отправился бурильщиком в геологоразведочную экспедицию. Уроки литературного клуба «Костёр», областного литературного объединения и мудрых преподавателей института остались позади. Но поэту необходимы, как воздух, ещё и школа жизни, разговор с цветами и травами, с высотами небесными. Поднимаясь к пониманию основ бытия, поэт проходит крутыми горными тропами и совершает духовные открытия.

Узнав, что цветению – миг,
Запустенью – века,
Чем душу согреть,
Заплутавшую в этих отрогах?
Всё скрасить могла бы
Пропавшая в скалах река,
Но мхом покрываются камни
На бывших порогах.

Природа – не место пассивного созерцания и отдохновения, не храм поднебесный. Земля в стихах Веригина живёт, дышит, размышляет, учит. Воистину языческая матушка-земля, суровый, грозный её лик бывает явлен человеку неслучайно, он подобен каверзам судьбы, сумраку души, поэтому стихотворению «В ущелье...» предпосланы строки К. Бальмонта «Сумрачные области совести моей...» Задумываясь над тем, «какая судьба приводит нас в такие места», поэт, продравшись сквозь завалы тяжеловесных длинных строк, прозревает:

Мы в эти места
попадаем не с лёгкой руки,
Здесь думы Земли о судьбе
напряженной, чем где-то...
Так в совести нашей
бывают свои уголки,
Где тоже порой
не хватает простора и света.

Откуда у Веригина эта затрудненная поступь, прерывистое дыхание?

Кумиром его был местный поэт М.И. Чистяков, с вполне бодрым, ямбо-хореическим дыханием. Встретились мы с Виктором впервые на занятиях литературного клуба «Костёр», которым руководил Чистяков, благодаря ему мы неплохо знали стихи поэтов Серебряного века, поэтов-эстрадников, но подробнее и упорнее всего изучали «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, заучивали большие отрывки из древнего эпоса. Частенько мы шутили ругались друг с другом чистейшим гекзаметром. Благодаря Михаилу Ивановичу и его жене-гречанке мы изучали эти произведения основательно, а не бегом и наскоком, как в школе.

Стихи Виктора публиковали в местной газете с 12 лет, и с той же поры его опекал и выделял среди других талантливых ребят М.И. Чистяков. В клуб «Костёр» Виктор пришел ещё подростком, поэтому огонь угасшего клуба грел его всю жизнь, а тяжёлая поступь многосложных размеров возникала в его стихах как отзвук увлечения эпическими поэмами Гомера.

В 70-е годы прошлого столетия я жила под знаком – «Не знаю, зачем зажжена надо мною звезда молодая», а Виктор, похоже, был близок к постижению тайны Беспредельности:

А может, всё несложно:
какой-нибудь божок
курил неосторожно –
вот и звезду зажёл.

Теперь среди вселенной
ночами, после двух,
сияет мой нетленный,
почти почтенный дух.

Это лишь на первый взгляд случайно-лёгкое проникновение поэта в пространство, его приближение к постижению истины. В строках поэта ощутима лёгкая самоирония, но за почти саркастической улыбкой скрывается откровенное, искреннее, трепетное желание никогда не оторвать от себя духовную силу, а препятствий тому – множество. Единство с духом возможно лишь на воле, утверждает автор, а не в скучном городе, поскольку «Нечасто звёзд лавины сползают в города».

У трав учись, как жить, не выгорая,
постигни сердцем, как свежит роса.

...

Устало руки по траве раскинув,
не позволяй душе бродить вдали.
Почувствуй, как струится, грея спину,
по смятым стеблям
сладкий сок земли.

Вот это чувственное, язычески-яркое признание говорит о стихийной приверженности Виктора Веригина к потаённой мудрости Земли. Первые стихи Веригина, которые достучались до моего сердца, были о родном и горевом, о Мякотихе:

На старых фундаментах строй лебеды
вопросом – а кто из нас вечен?
Здесь так по-хозяйски медвежьи следы
частенько петляют вдоль речек.
И холодом веет с ближайших белков –
суровы Мякотихи нравы.
Зато здесь весною – пожар огоньков,
а летом – высокие травы.

В 70-е годы мы встречались в литературной компании на квартире у Козловой-Головановой. Там я услышала впервые «Мякотиху» и родственное ему стихотворение «Я всё чаще хожу в этот лес со стволами корявыми». Последнее стихотворение я и сейчас считаю одним из лучших произведений Веригина. Философское, неторопливое, с долгим дыханием протяжного размера, но похоже на мини-поэму о мёртвом лесе, где поэт ощущает огромность судьбы леса, его сродство и сходство с уделом человека. Лес предстает в стихотворении как некое суровое языческое божество:

...Гарь давно заросла
 медоносными
 сочными травами
и наполнилась гулом
 тяжёлых
 мохнатых шмелей.

Я стараюсь понять – почему,
 даже согнутый бедами,
 продолжает он жить,
презирая
 людскую молву?
Почему дорожит
 этот лес
 молодыми побегами,
ведь его всё равно
 не иначе,
 как мёртвым зовут?

Эти вопросы – своего рода молитва о боли и скорби сгоревшего леса, молитва о душах обречённых: «Значит, лес обречён, облачён в пустоту и безмолвие? Что стараюсь найти среди этих деревьев нагих?» Подразумеваются ответы, горькая истина, подразумевается просьба о снисхождении: «А вот здесь я стволы буду гладить рукою участливой и закапывать бережно в землю с золой семена...» Поэт, словно языческий ведун, колдует, пытается излечить лес, пытается дать ему надежду. Не скажу, что запомнила строки стихов о Мякотихе, о горелом лесе, но в душу запал звуковой строй произведений: до сих пор слышу голос Виктора, помню его отчётливую, яркую манеру чтения. Кому-то стихи, о которых я говорю, могут показаться пейзажными, но это не так, они затрагивают самые потаённые струны души, и потом эти струны долго-долго звучат: о лесе, о жизни, о душе, о смерти. О ней он писал и говорил часто, не плача надрывно над своей долей, а спокойно и просто, как далёкие предки, певшие о смерти, как о переходе через земное лоно в иное жизненное пространство: «травы порой сквозь камень прорастают, и мы когда-то прорастём травой». В мире лирического героя Веригина языческие традиции тесно переплетены корнями с христианскими верованиями, традициями, праздниками. Природные стихии главенствуют в строках поэта о праздновании Троицы:

Пусть невзгод метелицы
Крутят наши мельницы,
Мы верны по-прежнему
Плугу и мечу.

Плуг и меч – главная вера и надежда русского казака. Жизнь казачья, яростная, боевая, раздольная, поэтому не мотивы христианские доминируют, не монашеские песнопения, а плясовые, маршевые, строевые:

Но ведь есть казачья
музыка у нас.
В ней подковы цокают,
в ней трава высокая
шорохом вливается
в звон колоколов.
Ботала бренчание,
а ещё печальнее –
долгое мычание
выгнанных коров.

Звон колоколов звучит в отдалении, а на первом плане – живой мир, родящий силу, дарующий волю, прокорм, радость. Он восчувствован поэтом в полную силу. И, думаю, не случайно рядом с «Троицей» в сборнике обрядовая свадебная песня, написанная по всем правилам народного творчества, восходящим к древним временам. Элементы языческого заговора врываются в строй свадебной песни: «ты изыдь, изыдь, тоска, в речку серой утицей...» Это запев «Свадебной», которая дальше летит лихо, с частушечными резвыми перехлёстами:

Эх, зелёное вино,
С травяной закваскою.
Веселись, пока дано
Жизнь увидеть сказкою.

И как бы случайная оговорка о сказке ещё усиливает связь «Свадебной» с древнейшими формами устного народного творчества. Мимолётно в долгой поэме упоминается о христианском обряде венчания:

Будет всё, как было встарь:
И подружек пенье,
И венчанье, и алтарь,
И благословенье.

И мотивация такой мимолётности рядышком: «Ведь казак всегда изгой, и бунтарь, и вольница». Всё-то у него на особый лад, на окраинах родины до Бога высоко, а до царя далеко, отсюда и прорыв сквозь века к исконному, природному, земному, поэтому судьба для поэта – «дикое поле».

Мы перешли тебя,
Дикое поле.
Но не напрасно
По жизни хлестались.
Были какими –
Такими остались.
Дикое поле,
Живи же и помни,
В нас твой характер,
В тебе наши корни.

Духовные поиски казачьей правды не были бесплодными. Приходит осознание принадлежности к вольному сословию. «Но мы же всё же казаки, особая, наверно, каста...».

Седло и конь – всего итог,
Как вся геральдика и знамя.
Но знали мы, над нами Бог,
И вся его земля под нами.

Казак верил в огромный, не измеряемый краткой, единственной жизнью срок превращения души человеческой.

Я всего лишь крупинка
Большого земного народа.
Но ведь тысячи лет
Создается любая душа.

Так писал поэт во вступительном стихотворении «Казачьих мотивов». «Я» осознаётся в этих стихах, как «мы», и наоборот, поскольку поэт неразрывно связан с казачеством.

Столько сил и забот
Отдала только мне
Мать-природа,
Чтобы именно так
Я сегодня и жил, и дышал.
Чтобы я, не исчезший
В сражениях прошлых столетий,
Мог свой род сохранить,
Не надеясь на милость Христа.

«Казачьи мотивы» вышли в свет в 2002 году, а годом ранее В. Веригин стал лауреатом премии журнала «Простор» за лучшее поэтическое произведение о русском человеке. Книгу из типографии не отдавали: у Виктора не было денег на выкуп тиража, он брал по несколько книжечек и продавал друзьям.

Судьба поэта В. Веригина – «горькая линия» в истории поэзии Восточного Казахстана, но прочерчена она ярко, отчётливо. Стихи, земля, люди были озарены любовью поэта. Предчувствуя свой уход, он говорил: «моя любовь меня переживёт». Пережила поэта не только его любовь, но и «душа в заветной лире», с особой силой отражённая в «Казачьих мотивах» – в книге необычайного склада, в которой любая часть её не существует отдельно, эта книга своего рода поэма, пронизанная устремлением к единству со своими корнями, с родиной.

Не хватает крепкой веры,
И, с молитвой на устах,
Я тянусь к вам, кавалеры –
Казаки, чья грудь в крестах.

Отпели свои песни герои «Казачьих мотивов» – походные, свадебные, исторические, гулевые. Замолк поэт стана казачьего, но летят, словно кони, ловко подкованные строки:

За всё, Отечество, прости.
Всегда служить старались честно.
Пусть «скифы мы», как всем известно,
Но и у Господа в чести.

Поэт прошёл «долгий путь познания истин и утрат», вместе с дедом-есаулом, вместе с казачеством. И на прощанье воскликнул: «Да не сгинет наше прошлое в туман!» Может быть, кто-то скажет, что В. Веригин «с полем брани не знаком, не считался настоящим казаком», – это неверно: его ратный подвиг совершён на поле поэзии, поэт признаётся: «след казачьей правды я искал». А для этого нужны отвага, честь, совесть.

Это только слух пока,
Что смешалась с брагою
В жилах кровь у казака,
Нет, есть верная рука
И любовь с отвагою.

И, может статься, за эту отвагу любви и познания даровано было поэту откровение, написанное не только от лица родного сословия, но и от лица нашего с вами времени:

Всю Российскую быль
Поднимаю я вновь по тревоге...
...Наше сердце в рубцах,
Нашу душу изъели коросты,
Потому, может быть,
И не ведаем мы, что творим.
Мы не жили ещё, выживали,
И только погосты
Примирают порой
С этим миром покоем своим.

Виктор ВЕРИГИН

ЖИЛ ДА БЫЛ ЧЕЛОВЕК

*** * ***

Вновь горизонт был журавлями вышит,
и после хлебной золотой пурги
степь замерла. И затаённо дышит

забытым вихрем аламан-байги.
И так легко ей вспоминать до снега,
как мчались кони, солнце запылив,
ведь никогда от кровного набега
не поседеют больше ковыли.
Не упадут тяжёлые колосья...
не почернеет поле от беды...
...На нашем стане жатвы отголоски
стихали вновь до будущей страды.
И, заглушив моторов перестуки,
впервые, не спеша, – за много дней
потомок скифов мыл солёной руки
и напевал про огненных коней...

В походе

Был ветер зол, как тысяча чертей,
сплошным дождём обрушивалось небо,
а мы всё шли к намеченной черте,
промокшие, без курева и хлеба.
Наш старшина, горластый и седой,
опять шутил, команды подавая,
а сам не прочь был роте дать отбой,
да затерялась кухня полевая.
Он тяжело вдыхал лесной озон,
отлично знал, что мы не подкачаем,
но слишком далеко был гарнизон,
где нас должны встречать горячим чаем.
Он не устал, он на войне бывал,
в нём до сих пор гремит передовая...
И старшина командует: «Привал!» –
Свой «Беломор» на круг передавая.

* * *

Грустное нынче утро.
Нынче на речке Коксе
Стаей промокших уток
Села на воду осень.
И уж теперь, поверьте,
В эту страну берложью
Смогут лишь дождь да ветер
Шастать по бездорожью.
Не потому ли люди
Хмурые обходят лужи? –
Писем уже не будет
Месяца два – до стужи.
Снова застрянут где-то.

Буду на дождь в обиде...
Впрочем, я их и летом
Ни одного не видел.

* * *

Весенняя пурга мела, серчая
на лес, трубу
и на окно рябое,
оставив нам мечты да чашку чая
с июльским ароматом зверобоя.
Здесь всё казалось призрачным
немножко,
и дед-лесник – случайный
покровитель,
и трудно было верить,
что сторожка
с землёй всё также
кружит по орбите,
а не летит куда-то к Андромеде,
движения совсем не замечая...
Мы были расположены к беседе,
но свыклись и с молчаньем,
не скучая.
Мы знали, чем взволнованы
берёзы:
недалеко от них, у перевала,
покинутые нами лесовозы
пурга в лесных чудовищ
превращала.
Но как бы их она ни заносила,
мы завтра вновь рванём
на серпантины.
Паяльной лампы огненная сила
опять ручными сделает машины.
Ну а пока что – мудрые,
как боги,
сидим, пьём чай,
привыкшие к молчанию.
В транзисторе погоду обещают,
высвистывает кто-то: «Эх, дороги...»

* * *

Я всё чаще хожу
в этот лес
со стволами корявыми
И с укором немым

искажённых
 пожаром ветвей.
Гарь давно заросла
медоносными
 сочными травами
и наполнилась гулом
тяжёлых
 мохнатых шмелей.
Я стараюсь понять –
почему,
 даже согнутый бедами,
продолжает он жить,
презирая
 людскую молву?
Почему дорожит
этот лес
 молодыми побегами,
ведь его всё равно
не иначе
 как мёртвым зовут?
В нём никто много лет
ни дорожек,
 ни тропок не вытопчет,
и любая гроза
облюбует
 сухие стволы,
даже те,
что к реке
 от пожара сбежали на цыпочках,
устоят ли они,
если дело
 дойдёт до пилы?
Значит, лес обречён,
облачён
 в пустоту и безмолвие?
Что стараюсь найти
среди этих деревьев нагих?
Почему обхожу
даже кедры – родное сословие?
Даже стайки берёз –
 чем-то более мне дорогих?
А вот здесь я стволы
буду гладить
 рукою участливой
и закапывать бережно
в землю
 с золой семена.
Это просто понять

и легко объяснить:
 тем, кто счастливы,
я не нужен совсем,
 и забота моя не нужна.
Только как объяснить,
что обидно
 его невнимание...
Он ведь даже травой
от меня
 скрыл свои родники.
Может, я не дошёл,
не дорос
 до его понимания,
может, лес помнит все
совершенные
 мною грехи?
Я вхожу в этот лес,
я любуюсь
 стволами корявыми.
Пусть встречаю укор
искажённых
 пожаром ветвей.
Жаль, что гарь заросла
медоносными
 сочными травами,
ведь трудней слушать лес
из-за гула
 тяжёлых шмелей.

* * *

Солнце крутит мартовское сальто.
Дети разукрашивают смело
серую обыденность асфальта
развесёлым белым школьным мелом.
Сколько света в классах непохожих,
чёртики улыбчивей, чем люди...
Почему же мы вот так не можем
зачеркнуть весною серость буден?
Перед откровенностью пасуем,
нежность представляем так туманно,
кое-как порою рисуем
что-то наподобие романа.
А любовь проходит стороною,
а весна уходит в одночасье
и уносит, грустная, с собою
столько нерастраченного счастья...
Только всё равно мы прячем в сумки

маленький подснежников букетик
и шагаем хмуро по рисункам...
Вслед нам смотрят удивленно дети.

* * *

Ты мне твердишь, что я чужак,
что нам с тобою не ужиться,
и что в кладовке мой рюкзак
не успевает запылиться.
Что надоело часто ждать.
И каждый раз, закончив сборы,
ты грозно просишь выбирать
одно из двух: тебя или горы.
Я как-нибудь тебя с собой
возьму в тот край, где спят берёзы,
где тихо всходят над тайгой
большие, медленные звёзды.
Быть может, там тебе понять
поможет небо голубое,
что очень трудно выбирать
между горами и тобою.

* * *

*Друзьям-туристам, трагически погибшим
9 мая 1972 года на реке Чёрная Уба*

Этот плот был ни к чёрту не годен,
но зачем-то, поверив судьбе,
и на нём, оседлав половодье,
мы летели по Чёрной Убе.
Нам сначала везло – не иначе.
Кто-то думал, уже пронесло...
Но, видать, надоело удаче
упираться в тугое весло.
Были старые лодии смяты
и заткнуты в рюкзак неспроста,
мы считали теперь перекаты
по оторванным брёвнам плота.
Солнце вытекло лужей заката,
а у нас кое-как набралось
на плоту по полметра на брата,
на гитару – и тех не нашлось.
Вот и всё. Волны сдвинутся тесно,
тронет струны беззвучно прибой...
И кого-то неспетая песня,
как труба, позовёт за собой.

* * *

Он полгода все ночи проводит без сна,
он одною надеждой живёт.
Горизонт, перечёркнутый рамой окна,
и тревожит ещё, и зовёт.
Только в память ворвётся,
надежды круша,
камнепад, как немой приговор,
а в горах ходят ветры,
по снегу шурша,
отпевая его до сих пор.
Белый свет – он потом стал действительно бел:
белый гипс, чей-то белый халат,
белый блеск в волосах –
он тогда поседел
среди белых больничных палат.
Перед дальним маршрутом к нему я с утра
забегу. Но с закушенных губ
ни улыбки. Завидует мне.

А вчера

подарил насовсем ледоруб.
Он, конечно, придёт провожать на вокзал,
пнёт ногою рюкзак, помолчит.
Я бы что-то ему в утешенье сказал,
только раньше сказали врачи.

* * *

Был апрель. Как всегда в апреле
незатейливо капли пели;
отряхнувшись от зимней стужи,
загудели опять провода,
а покладистый ветер южный
неуклюже ходил по луже,
и смеялась над ним вода.
Затихал, но, чуть погода,
он доверчиво тёрся боком
о немытые стёкла окон
и размазывал ненароком
капли первого нынче дождя.

Приходила деревня скопом
к почерневшим последним копнам.
С разрешения сельсовета
брали сено – по возу всем.
Что жалеть?– до пастушьей дудки,
а вернее сказать – до лета
оставалось всего дней семь.

На Алтае в почёте шутки.
На Алтае все любят к месту
и пословицы, и словечки,
а проснулся в пустой постели –
не спеши подыскать невесту,
ведь жена твоя там – у печки,
а хлеба у неё поспели.

Был апрель. Как всегда в апреле,
погрустнели немного ели.
И луна заблудилась в рощах,
не желая идти к высоте,
видно, тоже ей надоели
эти звёздные карусели.
И неровной дороги росчерк,
как автограф к чужой мечте.

Н.К. Рериху

*Некоторые люди боятся гор и уверяют,
что горы их душат.*

А не боятся ли эти люди и больших дел?

Ушли кочевые аулы.

Поредели всадники

и пошли сибиряки каменотёсанные.

А под Белухой ещё снег лежит...

(Из дневников Н.К. Рериха)

А под Белухой снег ещё лежит..
А здесь внизу – у Нижнего Уймона¹ –
уже цветут пунцовые пионы,
и по Катуні матово-зелёной

плывут водой снесённые кряжи.
Отвергнут мир, погрязший в суете,
в горах своё земное притяжение, –
здесь так весомо каждое мгновенье,
что сразу остаётся на холсте.
А кисть в руке надёжна и легка,
приобретая мужество и опыт,
она уже уверена, что тропы
привинчивают к небу облака.
Как хорошо на них оставить след!
Ведь недоступны никакой равнине
ни красота простых и чётких линий,
ни смелость красок, ни суровый цвет.
И, доверяя трудной высоте,

1 **Нижний Уймон** – алтайская деревня, где некоторое время жил Н.К. Рерих.

здесь сознаёшь, пусть даже и не первым,
что горы проверяют нас на верность,
на прочность и на преданность мечте.

Жил да был человек...

...Никогда на беды не досадовал,
никогда ни перед кем не важничал.
По утрам соседкам сны разгадывал,
вечерами непременно бражничал.
Был в гостях не на почётном месте,
и не злился никогда на это,
потому что из любимой песни
знал он лишь припев да полкуплета.
Но уж если не случалось драки,
раз по десять, устали не зная,
запевал он: «Ехали казаки...»
и тянул: «Ой, Галю молодая...»
На лице его весною смело
проступало солнечное просо,
а когда косили всей деревней,
он всегда последним шёл прокосом.
Режет травы острая литовка,
меж камней и кочек ходит ловко.
И всегда за солнышком лучистым
он любил подглядывать вполглаза.
Тучу в небе прогонял он свистом, –
сенокос был словно по заказу.

Жил чужак и умер незаметно.
Сны теперь бездарно толковали,
часто дождик заряжал с рассвета,
и тогда за брагой запевали
о коварных казаках и Гале...

Но порой, не вытянув куплета,
виновато люди замолкали.

Виктор ЗАВОДИНСКИЙ

ЧЕЛОВЕК ИЗ ДРУГОГО МИРА

Один из современных поэтов образно заметил, что «разные люди, как звёзды, на разной горят высоте». Если уподоблять людей звёздам, то следует признать, что они различаются не только высотой своего горения, но и силой его – тем, что на языке астрономов именуется звёздной величиной.

Начиная рассказ о Филиппе Георгиевиче Старосе, которого мне довелось знать довольно близко в течение пяти лет, я могу смело заявить, что на небосклоне дальневосточной науки 1970-х годов он был одной из звёзд первой величины. И не только потому, что за его плечами стояло создание в нашей стране новой отрасли науки – микроэлектроники, не только потому, что его вклад в развитие новейшей советской техники был отмечен Государственной премией и уж, конечно, не потому, что он единственный из членов Президиума Дальневосточного научного центра не являлся директором института. Прежде всего, он был яркой, не похожей ни на кого личностью, человеком высокой культуры и неуёмной энергии, пришельцем из другого мира.

26 сентября 1993 года родные и близкие поздравили бы Ф.Г. Староса с 75-летним юбилеем. Впрочем, по официальным документам это событие произошло бы несколько раньше – 24 февраля 1992 года. И это не единственный парадокс, с которым приходится сталкиваться при попытке описать его жизнь. Судьба Филиппа Староса была изломана противостоянием двух мировых империй, многие моменты её до сих пор окутаны тайной, а свидетельства людей, знавших его в разные периоды жизни, полны недоумков и противоречий. У него было две биографии: одна – официальная, вымышленная, написанная в кабинетах КГБ, другая – подлинная, засекреченная, не до конца известная даже его собственным детям. О таком человеке очень трудно писать, потому что приходится с великой тщательностью отбирать факты и документы, в особенности, касающиеся досоветского периода его жизни.

При написании этого очерка я опирался в основном на материалы и сведения, любезно предоставленные мне членами семьи Филиппа Георгиевича уже после его смерти, после того, как они получили возможность переписываться и встречаться со своими американскими родственниками, после того, как дети Староса узнали его настоящую фамилию и многие детали его реальной биографии. Использовал я и опубликованную в 1985 г. в журнале «Physics today» N 9 статью Марка Кучмента «Американское влияние на советскую микроэлектронику», посвящённую исследованию превращения американского инженера Альфреда Саранта в советского учёного и изобретателя Филиппа Георгиевича Староса.

АЛЬФРЕД САРАНТ

Он родился 26 сентября 1918 г. в пригороде Нью-Йорка, в семье выходца из Греции Эпаминонды Георгия Сарантопулоса, афинского профессора математики, который приобрёл в Штатах вторую профессию – юриста и, сократив на американский манер своё имя, стал Джорджем Сарантом. В семье было пять сыновей и одна дочь. Альфред был самым младшим. Отец много и самоотверженно работал, мать не менее самоотверженно вела домашнее хозяйство, кормила, одевала и обшивала всех своих домочадцев. Как большинство иммигрантских семей первого поколения, Саранты жили небогато и зачастую с немалыми усилиями сводили концы с концами. Даже в школу, расположенную в двух милях от дома, дети ходили пешком, потому что проезд в автобусе был им не по карману.

Взросление Альфреда пришлось на конец 20-х – начало 30-х годов, на период Великой американской депрессии. Он рано узнал, что доллары не даются без тяжёлого труда, работал разносчиком газет, посыльным в прачечной, мыл окна небоскрёбов. Последнее было очень опасно, так как подростки, занятые этой работой, практически без страховки поднимались по выдвижным лестницам на большую высоту.

В школе Альфред слыл одним из лучших учеников, его интересы были весьма разнообразны. Он блистал в математике и физике, увлекался техническим творчеством, прекрасно играл на гитаре и флейте, в семнадцать лет стал чемпионом своего района по фехтованию. Более всего ему хотелось стать музыкантом, создать свою группу, выступать с концертами, ездить по миру и, конечно, прославиться. Нормальные мечты нормально одарённого юноши. Однако семейный совет решил иначе. Как лучший ученик школы, Альфред получил рекомендацию для поступления в один из колледжей так называемого Медного союза (Купер-Юнион), который финансировался корпорацией Морганов и давал прекрасное техническое образование. Обучение там было бесплатное, и для Джорджа Саранта это давало единственный шанс увидеть хотя бы одного из своих детей дипломированным специалистом.

Альфред закончил Купер-Юнион в 1941 году, получив степень бакалавра по специальности инженер-электрик. Во время войны участвовал в работах по созданию систем связи в Форт-Монмаунте и в Белловской лаборатории, одновременно учился на вечерних курсах для сдачи экзаменов на степень магистра технических наук. В 1947 году Сарант поселился в Итаке (штат Нью-Йорк), где в числе других занимался разработкой циклотрона для Корнельской ядерно-физической лаборатории.

Ещё в студенческие годы он принимал участие в антифашистском движении и в борьбе против расовой дискриминации. Тогда же вступил в Американскую коммунистическую партию. Но он не принадлежал к числу ортодоксальных активистов, а посему покинул её ряды в 1944 году, когда увидел, что членство в партии, попавшей по закону Смита от 1940 года в перечень «подрывных организаций», может поставить крест на профессиональной карьере, да и на всей нормальной жизни. Однако Сарант был близко знаком с Юлиусом Розенбергом и даже некоторое время состоял с ним в одной партячейке. Этот факт сыграл роковую роль в судьбе молодого Альфреда, когда в июле 1950 года Юлиуса и его жену Этель арестовали по подозрению в атомном шпионаже в пользу Советского Союза. «Холодная война» – уже в разгаре, в Сенате муссировался антикоммунистический закон Маккарэна, поднимал голову маккартизм. Многие бывшие

товарищи Саранта по партии подвергались преследованиям, а супруги Розенберги потом – спустя четыре года – казнены на электрическом стуле.

Трудно сказать, был ли Альфред Сарант действительно причастен к атомному шпионажу (с Розенбергами ведь тоже до сих пор нет полной ясности), однако, как отмечает Марк Кучмент, генеральный прокурор США Ирвинг Стоун сделал в 1951 г. официальное заключение: «Для возбуждения дела против Саранта у федеральных властей нет достаточных улик». Тем не менее, после первого же допроса в ФБР Альфред Сарант поспешил покинуть Соединенные Штаты, оставив в Итаке двух маленьких сыновей и взяв с собой любимую женщину по имени Кэрол Дэйтон, которая разделяла его коммунистические взгляды. Исчез из того мира навсегда, единым махом оборвав все связи, лишив себя всех друзей и родственников. Так, в возрасте тридцати двух лет, умер американский инженер Альфред Сарант, чтобы дать родиться советскому ученому и изобретателю Филиппу Георгиевичу Старосу.

Марк Кучмент пишет, что Альфред Сарант был известен в США как «квалифицированный, но не выдающийся инженер-электрик», и выражает удивление по поводу необычайно большого успеха, выпавшего на его долю в Советском Союзе. С этим можно поспорить.

Сын Филиппа Георгиевича – Николас Старос, проживающий ныне в США, установил, что выпускники Купер-Юниона высоко ценились во всех отраслях науки и техники, многие из однокашников Саранта стали видными учёными, руководителями крупных национальных проектов, а ведь он был не слабее многих – получил диплом с отличием. Так что есть основания полагать, что Альфред Сарант и у себя на родине не оказался бы среди неудачников.

Итак, в 1950 году Альфред Сарант и Кэрол Дэйтон исчезли на границе с Мексикой, а в Советском Союзе появились американский эмигрант Филипп Старос и его жена Анна. По их мнению, только в СССР они могли чувствовать себя недостижимыми для ищущих ФБР.

Сейчас, когда опубликовано множество материалов о произволе Сталина и его окружения, мы понимаем, насколько рискован был поступок американского инженера, как легко он мог разделить участь коминтерновцев и других иностранцев, обвинённых в шпионаже и бесследно исчезнувших в пространствах ГУЛАГа, тем более что в это время уже разворачивалась кампания по борьбе с «безродными космополитами». Но для Альфреда и Кэрол Сталин был победителем Гитлера, а Советский Союз – оплотом мира и социализма. У них даже в мыслях не было, что в этой стране с ними могут поступить несправедливо.

КАРЬЕРА ИНЖЕНЕРА СТАРОСА

Им повезло. В их судьбе принял участие Дмитрий Устинов, бывший в то время министром вооружений. Он по достоинству оценил творческий потенциал молодого американского инженера и... отправил его в Чехословакию. Там Филипп Старос был назначен главным конструктором Военно-технического института, где с 1951 по 1955 год занимался разработкой систем противовоздушной обороны. В Праге у них с Анной родились сын Николас и две дочери – Мила и Кристина. Третья дочь – Антонина – появилась на свет позднее, уже в Советском Союзе.

Пражский период жизни Филипп Георгиевич всегда вспоминал с

удовольствием. Он быстро освоил чешский язык, обзавёлся друзьями, с которыми до последних дней поддерживал связь. Однако, занимаясь системами наведения зенитных орудий, не переставал мечтать о большем размахе деятельности, о более эффективной реализации своих знаний и таланта.

Такая возможность представилась в 1955 году. Сталин к тому времени уже умер, короткий период смутного времени кончился, и вставший во главе Советского государства Хрущёв взял курс на научно-техническую революцию. Инженера-американца пригласили в СССР, где предложили возглавить специальную лабораторию, созданную в Ленинграде под эгидой Госкомитета авиационной техники. Там Старос работал до 1959 года, добившись больших успехов в разработке управляющих систем и приборов военного назначения как для авиации, так и для флота, за что был награждён орденом Трудового Красного Знамени и знаком «Почётный подводник». В 1958 г. Старос выступил с докладом на закрытом совещании ведущих работников электронной промышленности. Доклад содержал предложения по развитию новой элементной базы и фактически представлял собой программу создания новой отрасли науки и техники – микроэлектроники. Эти идеи нашли немедленную поддержку в высших эшелонах власти, и уже в следующем году Филипп Георгиевич получил возможность создать специальное конструкторско-технологическое бюро, а для срочного развёртывания работ – помещение в центре Ленинграда.

Нет никаких оснований считать, что Старос вывез из США электронные секреты и сделал карьеру на их использовании. Как вынужденно отмечает тот же Марк Кучмент, Альфред Сарант, покинувший Соединенные Штаты в 1950 году, не мог иметь представлений об американской компьютерной технологии и микроэлектронике, бурно развившихся после его отъезда. Сведения о новейших достижениях Старос черпал из американских научных журналов. На эту информацию накладывались его прекрасная теоретическая подготовка, опыт работы в передовых исследовательских организациях Америки, а также собственные недюжинные дарования. Он проявлял себя одновременно как неиссякаемый генератор идей и как умелый организатор их исполнения, а при необходимости мог взять в руки паяльник и виртуозно выполнить самую ответственную операцию.

В начале 1960-х годов под его руководством была разработана малогабаритная цифровая управляющая машина УМ-1 НХ, обладающая быстродействием 8 тысяч операций в секунду при безотказной работе в течение 250 часов. При её создании ещё не использовались микросхемы (надёжность которых в то время была невелика), в качестве активных элементов применялись самые распространённые германиевые транзисторы П15. Однако благодаря смелым конструкторским решениям («страничный» монтаж, безразъёмные шарнирные соединения, применение интегральных блоков магнитной памяти), народное хозяйство СССР получило компактную, дешёвую и надёжную машину, пригодную для управления различными технологическими процессами.

Сам Старос, питавший слабость к словотворчеству, называл эту машину «минипьютером», однако этот термин не прижился, в отличие от термина «микроэлектроника», введённого им в русский язык.

В 1969 году, за создание малогабаритной полупроводниковой управляющей машины и управляющих вычислительных комплексов, которые были внедрены в металлургической, энергетической, стекольной и электронной промышленности, Ф.Г. Старос удостоивается Государственной премии, а двумя годами

ранее получает учёную степень доктора технических наук за доклад «Принципы создания микроэлектронных элементов и систем» (без представления диссертации).

Разумеется, Старос не смог бы добиться такого успеха в одиночку – с ним работал коллектив талантливых, высококвалифицированных сотрудников. Но этот коллектив не свалился с неба, он сам собрал и воспитал его. С первых же дней работы в Союзе Филипп Георгиевич большое внимание уделял подготовке кадров. По его инициативе в Ленинградском институте точной механики и оптики созданы новые специальности – инженер-математик и инженер-конструктор-технолог. Его лекции по курсам «Основы микроэлектроники» и «Введение в вычислительную технику» охотно посещали не только студенты, но и многие преподаватели, и дипломированные специалисты. Благодаря оригинальной педагогической методике профессор Старос давал не только глубокие теоретические знания, но и вырабатывал у своих учеников стойкие практические навыки. Большинство сотрудников Ленинградского конструкторско-технологического бюро с 1971 года составляли бывшие студенты Филиппа Георгиевича. Трое из них к этому времени стали докторами наук, более тридцати – кандидатами. Постоянному росту их квалификации способствовали и научные семинары, регулярно проводившиеся в конструкторском бюро под руководством генерального конструктора Староса, который следил за всеми зарубежными научно-техническими новинками и требовал того же от своих молодых коллег.

«ПРОТИВ ТЫСЯЧИ ВДВОЁМ...»

Рассказывая о Саранте-Старосе, было бы несправедливо умолчать о другом американской инженерере, который эмигрировал из США вслед за Сарантом и работал в тандеме с ним как в Праге, так и в Ленинграде. Этого инженера звали Джоэль Бэрр. Он родился в Нью-Йорке и познакомился с Альфредом Сарантом во время совместной работы в Форт-Монмаунте. Они стали друзьями, и это был тот редкий вид дружбы, который с годами лишь крепнет и перед которым бессильны любые испытания. Когда Эл исчез, Джо некоторое время недоумевал: почему его лучший друг не сказал ему даже «гуд бай» на прощанье? Но потом понял: Эл боялся подставить под удар и его. Тогда он оформил выездной паспорт и поехал в Европу – искать друга. Джоэль нашёл Альфреда в Москве, когда тот уже превратился в Филиппа Староса и готовился к отъезду в Чехословакию. Туда они поехали вместе, и Джоэль Бэрр стал Иосифом Вениаминовичем Бергом.

В ЛКТБ Берг являлся правой рукой Староса, занимая должность главного инженера и поддерживая его не только организационно-технически, но и морально. Филипп Георгиевич неоднократно говорил, что обязан Бергу очень многим, что без него не сделал бы и десятой доли того, что сумел сделать. И вряд ли это можно расценивать как большое преувеличение. Наверно, именно так и обстояло дело. Потому что силы человека удесятеряются, если рядом надёжный друг, на которого можно положиться, с которым можно встать спиной к спине, «против тысячи вдвоём», как поётся в старой корсарской песне.

И ещё у него была Энн, Анна Петровна, бывшая Кэрол Дэйтон, оставившая ради него сына и дочь, так же как и он, исчезнувшая для своих родных и знакомых, ставшая для него единственной и неповторимой, как Ева для Адама.

В 1982 году Анна Петровна показала мне письмо, полученное ею от дочери, которая в то время жила в Канаде, была замужем за профессором математики и имела двух детей. Это письмо я читал с комком в горле, едва сдерживая слёзы: ведь женщина, писавшая его, всю жизнь считала, что её мама умерла, и вдруг! – такое неожиданное и счастливое обретение. Но я не в силах представить, что чувствовала сама Анна Петровна, получив письмо от дочери, оставшейся в её памяти крошкой, увидеться с которой не чаяла никогда. Они смогли встретиться, а вот Филипп Георгиевич так и не успел дожить до тех светлых времён, когда СССР и США перестали считать друг друга врагами, так и не успел получить писем от своих сыновей...

В 1962 году конструкторское бюро Староса посетил Хрущёв, немало наслышанный о необычайных успехах «грека из Америки». Генсек ознакомился с разработками машин УМ-1 и «Электроника К-200». Позднее американские эксперты отмечали, что «Электроника К-200» была «первым компьютером советского производства, который можно считать хорошо разработанным и удивительно современным». Эта машина использовала первые советские интегральные схемы и была способна выполнить 40 тысяч операций в секунду. Хрущёв остался доволен. В этом же году Староса приняли в члены КПСС (как бывшего иностранца его принимали в партию в ЦК КПСС).

В это время уже существовал Госкомитет электронной промышленности (преобразованный в 1965 году в министерство), работавший главным образом на оборону. Возглавлял его А. Шокин, человек прогрессивных взглядов и большой инженерной эрудиции. Он предложил Старосу создать научно-технический центр соответствующего профиля в Подмоскowie. Старос с жаром взялся за исполнение поручения и в считанные недели подготовил для Шокина детальный план организации комплекса, состоящего из нескольких исследовательских институтов, конструкторских бюро, технического вуза и опытного завода. План получил одобрение в ЦК и в Совете Министров, а Ф.Г. Старос назначен научным руководителем будущего центра.

В семье Филиппа Георгиевича хранится фотография, на которой он забывает первый колышек при закладке Зеленограда. Наверное, это один самых волнующих моментов в его жизни. Однако И.В. Берг, комментируя эту фотографию, сказал мне, что пытался уговорить Фила держаться подальше от большой министерской политики. Берг не верил, что бывшему иностранцу дадут подняться так высоко по советской иерархической лестнице. Он видел, с какой нескрываемой неприязнью относятся к Старосу в Ленинградском обкоме партии, и не сомневался, что и в московских партийных кругах без энтузиазма отнесутся к тому, что советской Кремниевой Долиной будет руководить выходец из Америки. Однако Старос никогда не был способен удовольствоваться малым и никогда не боялся риска, в его жилах текла горячая эллинская кровь.

«СОВЕТСКУЮ МИКРОЭЛЕКТРОНИКУ СОЗДАЛА КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ...»

По семейному преданию, род Сарантопулосов происходил от одного из трёхсот спартанцев, которые под водительством царя Леонида остановили лавину персов в Фермопильском проходе. Он не мог и не хотел отсиживаться в домашнем уюте. Более того, памятуя то хорошее впечатление, какое его разработки

произвели на Никиту Хрущёва, Старос сам решил пойти в атаку. В начале октября он написал Генеральному секретарю письмо, в котором изложил свои претензии к секретарю Ленинградского обкома партии Г.В. Романову и упрекнул министра Шокина в нежелании заступиться за него. С Романовым Старос конфликтовал по кадровым вопросам, так как отдавал предпочтение толковым специалистам, невзирая на их национальность и партийность, что, конечно же, не могло не раздражать партийного бюрократа, убеждённого, что кадровая политика – его святая вотчина. К несчастью, Хрущёв был свергнут со своих высоких постов 14 октября, и письмо попало к Шокину.

Марк Кучмент пишет, что Шокин вызвал к себе Староса и сделал ему разнос, сказав следующее: «Филипп Георгиевич, мне кажется, что вами владеет странная фантазия, будто вы являетесь создателем советской микроэлектроники. Это неправильно. Советскую микроэлектронику создала Коммунистическая партия, и чем скорее вы уясните этот факт, тем будет лучше для вас». То есть прав оказался Берг. Зарвавшемуся гению-одиночке указали его место.

Вскоре, в начале 1965 года, Старос отстраняется от руководства строительством Зеленограда, но его работа в ЛКТБ продолжала идти в гору, его ещё ждала Государственная премия 1969 года. Нападки со стороны Романова продолжались, однако Шокину, который, несмотря ни на что, понимал значение Староса для микроэлектроники, удавалось их нейтрализовать. Но в 1973 году Романов стал кандидатом в члены Политбюро, и министр электронной промышленности уже не мог ему противостоять. Несмотря на то, что Старос к тому времени уже выступил инициатором новых технологических идей, направленных на создание трёхмерных интегральных схем и систем искусственного интеллекта, что сулило нашей стране резкий отрыв в области вычислительной техники, он был понижен в должности, а его конструкторское бюро передали радиопромышленному гиганту «Светлана». Можно лишь догадываться, что творилось в душе человека, который, уверовав в коммунистические идеалы, навсегда покинул родину, сменил имя и биографию и после двадцати лет верной и плодотворной работы на благо нового отечества вдруг обнаружил, что этому отечеству он больше не нужен. Дело, запущенное им, крутилось, технология интегральных схем работала. Теперь можно было отодвинуть в сторону безродного создателя, благо и оправдание тому имелось удобное, «патриотическое»: дабы потом никто не усомнился в советских корнях советской микроэлектроники. Перед Старосом встал выбор: смириться и заниматься совершенствованием своих же собственных разработок или всё бросить и поискать другое место, где можно было отдаться творчеству и поменьше зависеть от сильных мира сего. Он выбрал второе.

Переехать во Владивосток ему порекомендовал академик Пётр Леонидович Капица, который питал к Старосу большую личную симпатию и с интересом отнёсся к его новым идеям. Руководителем Дальневосточного научного центра в то время был его сын Андрей Капица, и Старосу была обещана «зелёная улица». Он получил возможность создать отдел искусственного интеллекта (в Институте автоматики и процессов управления) и кафедру микроэлектроники (в Дальневосточном университете) и был избран членом Президиума ДВНЦ АН СССР. Ему было обещано, что, как только число сотрудников отдела перевалит за полусотню, отдел будет преобразован в самостоятельный институт.

Проблема создания искусственного интеллекта была в те годы необычайно

популярна. Особенно активно работали в этой области американцы, преуспевающие в эвристическом программировании и робототехнике. Однако подавляющее большинство разработчиков ориентировалось на использование традиционных ЭВМ с двоичной логикой. Революционность подхода Староса заключалась в том, что во главу угла ставилась задача создания некоей сверхсложной, самопрограммирующейся системы, содержащей несколько миллиардов активных элементов, собранных в единую, саморегулируемую суперсхему, которая по своим функциональным возможностям приближалась бы к возможностям человеческого мозга. Для решения этой задачи планировалось организовать научный поиск сразу по трём основным направлениям: по физике, схемотехнике и алгоритмизации. Старосу было не привыкать начинать новое дело на новом месте, он всегда добивался успеха, а потому был уверен, что добьётся его и в этот раз.

Те годы для Дальневосточного научного центра были романтическим периодом. Лаборатории, отделы и институты появлялись, как грибы-дождевики, и зачастую так же быстро исчезали. Сколько ярких личностей мелькнуло тогда на берегах Тихого океана, сколько увлекательных идей они провозглашали! Лёгкие на подъём, авантюристы по складу души, эти люди не укоренились на дальневосточной земле, оставив о себе лишь смутные воспоминания. Старос был не из их числа. За дело он брался мягкой, но мёртвой хваткой, а на удары судьбы отвечал упрямой американской улыбкой. Он изо всех сил был оптимистом. Когда во Владивостоке шли затяжные дожди, он весело восклицал: «Я чувствую себя как в Ленинграде!» Когда палило солнце, он опять улыбался: «Здесь совсем как в Сан-Франциско!» Выходя ни с чем из кабинета бюрократа, он убеждал окружающих: «Этот человек очень хочет пойти мне навстречу, но не имеет возможности». Он категорически отказывался считать переезд во Владивосток жизненным крушением. Новый виток спирали, новый старт, новая цель – только так настраивал он себя.

Первые трудности начались с набора кадров. Филипп Георгиевич надеялся, что вместе с ним во Владивосток приедет группа сильных специалистов, его ленинградских учеников-соратников, вокруг которых достаточно быстро сплотился бы работоспособный коллектив. При помощи А.П. Капицы ему даже удалось зарезервировать для них несколько квартир. Приехал один лишь к.т.н. Генрих Фирдман, который работал в ЛКТБ заместителем главного инженера и занимался в основном технологическими проблемами, но в последнее время увлёкся программированием. Он привёз с собой несколько молодых программистов и возглавил лабораторию алгоритмизации. Лаборатория схемотехники так и не была открыта, «ученики-соратники» не захотели последовать на край света за своим учителем.

К сожалению, на этот раз не поехал за ним даже Иосиф Берг, человек, который давно стал его вторым «я», которому он мог доверить абсолютно всё, и на которого, как на надёжную ломовую лошадь, можно было нагрузить любую работу и быть уверенным, что она будет сделана. Берг остался в ЛКТБ, удовлетворился должностью руководителя маленькой лаборатории. То ли он не поверил в «сумасбродные» идеи старого друга, то ли посчитал невозможным осуществить их на Дальнем Востоке, то ли просто укатили сивку крутые советские горки. Не нам судить его, тем более что и Старос его не судил. Они остались друзьями, но это уже была дружба иного сорта – ни к чему не обязывающая, не сцементированная общим делом и общей борьбой.

НОВЫЙ СТАРТ, НОВЫЕ ЦЕЛИ

Физическую лабораторию, получившую название «лаборатория управляемого роста микроструктур», Старос возглавил сам. Её костяк составили молодые кандидаты физико-математических наук Михаил Розовский, Виктор Лифшиц и автор этих строк.

Я познакомился со Старосом летом 1974 года, когда, окончив аспирантуру у академика Корсунского в Алма-Ате, вернулся во Владивосток и приискивал себе работу. Знакомство состоялось в кабинете Виктора Горчакова, который в то время был секретарем парткома ДВГУ, но одной ногой уже стоял в ректорском кабинете. Из предварительной беседы с Горчаковым я знал, что Старос то ли родился, то ли долго жил в Америке, а до приезда во Владивосток много лет работал в Ленинграде и был большим человеком в электронной промышленности, и что в ДВГУ он собирался открыть кафедру физической направленности и подбирал для этого подходящие кадры.

Мой будущий шеф оказался человеком небольшого роста, с лёгкой, ладно скроенной фигурой, с курчавой, начавшей сидеть шевелюрой и жёсткой щёточкой усов под характерным мясистым носом. Его тёмно-коричневые, чуть навывкате глаза смотрели внимательно и цепко. Он излагал свои идеи по созданию систем искусственного интеллекта, осуществить которые намеревался во Владивостоке. Для меня, занимавшегося до этого обыкновеннейшей физикой твёрдого тела, его слова воспринимались как фантастика. В то же время от моего собеседника исходила странная магическая сила, которая заставляла верить, что этот человек сумеет добиться того, чего захочет.

Я подумал, что с таким человеком будет трудно, но интересно. Что же до самой идеи создания искусственного, кристаллического мозга, то первой моей реакцией была скептическая мысль, что это невозможно в принципе. Потому что кристалл есть нечто жёсткое, застывшее, раз и навсегда упорядоченное, мозгу же должна быть присуща гибкость, постоянная изменчивость и – по большому счёту – даже непредсказуемость, алогичность функционирования. Если к нему и можно приблизиться искусственным образом, рассуждал я, то, наверное, только с использованием каких-нибудь квазибиологических структур.

Я поделился этими сомнениями со Старосом, и он ответил, что подобные рассуждения верны лишь для кристаллических структур больших размеров. Что же касается микроструктур, в которые войдут считанные количества атомов (*то, что сегодня называется наноструктурами!*), то их поведение не будет жёстко детерминировано – оно описывается вероятностными законами квантовой механики и статистики и будет в достаточной степени алогично. Разумеется, кристаллический мозг никогда не станет полным аналогом живого человеческого мозга, как самолёт не есть полный аналог птицы, но в своих основных функциях, в способности решать сложные и даже творческие задачи он может приближаться к своему прототипу весьма близко, а кое в чём (например, в быстродействии) даже превосходить его. Эта аргументация показалась мне убедительной и кажется таковой до сего дня, хотя в ней и поныне остаётся элемент фантастики. Но фантастика – это всего лишь смелое предвидение, не так ли?..

Вторая проблема, которая практически всегда возникает при создании любой новой организации – это проблема рабочих площадей. Отдел Староса формально входил в состав Института автоматики и процессов управления, но директор института академик Воронов при каждом удобном случае не уставал повторять,

что тематика Староса не соответствует профилю института, и не выделял ему ни единого квадратного метра. Горчаков, который, будучи кандидатом наук, стал ректором ДВГУ, тоже не спешил расщедриться. Возможно, он опасался, что ежели этому «прыткому американцу» дать волю, то через несколько лет он станет в университете первым человеком, если не номинально, то реально.

Чтобы обеспечить отдел крышей и стенами, Филипп Георгиевич использовал всё свое американское обаяние и красноречие, обхаживая различных городских боссов (партийных, военных, хозяйственных), но тщетно. Его с интересом выслушивали и... ничего не давали. Искусственный интеллект – это звучало слишком нереально, а опальная слава хотя и придавала Старосу ореол мученика, но настораживала и отпугивала.

Несколько комнат для теоретических занятий (в здании общежития) выделил А. Капица. Но время шло, уже начало поступать оборудование для физических исследований – проблема площадей становилась всё острее. Помощь пришла с неожиданной стороны. Приют новому научному направлению дал директор школы-интерната N2 Николай Дубинин, народный учитель СССР, почётный гражданин Владивостока. Сам новатор и романтик, физик по образованию, он сумел угадать ту неизмеримую пользу, которую смогут получить школьники от тесного общения с современной наукой. Многие из них потом поступили в престижные вузы, некоторые стали сотрудниками лаборатории Староса.

Помещения, полученные в интернате, были не слишком подходящими для развития суперсовременной технологии – в основном лаборатория расположилась в полуподвале. Но Старос оставался верен своему оптимизму. «Ничего, ребята! – говорил он. – Генри Форд тоже начинал в сарае. Главное, что у нас уже есть оборудование и можно приступить к работе».

Как же представлял он себе ту работу, ради которой приехал во Владивосток? Вот отрывок из его доклада на собрании Отделения механики и процессов управления АН СССР в 1976 году:

«В развитии теории СИИ (систем искусственного интеллекта) ещё нельзя чётко определить все технические требования к будущей элементной базе и, следовательно, к физико-технологическим принципам её создания. Можно наметить, однако, ряд важнейших требований общего характера.

Первое требование: повысить эффективную плотность упаковки элементов не на два порядка, как это намечается в перспективных разработках микроэлектронных интегральных схем, а на пять и более. Второе требование: предусмотреть возможность установления иерархической системы параллельных и ассоциативных связей на всех уровнях, как внутри интегральных блоков, так и между ними.

Передача конструкторской информации при выращивании микроструктур должна осуществляться таким образом, чтобы носитель информации (луч) был одновременно и инструментом воздействия на растущую поверхность, активизирующим её для селективного легирования или модификации. Количество информации будет весьма велико, и для достижения приемлемой скорости мы отдаём предпочтение параллельной передаче в виде целых изображений, а не последовательной – в виде сканирующего луча. Изображения могут быть электронными или световыми, и выбор между ними откладывается до получения результатов по активизации растущей поверхности».

Даже из этого краткого отрывка видно, что программа работ намечалась

обширная, её с лихвой хватило бы на целый институт, и даже не на один. Из оборудования к тому времени имелись электронный микроскоп, пара напылительных агрегатов, несколько лазеров и только что доставленная из Франции сверхвысоковакуумная установка фирмы «Рибер», оснащённая дифрактометром медленных электронов.

Исследования начались одновременно в нескольких направлениях. В качестве основного материала был выбран кремний – как наиболее изученный и широкодоступный полупроводник. Вскоре были получены первые результаты, касающиеся кристаллизации, поверхностной диффузии, импульсного воздействия. Коллектив пополнялся молодыми, полными энтузиазма сотрудниками, публиковались статьи, делались доклады на конференциях. Оказалось, что кремний не так уж хорошо изучен, как считалось. В условиях сверхвысокого вакуума он задавал много загадок, и каждый ответ влёл за собой новый вопрос.

Активно действовала и лаборатория алгоритмизации. Но это была своеобразная активность. По замыслу Филиппа Георгиевича, главной задачей лаборатории должно было стать определение алгоритмов функционирования будущего искусственного мозга, чтобы впоследствии это позволило схемотехникам спроектировать соответствующие этим алгоритмам электрические схемы, а физикам вырабатывать, согласно этим схемам, свои микрокристаллические структуры. У Фирдмана, однако, были другие заботы. Он принял участие в работе международной конференции по искусственному интеллекту (Тбилиси, 1975), познакомился там с ведущими американскими специалистами и засел за написание монографии. Его сотрудники занимались в основном систематизацией и анализом зарубежных статей, подготовкой материалов для книги своего шефа. Они получали хорошую школу (в смысле ликбеза), но, к сожалению, их работа никак не была связана с теми идеями, которые намеревался развивать Старос, т.е. с созданием кристаллического мозга. Филипп Георгиевич это понимал, но оправдывал своего коллегу тем, что Фирдману, конечно же, надо защищать докторскую, но уж потом он подключится на полную мощность. Между ними были очень близкие, доверительные отношения.

Старос был вообще удивительным человеком, он умел ладить с самыми разными людьми, умел расположить их к себе. На работе это в первую очередь проявлялось в том, что он никогда не занимался мелочной опекой. Если уж доверял человеку, то доверял по большому счёту. А вне работы...

Интеллигенция Владивостока до сих пор помнит музыкальный салон Староса в Доме учёных, где при свечах и чае можно было послушать и Гайдна, и «Битлз». Он приглашал туда всех своих сотрудников, независимо от ранга, так же как и на заседания английского клуба, так же как и в яхт-клуб, где был президентом (яхт-клуб ДВО РАН до сих пор в конце каждого сезона проводит общегородскую регату на кубок памяти Староса). Он любил жизнь и учил других этому искусству. А любить нашу, советскую жизнь было ох как непросто. «Как хочется подрагаться!» – восклицал он не однажды, натываясь на беспринципность научных, партийных и прочих чиновников, но всякий раз останавливал себя: «Нет, Фил! Драться ты не имеешь права. Эта страна тебя приютила, ты должен быть ей благодарен. В чужой монастырь со своим уставом не ходят». Никогда, ни разу, даже в самые трудные минуты не высказал он сожаления о том, что уехал из Америки. И детей своих воспитывал в этом же ключе.

Как я уже говорил, детей у них с Анной Петровной было четверо. Старшая

дочь Мила осталась в Ленинграде, а остальные – Кристина, Антонина и сын Николас – приехали с родителями во Владивосток, учились в университете, работали. Анна Петровна преподавала английский, занималась переводами. Вместе с Кристиной организовала на Приморском телевидении учебную передачу «Ду ю спик инглиш?», сразу завоевавшую большую популярность. Наблюдая эту активную, счастливую семью, трудно было представить, какую внутреннюю драму приходилось им преодолевать ежедневно и ежечасно.

Связанные по рукам официальной «легендой», родители скрывали даже от собственных детей многие факты своих подлинных биографий. Даже после смерти Филиппа Георгиевича, когда Николас решил установить, наконец, связи с американскими родственниками, Анна Петровна отказывалась сообщать ему настоящую фамилию отца (и свою тоже) – так был силен в ней застарелый страх перед всесилием ФБР и КГБ. И только благодаря настойчивости Николаса, благодаря тому, что в одном из американских научных журналов ему посчастливилось натолкнуться на фамилию человека, о котором отец рассказывал как о своём друге, эта связь была всё-таки установлена, и Анна Петровна смогла получить письма от дочери и сына и от своей девяностотрёхлетней матери.

Существует мнение, что если бы Старос не поехал во Владивосток, если бы не ввязался в битву за звание члена-корреспондента, он остался бы жив. Возможно. Но, во-первых, остаться в Ленинграде означало бы смириться с поражением, а против этого восставала вся бойцовская сущность Староса, вся его неукротимая натура, унаследованная от предка-спартанца. Он любил «подраться» и слишком часто страдал оттого, что ему приходилось сдерживать свою природу. Кинувшись на Дальний Восток, начав новое, грандиозное дело, Филипп Георгиевич хотел доказать (друзьям, министру, самому себе), что его песня не спета, что он ещё будет гарцевать на белом коне.

Во-вторых, стать членом-корреспондентом не было для него самоцелью. Он знал себе цену, его имя официально входило в двадцатку крупнейших изобретателей страны наряду с именами Туполева и Королёва. Но, придя в академию, он вдруг обнаружил, что в этой среде его мало кто знает. «Кто такой Старос? – говорили о нём. – Это тот, который из Америки? Кажется, он что-то изобрёл. Но разве он учёный? Он даже не член-корреспондент!» Филипп Георгиевич понимал, что, только обретя статус члена Академии, он сможет по-настоящему развивать то направление, ради которого приехал на Дальний Восток.

ПОСЛЕДНИЙ РАУНД

Ситуация стала особенно острой, когда Андрея Капицу «ушли» с поста председателя Президиума ДВНЦ и на его место прибыл из Магадана академик Шило, крупный геолог, специалист по золоту. Вознамерившись навести в Научном центре жёсткий порядок, новый «президент» решил лично ознакомиться с деятельностью лабораторий всех владивостокских институтов, которые, по его мнению, в излишне большом количестве расплодились под «курортным» солнцем Приморья. Посетив лабораторию Староса, выслушав его соображения по созданию искусственного интеллекта и увидев вакуумные установки, в которых можно напылять любые материалы, академик посоветовал заняться... золочением ложек. «Я недавно был в Японии, – сказал он. – Там достигли в этом деле большого прогресса». – «Да-да, – вежливо ответил Старос. – Мы обязательно подумаем

над этим. Но вообще-то девяносто процентов мирового золота идёт на нужды электронной промышленности». И окончательно понял, что, только став членом корпорации, сможет вытащить свой отдел из подвала и превратить его в институт.

Филипп Георгиевич умер в Москве, во время выборов в члены-корреспонденты 12 марта 1979 года. Его надорванное сердце не выдержало напряжения борьбы. Он скончался на руках у друзей в машине, мчавшей его по Ленинскому проспекту в академическую больницу, и последними его словами было удивлённое восклицание: «Ребята! Я теряю сознание...»

Незадолго до смерти Старос получил письмо от министра электронной промышленности Шокина. Министр выражал сожаление (наконец-то!) по поводу ухода Староса из отрасли и предлагал обсудить возможности сотрудничества. Филипп Георгиевич поехал в Москву и выступил на коллегии министерства, получил добро на создание во Владивостоке (при университете) отраслевой лаборатории микроэлектроники. В это же время он получил финансовую (валютную) поддержку в Госкомитете по науке и технике и смог купить ещё одну импортную исследовательскую установку. На письме-ходатайстве президент АН СССР Александров поставил резолюцию следующего содержания: «Эти работы важны не только для ДВНЦ, но и для всей науки в целом».

Незадолго до смерти Староса от него уехал Фирдман...

Конечно, пути Господни неисповедимы, но лично я не сомневаюсь, что одной из основных причин смерти Староса была история с Фирдманом. Ведь первый инфаркт, перенесённый Филиппом Георгиевичем на ногах, грянул отнюдь не в связи с выборами. Его причиной послужило решение Фирдмана уехать из Владивостока: сначала в Ленинград, а потом – в Америку.

Генрих (Эрик) Фирдман был для Староса не просто сотрудником и даже не просто учеником. Он был его воспитанником, почти сыном. Именно Фирдману Старос доверял все свои помыслы, с ним обсуждал самые сокровенные планы. Пройдя под крылом Староса путь от студента до заместителя главного инженера ЛКТБ, Фирдман во Владивостоке заменил ему Берга, стал той точкой опоры, без которой Старос не мог существовать – ему был нужен хоть один человек, который верил бы в него до конца и на которого он сам мог положиться. И вот этот человек его предал. Я думаю, что Фирдман с самого начала не собирался задерживаться на этой стороне Тихого океана. Ещё в 1973 году, когда Староса сняли с должности начальника ЛКТБ, Фирдман понял, что кончилась и его карьера. Он решил уехать в Америку, но сразу не мог этого сделать, потому что работал в системе электронной промышленности и должен был подвергнуться, как минимум, пятилетнему «карантину». Именно пять лет он и «отсидел» во Владивостоке, а за это время сделался специалистом по американской версии искусственного интеллекта, установил связи с учёными Стэнфорда и Массачусетса и организовал вызов за границу. Всё это время он много внимания уделял шлифованию языка, и тут общение со Старосом и его семьёй было просто незаменимо.

Сейчас принято говорить положительно о тех, кто уехал на запад во время застоя. Смею уверить, что Фирдман уехал не потому, что его убеждения шли впереди перестройки. Он мечтал о жизни, достойной «белого человека», о десятках тысяч годового дохода, о вилле с бассейном, о двух автомобилях. По имеющимся у меня сведениям, он всё это получил (и в этом ничего плохого нет), но Старос – мёртв! И мир много потерял от этой смерти.

Андрей ХВАЛИН

«МИР СО ВСЕМИ ЯЗЫКИ»

Начавшееся во Владивостоке открытием выставки художественных работ Великой Княгини Ольги Александровны празднование 400-летия воцарения Династии Романовых стремительно набирало обороты. Газеты советской поры о таких событиях сообщали во всю полосу под шапками вроде этой: «юбилей шагает по планете». Председатель Благотворительного фонда имени Е.И.В. Великой Княгини Ольги Александровны О.Н. Куликовская-Романова по благословению митрополита Владивостокского и Приморского Вениамина и приглашению Координационного совета соотечественников в Китае с 8 по 12 февраля 2013 года совершила поездку в Харбин. В состав российской делегации входили: секретарь фонда, писатель А.Ю. Хвалин, директор Приморского краевого музея им. В.К. Арсеньева В.А. Шалай, сотрудник музея М.И. Барина, фотограф В.С. Маслий.

Неоценимую помощь в организации и проведении визита оказал один из руководителей харбинского Русского клуба, историк и публицист С.Ю. Ерёмин. Он и встречал вместе с китайскими товарищами высокую гостью и сопровождающих её лиц в аэропорту.

По случаю прибытия делегации председатель Координационного совета соотечественников в Китае Михаил Дроздов 8 февраля 2013 г. направил О.Н. Куликовской-Романовой приветствие: «Многоуважаемая Ольга Николаевна! От имени российских соотечественников, проживающих в Китае, приветствую вас в Харбине – городе, который наряду с Парижем и Берлином являлся одним из главных центров русского рассеяния; городе, в котором русская жизнь в её истинном понимании долгие годы не прекращалась и после революции 1917 г.

Нам известно, что семья Куликовских-Романовых всегда была теснейшим образом связана с жизнью русских людей, как на Родине, так и в эмиграции. Наслышаны мы и о тех добрых делах, которые связаны с работой вашего Благотворительного фонда.

Убеждён, что наши соотечественники, ныне живущие в Харбине, окружают вас теплом и вниманием, много поведают о славной истории этого города, расскажут о современной жизни россиян в Китае, наших делах и мечтах.

Пользуясь случаем, поздравляю вас с 400-летием Дома Романовых! Успехов и помощи Божией в вашем служении».

Действительно, «русские харбинцы» сделали всё возможное, чтобы достойно и сердечно встретить О.Н. Куликовскую-Романову на китайской земле. Современный девятимиллионный Харбин начинался как станция Китайской Восточной железной дороги, которая в свою очередь была частью Транссибирской магистрали, заложенной в 1891 году во Владивостоке Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем, будущим святым Царём-страстотерпцем. Возведённый по самодержавной воле город в своём архитектурном облике, особенно

в центральных исторических кварталах, имеет русские черты, так что даже сами китайцы называют его «маленькая Москва». У Харбина и последнего на данный момент Царя из Династии Романовых один небесный покровитель – святой Николай Угодник. При всём многообразии оттенков переплетения восточной и европейской традиций город сохранил в топонимике, архитектурных памятниках, повседневной жизни чувство непрерывности течения «реки времени».

Ничто так зримо не подчеркивает эту связь, как старый паровоз, установленный возле бывших железнодорожных мастерских и кажущийся крохотным на фоне современных небоскрёбов и высотных зданий. Мой двоюродный прадед, Александр Андреевич Клыжко (1896-1938), как установила родосвед нашей семьи Т.К. Кушнарёва, работал с 1925 до 1934 года, до возвращения в СССР, токарем механического цеха железнодорожных мастерских депо г. Харбина. В 1938 г. расстрелян в тюрьме г. Казани. Поводом стала жизнь в Харбине. Военным трибуналом Приволжского военного округа Александр Андреевич Клыжко 29.10.1963 г. посмертно реабилитирован за отсутствием в его действиях состава преступления (архив управления ФСБ России по Чувашской республике. Архивное уголовное дело № 4427).

Паровоз стал одним из первых «экспонатов» нашей обзорной экскурсии по Харбину, которую увлечённо и со знанием дела провёл Сергей Ерёмин. Осмотрели мы здания Железнодорожного собрания, Управления КВЖД, консульства Российской Империи, резиденцию управляющего дорогой Д.Л. Хорвата, Харбинский политехнический институт, особняк И.Ф. Чистякова, дом А.К. Левтеева, проехали по многим бывшим «русским» улицам, проспектам, площадям – Офицерской, Полицейской, Василия, Извозчика и даже современной – улице Гоголя, на которой открыт небольшой музей великого русского писателя с занятным экспонатом, видимо, для антуража – старым телефоном, хотя в гоголевские времена современники писали друг другу письма, а не разговаривали по телефонам. Заглянула Ольга Николаевна и в знаменитые «чуринские магазины», торгующие с царских времен вкуснейшими колбасами и квасом, а ныне выросшие в супермаркеты с огромным ассортиментом товаров. Благо и повод был подходящий – в ночь с 9 на 10 февраля мы отметили китайский Новый год. И в Поднебесной наступил год 400-летия воцарения Дома Романовых.

Возникший в эпоху правления святого Царя-страстотерпца Николая II Александровича город начинался не только с железной дороги, но и с первой небольшой церкви в честь святителя Николая Мирликийского. К началу 1940-х в Харбине насчитывалось более 20 православных храмов, из них несколько свято-никольских. До освобождения города от японских захватчиков советскими войсками во всех православных храмах в «День скорби» с 16 на 17 июля поминались Августейшие мученики. Местная пресса так рассказывала о 19-ой годовщине Екатеринбургского злодеяния:

«Утром панихиды были отслужены во всех храмах города и привлекли массу русских людей, пришедших помолиться об упокоении души Государя Императора и членов Августейшей Семьи. Вечером панихиду служили в Св.-Николаевском соборе, куда задолго до начала – в 5 часов – стали стекаться толпы людей. Был заполнен весь храм, всех не вмещала и его ограда. Много молящихся стояло на Соборной площади. Вокруг ограды собора выстроились легковые машины русских шофёров с трёхцветными флажками и траурными лентами на них

Правящий архиепископ Мелетий обратился к молящимся со словом, которое

начал с указания на неизбежность печали в земной жизни человека, и что особенно тяжка греховная печаль. Таковая лежит на русском народе, допустившем страшное злодеяние – убийство своего Государя и Его Семьи, а также преданных ему людей. Только всеобщее покаяние способно, по словам владыки, прекратить это состояние. Далее он говорил о подвиге Царской Семьи, которая несла тяжкий крест, особенно тяжёлый своей незаслуженностью.

После духовного слова владыки на паперть храма вышел крестный ход. Началась панихида, которую совершали три архипастыря – Мелетий, архиепископ Нестор и епископ Димитрий, в сослужении с протоиереями. Пел соборный хор под управлением регента Д.Я. Попова.

В этот день велась траурная программа харбинской радиостанции, вещавшей на русском языке; в завершение передачи был исполнен русский национальный гимн «Боже, Царя храни!»...

В 1936 году в Харбине по благословению архиепископа Нестора (Анисимова), бывшего Камчатского, и по проекту архитектора М.М. Осколкова была возведена Часовня-памятник Венценосным мученикам – Императору Николаю II Александровичу и югославскому Королю-рыцарю Александру I Карагеоргиевичу. Сестра Короля Александра, княгиня Елена Петровна, была замужем за князем Императорской крови Иоанном Константиновичем, убиенном вместе с другими членами Императорской Фамилии под Алапаевском, и чьи останки были доставлены через Харбин в Пекин. Владыка Нестор называл часовню «елеем русского покаяния и скорби». Часовня располагалась на Батальонной улице, 24, при храме иконы «Всех скорбящих Радосте» (в ограде Дома Милосердия).

Существующую духовную связь между убиенными правителями двух братских стран чувствовали и на другом конце земли – в Сербии. В Свято-Троицкой русской церкви в Белграде есть икона под сенью в киоте свт. Николая Чудотворца и св. блг. Вел. Князя Александра Невского. Надпись на переднем крае сени: «В память в Бозе почивших мучеников за славянство Императора Николая II и Короля-рыцаря Александра». Летом прошлого года Ольга Николаевна Куликовская-Романова молилась у этой иконы, а в феврале 2013-го посетила святое место, где некогда возвышался красавец-собор. Нет теперь ни Свято-Никольского храма на Соборной площади Харбина, ни часовни-памятника Венценосным мученикам – погибли во времена так называемой «культурной революции». Но ангелы церкви не могут покинуть свой пост у священных мест, они ждут людского покаяния и вразумления.

В России опаматование народа началось расследованием цареубийства и продолжилось восстановлением Династии Романовых на Всероссийском престоле Приамурским Земским Собором в июле-августе 1922 года во Владивостоке. Собор был созван по благословению Святейшего Патриарха Тихона во многом благодаря усилиям епископа Нестора Камчатского. Возглавил эти два великих деяния один человек – генерал-майор царского производства Михаил Константинович Дитерихс. Некоторое время, перед тем как отправиться возглавить Приамурский Земский край, он жил в Харбине, сапожничал, вырученные деньги тратил на воспитание детей-сирот погибших офицеров, написал здесь по материалам следствия книгу «Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале».

В то время, как в Харбине жил М.К. Дитерихс, у алтаря Иверской церкви были с почестями похоронены израненные останки его боевого товарища – генерала Владимира Оскаровича Каппеля, умершего от ран в Великом сибирском ледяном

походе в январе 1920 года. Дочь участника Первого кубанского ледяного похода, есаула Николая Николаевича Пупынина, Ольга Николаевна Куликовская-Романова посетила Иверскую церковь и отдала дань памяти генералу В.О. Каппелю и всем белым героям. Ныне прах одного из вождей Белой борьбы, усилиями в том числе «последнего русского харбинца» Н.Н. Заики и нашего гида С.Ю. Ерёмкина, вернулся на родину и обрёл вечный покой на кладбище московского Донского монастыря.

В самом же Харбине в связи со стремительной городской застройкой русские захоронения перенесены на последнее русское харбинское кладбище «Хуаншань». Одна его часть – могилы советских воинов под пятиконечными звёздами – приведена в образцовый порядок на средства российского правительства. Это лежат в китайской земле «павшие в боях за свободу и независимость Союза Советских Социалистических республик» товарищи-фронтовики моего тестя, Владимира Васильевича Бугаева, дай Бог ему здоровья. Оставшиеся тогда в живых победители, как вспоминает офицер-артиллерист В.В. Бугаев, танцевали с местными девушками, разумеется, с русскими, дочерьми работников КВЖД и эмигрантов. Вспоминал и ресторан, в котором они, молодые офицеры, слушали песни Вертинского, и прочие, запавшие с тех пор в память чёрточки из харбинской жизни...

Другая часть русского кладбища «Хуаншань» – захоронения старых харбинцев под крестами – имеет благообразный вид благодаря пожертвованиям и стараниям членов Русского клуба и православной общины. Здесь есть и чисто русские могилы, и такие, где встречаются надписи и на китайском языке, говорящие о родственных узах упокоившихся. Достойный вид имеют могилы священнослужителей: протоиерея Н. Кикловича (1886-1959), о. Михаила Авсенева (1889-1959), насельников бывшего Свято-Казанского Богородицкого мужского монастыря – схиигумена Игнатия (1865-1958) и схиигумена Серафима (Иван Васильевич Жигулин, 1898-1958) и другие.

Отразились противоречия былой эпохи и на памятниках: прежнюю советскую символику на обелисках в честь лейтенанта (на памятнике – капитана 2-го ранга) А.А. Корнильева, командира миноносца «Решительный», участвовавшего в первом бою с японским флотом под Порт-Артуром в 1904 году, и русских воинов, погибших во время Русско-японской войны 1904-1905 гг., заменили теперь православные кресты. Обе части современного русского харбинского кладбища – и царско-эмигрантскую, и советскую – примиряет господствующий надо всем окружающим пространством крест кладбищенской церкви. Со святыми упокой, Господи, души усопших рабов Твоих православных людей в земле китайской упокоившихся, и память сердца о них пусть будет крепка из рода в род!

Молитвенно поминали живых и усопших сродников члены харбинской православной общины в Покровском храме, собравшись на службу мирским чином 10 февраля, в воскресенье, 2013 года. Прихожане вместе с О.Н. Куликовской-Романовой молились святым Царственным страстотерпцам, акафист которым прочёл писатель Андрей Хвалин. И русские, и полукровки, и китайцы единым сердцем и устами зывали: *Радуйся, мечи на орала прековати народы призывай; // Радуйся мир имети со всеми языки преискренне желавый* (Икос 10). Дай Бог, в скором времени вернуться обучающиеся в Московской и Санкт-Петербургской духовных семинариях китайские кандидаты в священники, получив образование и посвящение, и тогда богослужения в Покровской церкви, а, может быть, и других

городских храмах будут совершаться полным чином. А зданий русских православных церквей в Харбине сохранилось ещё достаточно. Высокая гостья и члены делегации посетили помимо уже названных ещё некоторые из них – Софийский собор, ставший символом Харбина, и Свято-Алексеевский храм на улице Гоголя. И везде ангелы церкви ждут молящихся и трудящихся.

Настоящими тружениками и гостеприимными хозяевами показали себя члены Русского клуба и православной общины. Встречи с ними запомнились теплотой и радушием. В дружеской обстановке О.Н. Куликовская-Романова рассказывала нашим харбинцам о Династии Романовых, о 400-летнем юбилее, о Великой Княгине Ольге Александровне, сестре Царя-страстотерпца Николая Александровича, о выставке акварелей Августейшей художницы, которая проходила в эти дни во Владивостоке, отвечала на их многочисленные вопросы. Совсем по-домашнему прошёл приём у казначея Русского клуба Людмилы Бойко, где много интересно рассказали высокой гостье ответственный редактор русскоязычного журнала «Партнёры» – органа Пресс-Канцелярии Госсовета КНР Лариса Жебокритская и активист клуба Аркадий Вершинин. На славу удалась и заключительная встреча, на которую специально прибыл Секретарь-референт Генконсульства РФ в Шеньяне Александр Андреевич Калинин, через которого О.Н. Куликовская-Романова передала работникам Генконсульства памятный знак в честь 400-летия воцарения Династии Романовых. В библиотеку Русского клуба и православной общины Ольга Николаевна преподнесла в дар издания фонда имени Е.И.В. Великой Княгини Ольги Александровны, а также совершила и другие дела милосердия и благотворительности, о которых ведаёт Господь. В ответ хозяева преподнесли Ольге Николаевне чудный памятный каравай и замечательное исследование Н. Крадина «Харбин – русская Атлантида».

Особая благодарность всем помогавшим в организации визита – переводчицам Жанне (Иоанне) Васильевой, Марине Дятловой, хозяйке пекарни Ольге с китайским мужем Сергеем, испёкшим вкуснейшие пирожки и каравай, заботливой хозяйке Элеоноре (Елене) Валентиновне Ереминой, Ларисе Ивановне Сокол, Кате и Нине из китайской православной общины, милым девушкам – Наташе, Юле, Алёне, преподавателям русского языка в университете ТаШИда Галине Карчевской с мужем и многим другим. Именно тепло их сердец не позволило нам окончательно промёрзнуть в солнечном и холодном китайском Харбине, украшенном красными новогодними фонарями.

Как и в России, новогодние празднества в Китае длятся две недели и завершаются каждый пятнадцатый день первого месяца по лунному календарю праздником фонарей Юаньсяоцзе, или Дэнцзе, знаменующим окончание праздника Весны или традиционного Нового года.

Обычай зажигать в этот день красочные уличные фонари очень древний. По одним данным, праздник начали отмечать ещё за 180 лет до Р.Х. Согласно легенде, представитель династии Западная Хань по имени Вэньди был провозглашён императором именно в этот день. В честь этого он повелел везде развесить красные фонари, что переросло в традицию. В 104 году до Р.Х. праздник фонарей становится государственным. И в России дни коронования и венчания на царство наших Самодержцев были особо торжественными церковными и государственными праздниками.

По сложившейся традиции, китайский Новый год – праздник семейный, все дома сидят, и поэтому в эти дни самолёты из Владивостока в Харбин не летают.

Господь судил нам возвращаться на родину по бывшей Китайско-Восточной железной дороге. Поезд на Суйфэньхэ уходил в ночь. На замёрзшем до изморози тамбурном окне я оттаивал ладонью округлый просвет. Он почему-то напоминал мне любимый снимок Ольги Николаевны Куликовской-Романовой из хранящегося в её архиве «Царского альбома». На нём Государь Николай Александрович и Его Сестра, Великая Княгиня Ольга Александровна сфотографированы как бы изнутри автомобиля или купе поезда. Сам снимок имеет овальную форму. На нём святой Царь и Его любимая младшая Сестра ещё живы, ещё счастливы. Мне, как и Ольге Николаевне, этот снимок тоже очень нравится.

На тамбурном стекле холод всё время пытался сковать льдом расчищенный участок. Приходилось его постоянно оттаивать, чтобы хоть одним глазом взглянуть на пронсящуюся в ночи китайскую жизнь. Повсюду в мимобегущих городах и селениях горели красные новогодние фонари. Они обещали и китайцам, и русским счастье – наступившее и грядущее, как гласит новогодний иероглиф. С каждым ударом колёсной пары на стыках рельс любимая родина становилась ближе. Никогда не пойму русских, покинувших Отечество по собственной воле. И как бы ни описывали они мне прелести зарубежной жизни, ни за какие сладкие пряники не остался бы на чужбине. Это, наверное, русская генетическая память – вот и Ольга Николаевна Куликовская-Романова, даже родившись в братской Югославии, вернулась на родину предков и живёт постоянно в России, выезжая в зарубежные поездки по необходимости и благословению.

В холодном вагонном тамбуре поезда Харбин – Суйфэньхэ всплыли в памяти строчки моего друга, приморского поэта Владимира Тыцких о метелице на родине: «Экая силища неукротимая!//Птице ли, зверю ли – несдобровать.//Как же любить надо землю родимую,//Чтобы до смерти на ней зимовать!»

Россия встретила нас в порубежном пункте Гродеково ярким солнцем, теплом родных сопок и сердечным радушием пограничников и таможенников. Ждавшие делегацию машины, любезно предоставленные городской администрацией Владивостока, резво помчались к краевому центру. «Лошадки» всегда быстрее к дому бегут. Ничего, теперь всё будет хорошо – перезимуем долгое безцарское время.

Владивосток – Харбин – Суйфэньхэ – Гродеково – Владивосток

«СЛОВЕСА МЯТЕЖНА...»

*Ответ редактора книги «Живый в помощи»
автору критической статьи и редакции «Литературной газеты»*

Реплика писателя В.Н. Крупина «От плясок в храме к ловле блох» на РНЛ (сайт «Русская народная линия» – прим ред.) от 11.10.2012 г. в защиту книги лауреата Патриаршей литературной премии Виктора Николаева «Живый в помощи» заставила внимательно ознакомиться с её так называемой «критикой». Тем более что прозвучала она со страниц авторитетной в писательских кругах «Литературной газеты». Правда, из уст незнакомого мне прежде автора Юрия Комягина из города Гродно Республики Беларусь.

Если творчество В. Николаева сегодня широко представлено не только в России, но и братских Украине и Белоруссии, то работ Ю. Комягина мне удалось найти не много. Судя по всему, его перу принадлежит разбор одной из книг М. Веллера и несколько беллетристических вещей, размещённых на сайте журнала «Самиздат». Возможно, что есть и другие, такие же глубоко «самиздатовские» – в данном случае это не столь важно. Понятно с первого взгляда, что В. Николаев и Ю. Комягин – фигуры несопоставимые по литературно-общественному значению, и целью публикаторов, как справедливо отметил В.Н. Крупин, была дискредитация Патриаршей литературной премии, а шире – Русской православной церкви.

Судя по складывающейся ныне ситуации, нападки на прошлых и будущих лауреатов и номинантов Патриаршей литературной премии будут продолжаться, в том числе из профессиональной писательско-критической среды. Они могут иметь внешне доброжелательную форму, хотя по существу будут носить уничижительный богоборческий характер. Тем самым наносится духовный урон авторам и вызывается смущение у православных читателей. Поэтому необходимо взглянуть на комягинскую «первую ласточку» внимательно.

В писательско-издательско-журналистском сообществе хорошо известен приём, когда при столкновении общественных сил, группирующихся вокруг сильных центральных лидеров, используются периферийные авторы. Так и в нашем случае. Редакции «Литгазеты» не с руки от имени штатных сотрудников участвовать в развернувшейся травле Святейшего Патриарха Кирилла и одного из его любимых детищ – литературной Патриаршей премии. Поэтому используется текст автора из сопредельного государства, к которому присовокупляется внешне благопристойный, но пустой по смыслу довесок «от редакции». У читателя создаётся впечатление, что «Литературная газета» ратует за повышение престижа Патриаршей литературной премии, ратует за повышение качества произведений номинантов, обличает недобросовестных людей, выдвинувших на премию низкопробное произведение и тем самым поставивших в неловкое положение Святейшего Патриарха. А на самом деле занимается чистейшим подлогом, печатает на своих страницах «слова мятежна», сеет, как плевелы, смуту и раздор.

Автор заметки «На какую ногу опирался маршал Жуков?» ЛГ №37 (6384) 2012-09-19 Ю. Комягин называет себя читателем «дотошным, придирчивым, въедливым» и, взяв 12-е издание главной книги В. Николаева «Живый в помощи», начинает её препарировать, как Иванушка лягушку из кузнецовской «Атомной сказки». Критик «со счастливой улыбкой» желает увидеть в тексте будни Афганистана, но начинает с биографии предков главного героя, уличает автора во лжи, а дальше пошло-поехало, чтобы подвести читателя к главному выводу: автор – обыкновенный конъюнктурщик, бывший в Афганистане «политруком», а затем перекрасившийся в православного, чтобы выгодно продать свой низкопробный товар. Ю. Комягин так прямо и пишет: «Почему эта беспомощная псевдодокументальная книга выдержала столько изданий? Ответу. Лишь потому, что автор завернул своё несъедобное варено в религиозную обёртку. В ином случае сочинение Виктора Николаева просто кануло бы в безвестность».

Дорогой о Господе Юрий Комягин из Белой Руси! Позвольте и мне как русскому православному человеку и редактору книги Виктора Николаева «Живый

в помощи» Вам ответить. Зря Вы так отнеслись к советскому офицеру и хорошему писателю. Обвинили его во всех тяжких, нанесли удар в спину. Поступили как предатель в белорусском партизанском отряде. Представьте: десант с «большой земли» на помощь прилетел, а его немцы встречают во главе с перебежчиком Ю. Комягиным. Нехорошо получается. Не по-людски, не по-братски. А ведь В. Николаев наше единое Отечество защищал и защищает сначала оружием, а теперь пером. Делает это Виктор Николаев, насколько Бог дал сил и таланта. Может, лучше было бы помочь автору, если где-то, как Вы считаете, он ошибся, подставить, как говорится, братское плечо?! Послали бы свои замечания Виктору лично, а в редакции «Литгазеты» подсказали бы адрес, если бы сами не нашли. Но Вы сразу «выстрелили» из-за угла на глазах всего честного народа. Уверен, Виктор Николаев с Божией помощью переживёт и эти «словеса мятежна». Не впервой. Но пуля, отлитая Вами и выпущенная редакцией «Литгазеты», согласно законам духовной войны, может вернуться теперь уже в Ваше сердце. А мне этого страшно не хочется. Поэтому не сердитесь на меня и воспринимайте мой публичный ответ на Вашу «литгазетовскую» заметку как братское разъяснение и взвешивание.

У меня нет под рукой 12-го издания книги В. Николаева «Живый в помощи», которым пользовались Вы для «ловли блох», по меткому выражению В.Н. Крупина. Самое первое куда-то запропастилось на книжных полках, зато быстро отыскались третье (Живый в помощи. Записки «афганца». Издание третье, исправленное и дополненное. Владивосток-Москва. 1999. Редакторы Л.Е. Болотин и А.Ю. Хвалин) и четырнадцатое (Живый в помощи. Документальная повесть в двух частях. М., 2009. Изд. 14-е. Редакторы: 1-й части – Птицына Л.В., Хвалин А., Болотин Л.; 2-й части – Птицына Л.В.). Последнее, 14-ое, как я постранично проверил Ваши замечания, вполне совпадает с 12-ым, коим Вы и пользовались. А вот третье, которое мне дорого, немного разнится с Вашим по тексту и кардинально отличается по нашему чувству к изданиям этой книги: Вам безразлично, какое у Вас в руках позднее издание, лишь бы автора больно ударить, а мне это третье издание и его автор дороги: как и в первые, я вложил в них сердце и душу. На моём экземпляре В. Николаев написал: ««+ р.Б. Андрею Хвалину с поклоном за сердечную помощь. В. Николаев. 12.12.1999 от Р.Х.»».

Помню, как Виктор принёс мне машинопись своей книги. Её предлагали купить за приличные для раненого, уволенного на «гражданку» офицера деньги некие дельцы-издатели. Надо было только отказаться от авторства, что вело за собой изменение главной идеи: показать путь к Богу советского офицера через ужасы и кровь афганской войны. Получался бы обычный «чернушный» боевик, коими тогда уже был завален книжный рынок. Но Виктор отверг заманчивое предложение. Поэтому его твёрдое решение не сулило ему ни денег, ни славы. Вспомните, Юрий Комягин, середину 90-х годов прошлого века – развал Союза привёл к гражданской войне, смуте, разрухе... Им противостояли Русская православная церковь и воины-патриоты. Где Вы здесь увидели меркантильный интерес автора? После того, как мы с Л.Е. Болотиным подготовили первое издание «Живый в помощи», Леонид даже свои деньги доплатил, чтобы напечатать книгу. А затем мы вдвоём вывозили её на ручных тележках из типографии одного из московских учреждений. Виктор в то время болел, плохо себя чувствовал и был гол, как сокол, а его семья с трудом сводила концы с концами... Потом у книги появился новый редактор – Л.В. Птицына, готовившая к печати вторую

часть. Мы же с Л.Е. Болотиным пожелали В. Николаеву доброго пути в литературе и занялись другими делами. Свои новые книги, если не ошибаюсь, Виктор Николаев издаёт уже в авторской редакции.

Теперь поясню на конкретных примерах, как может «дотошный, придирчивый, въедливый» читатель при «ловле блох» прийти к совершенно ложной трактовке произведения.

Вы, Юрий Комягин, ища документальной правды об Афгане, начинаете с упреков автору в путанице с родословной. Мол, перепутал дедов с прадедами. В Вашем, да и 14-ом издании, так оно и есть. А вот в моём третьем издании в главе «Предчувствие матери» читаем: «Со стороны отца **прадед** (выделено мной – А.Х.) **Виктора...**» (С. 18) – и далее по тексту. И ниже: «**Дед матери** – Григорий Астафьев...» (С. 18) – и далее по тексту. Таким образом, в нашем издании всё было правильно. Речь в книге идёт о прадедах главного героя. То есть, оказалась обычная корректорская ошибка, и Вы занялись «ловлей блох», впрыгнувших в Ваше издание. Что касается фактической стороны биографии предков В. Николаева, то зря Вы, Юрий, зубоскалите по поводу маршала Г.К. Жукова. Не по чину, да и не прилично. Вы бы отошли от талмудической мелочности и подумали головой: во-первых, семейные предания и легенды, впитываемые ребёнком с детства по устным рассказам в домашнем кругу, это не энциклопедические справки. А во-вторых, Виктор Николаев воевал во многих горячих точках, поэтому биографии его и родственников были намерено изменены. Что тут непонятного? Или Вам «лавры» партизана Рыбака из быковского «Сотникова» не дают покоя?

Расправившись с дедами-прадедами автора, Вы, Юрий Комягин, переходите непосредственно к главному герою. Шулерским приёмом профессионального каталы Вы превращаете боевого офицера в «политрука»-приспособленца. В своей критической заметке выставляете герою и автору прямо-таки «гамбургский счёт»: «Похоже, товарищ политработник так и не удосужился хотя бы мало-мальски разобраться в реалиях восточной страны, о которой он пишет свои "записки"».

Один из разделов "записок «афганца» носит название "Политручья кость". Там говорится, что **наш герой является заместителем командира эскадрильи по политчасти**. По своей **военной специальности Николаев – вертолётчик** (выделено мной – А.Х.), значит, он должен сидеть за штурвалом винтокрылой машины. В "реляции" о количестве вылетов и часах налёта тоже говорится. Тогда что Николаев делал на земле как обычный десантник? В этот момент вертолёт он бросил? Свой рукопашный бой с "оппозиционером" Николаев описывает как некую былинную схватку. (...) Нет, я не утверждаю, что В. Николаев не участвовал в боевых действиях в Афганистане. Только почему-то он об этом ничего не пишет (...). Может, настоящие будни политработника (бумаги, бумаги, ещё раз бумаги) нельзя выгодно продать? Реальные события в книге практически отсутствуют, зато текст густо пересыпан всякого рода чернухой с подробным смакованием деталей...» и т.д. и т.п.

Откроем любое издание книги «Живый в помощи», главу «Политручья кость» и посмотрим, что там, действительно, говорится о должности главного героя: «Так как Виктор являлся заместителем командира эскадрильи **И** (выделено мной – А.Х.) по политической части, то с ним приступил к душевному разговору молодой подполковник-"политрук"». (Изд. 3-е. С. 165. Изд. 14-е. С. 101).

Любому непредубежденному читателю ясно, что Виктор занимал ещё одну, основную, должность по месту службы, а зам. комэска по политчасти была – «И» – ещё одна должность как общественная нагрузка. На базе «Скоба» просто не было освобождённой, штатной должности политработника.

Дальше больше: назвав Виктора «вертолётчиком», критик напускает такого тумана, что его «читатели-вертолётчики» точно побьются в мыслительном пространстве комягинской статьи, к концу всё больше смахивающей на восторженные рецензии об американских боевиках. А ведь «дотошному и въедливому» читателю Ю. Комягину надо было просто обыкновенно не пропустить нижеследующие строки из главы «Сказочный Афган» из любого издания книги: «После того, как Виктор отдал свои документы одному из представителей отдела возглавлявшего все ПДГ (поисково-десантные группы) в Афгане, местом прохождения его службы был определён гарнизон со строительно-дорожным позывным «Скоба», или по географической карте – Газни». И ниже по тексту: **«Задача группы, в которую он будет входить, – найти и уничтожить караваны с оружием»** (выделено мной – А.Х. Изд. 3-е. С. 53).

Таким образом, главный герой книги «Живый в помощи» – боевой офицер поисково-десантной группы, а не освобождённый политработник и не «вертолётчик за штурвалом винтокрылой машины». Как говорят у Вас, Юрий Комягин, в Белоруссии, «обмылка вышла», а у нас в России добавляют: «Поздравляю Вас соврами!» Но Вы, «придирчивый» читатель, умалчиваете об истинном месте службы главного героя, чтобы и дальше выстраивать надуманную концепцию о бывшем политработнике-перевёртыше, сочинившем псевдо-документальную книгу. Хотя в многочисленных послесловиях к разным изданиям говорится именно о реальных людях, ставших персонажами книги.

В конце заметки Вы, Юрий Комягин, недоумеваете, почему восторженно отзывались о «Живый в помощи» многие «уважаемые люди», обращаетесь «по фене» к Святейшему Патриарху Кириллу и призываете В. Николаева к покаянию. Лучше бы Вы этого не делали, или не соглашались, если эти строки вставили в Ваш первоначальный текст лукавые столичные советчики. В предыдущих Ваших заметках о книге М. Веллера Вам не свойственны были столь масштабные и смелые обобщения. Поэтому я склонен всячески Вас оправдать.

Пока речь шла о «ловле блох» и обычной нечистоплотности, можно было полемизировать в литературно-критическом русле. Но как только в тексте за Вашей подписью возникли Святейший Патриарх, священники, литературная Патриаршая премия и призыв к покаянию В. Николаева – сразу ясно стало, что человек Вы, Юрий, или вообще некрещёный, или малоцерковный. Поясню популярно. Как «дотошный читатель» Вы, Юрий Комягин, конечно, познакомились с жизненным и творческим путем Виктора Николаева, знаете, какие книги им ещё написаны – все они проникнуты христианским православным духом. Виктор много ездит по монастырям, окормляется у опытных духовников. Ваш призыв к его покаянию мало, что основан на ложном разборе его только одной книги, так ещё и не имеет никакого значения для церковного человека – нет у Вас власти «вязать и решить», принадлежащей только священству. Поэтому Ваши призывы к покаянию других адресуйте лучше экзальтированным читателям «Литературной газеты» и её сотрудникам из бывших комсомольцев-полиtroков. Для них это болезненная тема, понимаю.

Далее: никогда православный человек в таком тоне и духе не будет

обращаться к Святейшему Патриарху. Это Вы веллеровскими текстами перенасытились. Надо беречь свое духовное здоровье, честь и совесть. Тогда и сотрудничество Ваше с «Литературной газетой» будет всем на пользу. И её работники станут относиться «серьёзно, профессионально и ответственно» к тем текстам, что публикуются на страницах «Литгазеты».

Мысль редакции ЛГ из редакционного резюме на заметку Ю. Комягина о том, что «учреждение Патриаршей литературной премии – одно из ключевых событий в культурной жизни страны за последнее время», всецело поддерживаю. Хорошо бы теперь на страницах ЛГ подробно рассказать о деятельности Издательского совета Русской православной церкви, о персональном составе Попечительского и Экспертного советов Патриаршей премии, как происходит выдвижение и обсуждение номинантов, о журнале «Православное книжное обозрение», отслеживающем новинки православных издательств. Давно назрела необходимость осмыслить современный литературный процесс с позиции православного человека, показать, как русская литература возвращается к своим истокам – от беллетристики к словесности. Без «Литературной газеты» и её авторов в таком большом деле не обойтись.

P.S. Да, кстати, открылся приём заявок на очередную Патриаршую литературную премию. Главред ЛГ Юрий Поляков и автор газеты Юрий Комягин вполне могут попробовать свои силы.

Владимир БУКИН

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ, или КУДА ПОДАТЬСЯ БЕДНОМУ ВЕТЕРАНУ?

*Под старость лет стремимся мы
Груз забот земных
Переложить на плечи молодые
И дотлестись до гроба налегке.*

Вильям ШЕКСПИР

«Раздался стук в дверь, и в комнату вошла симпатичная женщина в белом халате. Оглядев комнату, спросила:

– Вы один?

Получив утвердительный ответ, вышла, оставив дверь открытой.

В дверном проёме появился г-н Григорович, председатель Краевого совета ветеранов. Следом вошли директор Седанкинского дома-интерната г-н Логачёв, представитель соцзащиты г-жа Мейта и та самая женщина в белом халате. У меня осталось впечатление, что все стояли в коридоре, ожидая её выхода.

– Г-н Григорович, увидев компьютер, воскликнул:

– Ага! Компьютер есть!

Г-жа Мейта, также оглядев комнату, выдала:

– В комнате чисто, светло, температура выше восемнадцати градусов. Зачем вам нужна газета? Вам что, не выдают туалетную бумагу?

– Выдают, выдают! – поспешил заверить Логачёв, – по восемь с половиной метра на человека. Если у кого ослаб желудок, по представлению начмеда, добавляем ещё два метра.

– Ну вот! – подвела черту г-жа Мейта. – Газета вам не нужна!»

Это начало заметки, в которой я высмеял руководство соцзащиты и директора интерната за запрет на выпуск газеты. После её публикации г-н Логачёв влетел ко мне в комнату с криком: «Старый дурак! Подлец! Тебе надо бить морду, чтобы ты кровью умывался!»

Моё заявление в прокуратуру осталось без ответа.

Два года я обивал пороги чиновников, пытаюсь выпустить в Седанкинском доме-интернате для инвалидов и престарелых газету (несколько листов формата А-4), которая не облагается налогом, поскольку служит ограниченному кругу людей. В этих листках я планировал объяснить старикам их права и вскрыть все те преступления, не нарушения, а именно преступления против свободы, гарантированной нам Конституцией, и даже жизни стариков и

инвалидов. И вот официальная комиссия вынесла свой вердикт: «Газета вам не нужна!»

В санаторной зоне Владивостока, на берегу Амурского залива, в посёлке Седанка находится Седанкинский дом-интернат для престарелых и инвалидов. В 2013 году ему исполнилось 70 лет. В самые тяжёлые годы войны, когда Советская армия гнала фашистов с нашей земли, Родина не забывала стариков, чьи сыновья сражались с «коричневой чумой фашизма». Рядом с маленьким двухэтажным домиком выросли огромные современные, по тем меркам, здания, соединённые тёплыми галереями для перехода. На площади в 6 га находятся прачечная, гаражи, огромная теплица и даже собственный свинарник.

В 1996 году Дальневосточное пароходство подарило пятиэтажное здание с новыми, благоустроенными комнатами, где имеется санузел и балкон в каждой комнате. При входе в здание имеется мемориальная доска, где чётко написано: «Здание построено в дар Ветеранам ВОВ и труда».

Жить бы старикам да радоваться, но не дают им покоя алчные взгляды предпринимателей. Рядом с интернатом проходит федеральная трасса, полтора километра до пляжа Амурского залива, да здесь можно такую отличную гостиницу создать! Первым решился на приватизацию этого заведения сын экс-премьера Фрадкова. Но облом! По нашему законодательству, приватизация домов-интернатов запрещена!

Учтя ошибки Фрадкова, за дело взялся печально известный экс-губернатор Сергей Дарькин. Закон нарушать нельзя, но его можно обойти! Была создана команда из директора департамента соцзащиты г-жи Лаврентьевой (прославившейся выражением «Старость не лечится!») и директора Седанкинского дома ветеранов г-на Логачёва. Под личным руководством губернатора Сергея Дарькина явились на свет умные бумаги: интернат стали присоединять, укрупнять, перемещать. В течение пяти лет «переместили» семь раз.

Дело шло к тому, чтобы превратить интернат в общежитие для престарелых, а общежитие, по-видимому, можно и приватизировать.

Логачёв начал наводить порядок. В первую очередь отстроил сгоревший свинарник, собрав 6 миллионов с проживающих стариков (надо же семью кормить да и начальству помочь!) Вновь поселившемуся старику предлагают внести деньги в благотворительный фонд. В ответ за его благородный жест ему предоставляют одноместную благоустроенную комнату в новом пятиэтажном корпусе.

Ветерана войны, как ни крути, приходится селить в благоустроенную комнату. А вот ветерана труда – не обязательно! Раз у него нет денег, пусть живёт в старом корпусе, где общий туалет и душ, да и комната, порой, на трёх человек. Возможно, бабушка, что поступает в интернат, не отработала ни одного дня на производстве, занимаясь домашним хозяйством, но она имеет деньги, ей и почёт, и уважение.

Существует даже очередь для поселения в новый корпус среди проживающих в старом. Называется это – «улучшение жилищных условий». Получается, старики подталкивают друг друга к могиле: «Помирай быстрее! У меня очередь подходит!»

По нашему законодательству человек, сдавший деньги в благотворительный фонд, освобождается от оплаты за проживание на ту сумму, которую он внёс,

ему письменно разъясняют, куда и на что направлена данная сумма. Кроме того он должен получить документ о вкладе и сумме вклада. Но не всегда эти условия выполняются. Сдав деньги, человек ещё и оплачивает своё проживание. Однако немало ветеранов, получив вожделенную комнату, безмерно рады и даже не задумываются о том, куда, в чей карман ушли их кровные.

Головной болью для хозяев кармана становится ситуация, когда поселившийся старик или старушка имеют свой счёт в банке и (наглецы какие!) не собираются с ними расставаться. Тогда их начинают усиленно «лечить». Доказать это почти невозможно. Самим жителям интерната – невозможно точно. Известно: препараты лечат одно, но калечат другое. И вскрытие ничего, кроме разрешённых лекарств, не покажет. Но чем объяснить, что именно «отказники» быстренько, прямо по-стахановски, покидают этот прекрасный мир?

Судьба «наследства» никогда не становится достоянием гласности. Любой проживающий, пытающийся хоть что-нибудь выяснить, получает от директора стандартный ответ: «Это коммерческая тайна!»

Отстроив сгоревший свинарник, Логачёв, как и положено хозяину, использовал размножающееся свиноводство с пользой для своего учреждения. В момент закола животных, по рассказам проживающих, подъезжали машины заботливой администрации соцзащиты и (очевидно, для обеспечения закона и порядка) некоторых правоохранительных органов. Из пятисот пар глаз всегда находились те, кто ненароком оказывался в пределах прямой видимости от происходящего. Десятки людей наблюдали, как выращенную проживающими свинину грузили в эти машины. Усвоив, что это скрыть не возможно, «хозяин Логачёв» (ему невозможно отказать в изобретательности) разработал другую схему, освободив друзей от приезда в интернат. Загрузив, к примеру, пару туш в машину, под видом ветеринарной проверки увозил их в город. Назад возвращалась одна туша. На вопрос, куда она исчезла, следовал ответ: «Продал, чтобы купить комбикорм». Что тут скажешь – эффективная работа менеджера: свинарник отстроен на деньги проживающих, их заботами выращены хрюшки, и на ту же свинину приобретён корм для них. А чтобы хозяйство не несло лишних затрат, проживающий, решивший купить себе свежей свининки, чтобы побаловаться жареной картошечкой с мяском, должен заплатить. Не по себестоимости, а гораздо выше! По какой цене и сколько попадало на стол ветерану этого деликатеса, история умалчивает. Опять же – всё покрыто «коммерческой тайной».

Невольно всплывает в памяти «стыдливый воришка Альхен» из романа Ильфа и Петрова, который, командуя престарелыми старушками, краснел от стыда, но творил всё, что вздумается. Впрочем, наши радетели, кажется, если и краснели, то где-то в другом месте.

Когда, не дай Господь, кто-нибудь из проживающих (между собой они называют друг друга «доживающими») вздумывал чем-то возмутиться, его начинали переселять из комнаты в комнату, стараясь сделать соседом человека, который «с головой не дружит». Если человек и после этого не понимал, как надо жить, ему без стеснения звонили по телефону: «Будешь совать свой нос, куда не положено – получишь укол, от которого загноёшься!» Если и это не действовало, наиболее несговорчивых тихо-мирно, то есть, без следствия, суда и всяких там медицинских экспертиз, отправляли в психушку.

Одна из женщин, проживавшая в тяжёлом корпусе (это корпус, в который помещают практически неподвижных людей, потерявших способность

самостоятельно двигаться), возмутилась тем, что получала от своей пенсии ничтожные копейки. Она заявила вызванному психиатру: если не будут выдавать пенсию, выкинется из окна третьего этажа. Психиатр, не задумываясь, ответил: «Выкидывайся!»

Как могла беспомощная бабушка добраться до окна, преодолевая немислимую боль, осталось загадкой, но она «выкинулась»! По сему случаю был составлен акт, где указывалось, что всё вышло «случайно». Соседки этой бабушки по комнате беспрекословно подписали бумажку, лжесвидетельством подтвердив заведомую нелепость. А куда денешься? Что будет с тобой, если откажешься? Человек, поселившийся в интернат, подобен больному на столе хирурга. Он не может что-либо изменить, возразить и должен беспрекословно выполнять всё, что ему ни скажут...

Лопнуло терпение у стариков! Полетели жалобы во все инстанции, а в ответ приходят отписки: «Факты не подтвердились!» А как же они могут подтвердиться, когда чиновник, разбирающийся «по сути дела», только вчера лакомился свеженькой дармовой свининой. Это ведь только так называется – «дармовая», на самом-то деле за всё надо платить.

По всем каналам телевиденья показан видеоролик о бесправном положении стариков в Седанкинском доме-интернате. И никакой реакции! Кому они нужны, эти гнилые старики?

Полетели жалобы к Президенту, а они возвращаются к губернатору Дарькину, к тому самому, что создал команду по приватизации СДВ, под прикрытием которого «работает» директор СДВ. Главный краевой хозяин, возможно, и почитает их, и передаёт хозяину помельче, которого в среде проживающих прозвали: «Ловкачёв» (на счёт ловкости они все, похоже, одинаково крупные, просто огромные фигуры). Вызывает этот Логачёв-Ловкачёв старика к себе, тычет ему в лицо жалобой: «Ты писал?» У старика от страха не только руки трясутся, но и по ногам что-то тёплое бежит. Погрозит ему Логачёв-Ловкачёв пальцем и добавит: «Я никого не боюсь! Ты знаешь, кто я?»

В русских деревнях бытует такая горькая шутка: «А кого бояться? Жена по воду ушла, ребятишки спят – некого!» И пошла гулять слава по интернату о «всесильном Логачёве». Так что очередной бедный старичок замолчит и, опустив голову, поплетётся к своему концу. Если приедет какая комиссия, он директора искренне похвалит и попросит поблагодарить за заботу. Тут мысль одна: «Комиссия приехала и уехала, а мне здесь доживать, и неизвестно, что они со мной сделают!»

Автору этих строк довелось испытать все логачёвские «прелести».

Поселившись в декабре 2009 года и насмотревшись на «закидоны хозяина Логачёва», я предложил выпускать у нас газету для проживающих. Логачёв посоветовал на то, что нет денег на ремонт, который не делался уже много лет, а тем более на оборудование для газеты. Пришлось обратиться к банкирам и, описав жизнь ветеранов, попросить помочь нам финансами. Поступило на счёт интерната 280 тысяч рублей. Один из банков подарил мне компьютер для выпуска газеты и холодильник. Что здесь началось! Заместитель директора по общим вопросам г-н Московский забегал вокруг холодильника: «Это не только тебе, это нам всем!» Я не пытался даже спорить, отдал подарок в распоряжение администрации. Очевидно, полученные от банкиров деньги были вложены в банк и когда они обросли хорошими процентами, на них закупили десяток

холодильников. Мне не достался даже винтик, зато началась операция «давление» после публикации нескольких статей в газете.

Опасаясь разоблачений, Логачёв решил «обуздать» строптивного «писаку». Меня стали переселять из комнаты в комнату, всякий раз стремясь подыскать соседа побеспокойней. В течение года переселяли шесть раз. Не добившись желаемого результата, на меня натравили, скажем так, не совсем психически здорового человека.

Зам директора г-н Московский предложил отправить меня в психиатрию. Логачёв, подумав, ответил: «Нет! Он пойдёт по этапу!» Меня решили посадить. Куда было бежать, к кому обращаться? Выбор невелик. Я, не очень надеясь на успех или, сказать лучше, совсем не надеясь, всё-таки поделился своей бедой на заседании совета ветеранов. Совет этот выбирается по рекомендации Логачёва из числа самых покорных проживающих, которые всегда его поддержат. Мой вопрос остался «гласом вопиющего в пустыне».

В ответ на многочисленные жалобы стариков, опубликованные в газете «Арсеньевские вести», председателем совета ветеранов Седанкинского дома-интерната г-ном Ворониным было написано опровержение, где он, не мудрствуя лукаво, указывает, что жалобы подрывают авторитет интерната. Вот так: «подрывает» – значит, молчи в тряпочку. Интересный получается «авторитет» – стоящий лжи.

Под видом благодарности работникам столовой были собраны подписи проживающих. Одни и те же подписи сослужили двойную службу: в благодарности столовой и в письме-опровержении на имя губернатора. К «опровержению», в отличие от объективных жалоб, которые нетрудно проверить, если хотеть именно объективности, чиновная рать относится с завидным почтением. Неважно, где и какие стоят подписи. Подписантов нетрудно найти на все случаи жизни: интернат заполнен престарелыми, инвалидами и даже людьми с неуравновешенной психикой. Но главное – запуганными, лишёнными воли, боящимися «вызвать огонь на себя».

Не буду бить себя в грудь, утверждая, что я пытался бороться исключительно за права этих людей, глубоко и безнадежно несчастных. Я живу их жизнью, и хоть что-то изменить в ней к лучшему для меня представляет интерес не меньший, чем для всех остальных. Здесь всё важно – кто рядом с тобой круглые сутки, а кто всё-таки отделён хотя бы стенкой. Специфический контингент создаёт конфликтные ситуации не потому, что хочет, а потому, что по-другому не может. Но как нормальному человеку жить с психически больным в одной комнате?

Во всём мире принята такая практика, когда рядом с домом престарелых находится детский сад, дальше школа. Это вызвано тем, чтобы старики-старушки могли пообщаться с малышами. Внуков любят больше, чем детей. Нам, вечно занятым на работе, восстанавливая разрушенное войной хозяйство, некогда было заниматься детьми. Вот и желают старушки отдать нерастраченную нежность пусть чужим, но внукам.

Отгородив интернат сплошным забором из профнастила, г-н Логачёв перекрыл доступ к детскому садику. Мне довелось наблюдать картину, когда две старушки, возвращаясь из магазина, остановились у ограждения детского садика, пытаясь угостить детей конфетами. Из подъехавшей машины выскочила мамаша и потребовала не подходить к детям: «Я не хочу, чтобы мой ребёнок общался с психическими больными!»

Нужны ли здесь комментарии?

В момент выборов все проживающие дружно тянут руки вверх, голосуя за предложения директора, опасаясь попасть ему на «карандаш». Одна из газет назвала этот совет «карманным», я, вспомнив школу, назвал его «пионерской дружиной».

Как же проходили выборы в совет ветеранов «по-Логачёвски»?

Однажды уверенный в себе председатель совета г-н Воронин на очередном собрании проживающих в ответ на многочисленные жалобы поднял вопрос о переизбрании совета. Присутствовало от силы человек 50-60, они и решили «дело». Я возмущился: для законного голосования необходимо участие в нём 50% проживающих, разве 10% могут их заменить и решать вопрос за всех остальных? Но беда в том, что «все остальные» неохотно идут не только на собрание, но и на многие другие мероприятия. Бесконечная ложь как директора, так и председателя совета отбила желание многих от подобных собраний. Рассуждают они примерно так: «Что изменится, если я приду на собрание? Всё равно они сделают так, как им надо!» Когда же был поставлен вопрос о выборах, Логачёву не оставалось ничего другого, как объявить о тайном голосовании. Ко мне приходили люди и предлагали возглавить этот совет. Я отказался. У меня хватает своей работы.

Были напечатаны бюллетени со списком кандидатов в совет ветеранов: этот совет их написал-напечатал, раздал, собрал и сам себя выбрал. Эти выборы можно смело назвать пародией на выборы. Вот и стал я вскрывать все эти нарушения в местной печати.

За мной был установлен негласный контроль. В моих записях кто-то копался в моё отсутствие, письма ко мне приходили вскрытыми либо исчезали бесследно. Имея обширную переписку, я вынужден был получать их на почте до востребования.

Не выдержав столь пристального внимания, я склонился к тому, чтобы перебраться к подруге, с которой знаком ещё с далёкого 1961 года. Оказалось, чтобы старикам составить семью, необходимо «благословление» директора. Только вмешательство начмеда Храмченко разрешило проблему.

К тому времени общественная организация инвалидов отправила один из моих рассказов на номинацию международной организации «Филантроп», где мне присвоили звание лауреата. Естественно, предполагалось соответствующее подведение итогов конкурса. Но приглашение на это торжественное событие ко мне не дошло. Оно бесследно исчезло, как и мои многочисленные письма. Только друзья, встретив объявление в интернете, сообщили мне новость. Времени оставалось в обрез и, заняв денег на дорогу у друзей, я успел вовремя.

К тому моменту произошла рокировка губернаторов. На многочисленные жалобы граждан Приморского края на криминального губернатора Дарькина Москва усиленно молчала. В момент шоу Путина с народом предприниматель Андрей Голдобин задал ему (Путину) вопрос: «Когда Вы уберёте от нас Дарькина?» Путин даже растерялся. Вроде определён круг людей, обговорены все вопросы, что будут задавать граждане, и вдруг такой сбой! С трудом «переварив» информацию, Путин предложил собирать подписи... Но произошло ЧП!

Гость из Японии предложил построить в Приморье нефтеперерабатывающий завод стоимостью в 10 миллиардов долларов. Дарькин, не моргнув глазом, потребовал 10% традиционного отката. С японцем стало плохо. Пришлось

вызывать скорую. Три страны отказались приезжать на саммит АТЭС, мотивируя отказ криминальным губернатором Приморья. Пришлось под давлением «из-за бугра» убрать губернатора Дарькина. С повышением и поближе к Москве – об этом многие всю жизнь мечтают...

Находясь в столице, я попросил директора международной организации «Филантроп» г-на И.Н. Конкина обратиться к новому губернатору, чтобы мне выделили одноместную комнату в нашем интернате – для литературной работы. Такое обращение было направлено в адрес губернатора, но, по всей видимости, к нему не попало.

По нашему законодательству, использовать жилые комнаты под иные цели запрещено, но я бы работал и жил в этой комнате. Живя вдвоём на десяти квадратах, сосредоточиться для работы трудно, особенно, в моём возрасте. Человек рядом, как бы ни старался молчать и ничем не беспокоить, всё-таки выбивает из колеи: мысли рвутся, теряются, дело движется туго...

На просьбу фонда «Филантроп» председатель совета ветеранов г-н В.М. Воронин за моей спиной ответил документом, где обвинил меня во всех смертных грехах. Там же г-н Воронин облил грязью Илью Николаевича Конкина: якобы директор фонда «Филантроп» «не брезгует никакими способами в достижении корыстных целей».

За всё время проживания в интернате какие-либо мои поступки ни разу не были предметом разборок. За мной нет нарушений порядков в интернате, кроме отказа оплаты за питание в столовой, которую я не посещаю, так как экс-директор Логачёв создал все условия, чтобы мне там было невозможно питаться.

По информации фонда «Филантроп», дорога на номинацию оплачивается из краевого бюджета. Обратившись в организацию инвалидов, что выставила мою работу на номинацию, я просил разобраться с оплатой дороги. Организация инвалидов представила соответствующее ходатайство губернатору В.В. Миклушевскому. Реакция – письмо директора соцзащиты г-жи Л.Ф. Лаврентьевой, повторяющее содержанием своим вышеназванный «документ» председателя совета ветеранов г-на Воронина.

Запросив данные из архива, я получил ещё и письмо вице-губернатора г-жи Ирины Валентиновны Васильковой, направленное в фонд «Филантроп» – как легко может догадаться читатель, с подробным перечнем всех моих «преступлений». Суд наших родных чиновников – вещь уникальная. Его вердикты, могущие запросто клеймить человека и определять его жизнь до самого гроба, выносятся без адвокатов и без вёдома «подсудимого». Сколько таких вердиктов, касающихся моей скромной персоны, явлено свету в кабинетах разных столоничальников, а меня НИКУДА НИ РАЗУ не вызывали, и я НИГДЕ НИ РАЗУ не мог даже попытаться защитить себя.

Я мечтал обратиться к уважаемому фонду с просьбой о помощи в издании сборника моих рассказов, так как фонд имеет небольшую типографию. Но после писем, которыми ответственные люди представили меня фонду, мне стыдно обратиться к нему за какой-либо поддержкой.

По новой статье, принятой Думой, за клевету положен штраф в размере двух миллионов с каждого клеветника. Не знакомый с юриспруденцией, я, естественно, обратился к юристам. Едва слышав фамилию вице-губернатора, все отказались браться за дело. С трудом удалось уговорить одного смелого составить грамотное, в полном соответствии с формальными требованиями,

заявление в суд. Оно было передано в мировой суд судебного участка №26 Фрунзенского р-на г. Владивостока, откуда вернулось, поскольку... не выдержаны правила формы заявления.

Так и пылится где-то дело на чиновников, которым суд опасается даже погрозить пальчиком.

07. 09. 2013 г.

НАШИ АВТОРЫ

АРТЁМОВ Владислав Владимирович. Родился в 1954 г. в селе Лысуха Минской области (Белоруссия). Учился в Белорусском государственном университете на факультете журналистики, в Литературном институте им. А.М. Горького. Работал редактором в журналах «Литературная учёба», «Москва». Автор двух поэтических книг и нескольких книг прозы. Стихи и повести печатались в журналах «Наш современник», «Москва» и др. Главный редактор журнала «Москва». Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

БУКИН Владимир Борисович. Родился в 1939 г. в г. Якутске. Окончил вечернюю школу и школу командного состава флота (с красным дипломом). Работал токарем, слесарем, сварщиком; почти 30 лет – капитаном судна на реках Таймыра, в Заполярье. В преклонном возрасте переехал на жительство в Приморье, выполняя наказ матери найти родственников отца Бориса Николаевича Букина, родившегося во Владивостоке и в 1942 г. погибшего под Сталинградом.

ВЕРИГИН Виктор Александрович (1952-2006 гг.). Родился в г. Усть-Каменогорске. Первая стихотворная публикация состоялась в 1964 г. в газете «Знамя коммунизма» (ныне «Рудный Алтай»). Учился в педагогическом институте, служил в Советской армии. Непродолжительно, эпизодически работал: буровиком, сторожем, литконсультантом в областной газете, редактором на радио. Автор поэтических сборников «Притяжение гор», «Возвращение друзей», вышедших в Алма-Ате в издательстве «Жалын»; «Казачьи мотивы», изданного в Усть-Каменогорске. Печатался в журналах «Братина», «Простор», в других казахстанских и российских изданиях. На стихи Веригина написаны песни, пользующиеся популярностью среди земляков, особенно – в казахской общине Восточного Казахстана. В память поэта на родине проводятся Веригинские чтения.

ВЕРШИНСКИЙ Анатолий Николаевич. Родился в 1953 г. в селе Семёновка Уярского района Красноярского края. Окончил радиотехнический факультет Красноярского политехнического института и Литературный институт имени А.М. Горького. Работал в научно-исследовательской лаборатории, в газете, служил на радиолокационной точке в Забайкалье. Журналистской и издательской деятельностью занимается более тридцати лет, сотрудничал в книжных и журнальных редакциях, награждён дипломом Знака отличия «Золотой фонд прессы». В настоящее время участвует в разработке и выпуске мультимедийных образовательных пособий. Автор шести поэтических сборников, драмы в стихах «Восточный вопрос», книги исторических очерков «Русская Александрия. Средневековая Русь и Александр Невский» (диплом конкурса МГО СП России «Лучшая книга 2008-2010»). Член Союза писателей России. Живёт в городе Раменское Московской области.

ГЕЛЬБАХ Александр Павлович. Родился в 1946 г. в г. Вильнюсе (Литва). Учился в Ленинградском государственном университете, заочно – в МГУ,

окончил межреспубликанскую Высшую партийную школу в Вильнюсе. Работал репортёром, главным редактором газеты «Советская Литва» – «Литва Советская», собственным корреспондентом, заместителем главного редактора по ДВ региону газеты «Развитие» (бывшая «Строительная газета»), пресс-секретарём ОАО «Дальэнерго», гл. редактором издательства Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского. Входил в правление Союза журналистов Литовской ССР, избирался членом президиума Центральной контрольной комиссии (ЦКК) Компартии Литвы. Автор сборника очерков о Героях социалистического труда в Литве, книги «Приморский край России. Десять лет созидания», нескольких книг о людях и предприятиях краевой энергетики, путевых очерков. Публиковался в различных союзных, общероссийских и других периодических изданиях. Живёт на острове Русский.

ЗАВОДИНСКИЙ Виктор Григорьевич. Родился в 1946 г. в Приморском крае в г. Артёме. Окончил Пермский государственный университет. Автор книг прозы «Поздний визит», «Прогноз на завтра», «Игры без правил», «Бегущие по огню», изданных в Москве, Владивостоке, Хабаровске. Печатался в журналах и альманахах «Дальний Восток», «Литературный Владивосток», «Сихотэ-Алинь» и др. Участник VIII всесоюзного совещания молодых писателей (СССР). Доктор физико-математических наук, профессор. Работает директором Института материаловедения Дальневосточного отделения Российской академии наук. Живёт в Хабаровске.

КАН Диана Елисеевна. Родилась в 1954 г. в г. Термезе (Узбекская ССР). Окончила МГУ им. М.В. Ломоносова и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Работала в газете «Оренбургская неделя», редактором в издательстве «Московский писатель», преподавателем мировой художественной литературы в школе. Автор книг «Високосная весна», «Согдиана», «Подданная русских захолустий», «Междуречье», «Обречённые на славу» и др., а также многих публикаций в России и зарубежье. Член редакционных советов журналов «Дон» (Ростов-на-Дону), «Аргаташ» (Татарстан), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Гостиный Двор» (Оренбург), «Парус» (Москва), «Траектория творчества» (Калуга) и др. Руководитель единственного в стране литературного объединения «Отчий Дом», имеющего статус «народный коллектив». Лауреат премий журнала «Наш современник», «Традиция», им. В. Багрова, «Имперская культура», им. Э. Володина, им. Александра Невского и др. Член Союза писателей России. Живёт в Новокуйбышевске.

КОЧЕТКОВА Эльвира Васильевна. Родилась в г. Владивостоке на острове Русском в 1962 г. Окончила физический факультет Дальневосточного государственного университета, аспирантуру Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Староста литературной студии «Паруса». Директор издательской программы «Народная книга». Начальник штаба по организации ежегодных Дней славянской письменности и культуры на Дальнем Востоке во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Автор поэтического сборника «Фиолетовое имя» и публицистической книги «От сердца к сердцу». Публиковалась в литературных сборниках МГУ им. адмирала Невельского: «Широкое море», «Паруса», «Паруса-2», «Паруса-3», «Паруса-4»; в

ежемесячнике «Литературный меридиан», где является членом редколлегии; в газетах Москвы, Санкт-Петербурга, Хабаровска; в журналах «Пограничник», «Русский мир», «Сихотэ-Алинь». Лауреат премии журнала «Пограничник». Доцент кафедры физики Морского государственного университета им. Г.И. Невельского, кандидат физико-математических наук. Живёт во Владивостоке.

ЛЮТЫЙ Вячеслав Дмитриевич. Родился в 1954 г. в г. Легница Польской народной республики. Окончил Воронежский политехнический институт, Литературный институт им. А.М. Горького. Служил в армии, работал радиоинженером, звукооператором и заведующим литературной частью театра, инкассатором, менеджером коммерческого банка. Лауреат премии Общественной палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры», премии журнала «Подъём» «Русская речь». Ответственный секретарь журнала «Подъём». Член Союза писателей России. Живёт в Воронеже.

МЕДВЕДЕВА Любовь Георгиевна. Родилась в 1952 г. Автор более полутора десятков поэтических сборников: «Иртышанка», «Горизонт», «Сокровенное солнце», «Камнепад», «Лиловое пламя», «Неожиданный праздник», «Вселенная дышит», «Письма на лепестках сна», «Тайна просвета» и др. Печаталась в коллективных сборниках в Казахстане и в России: «Звезда на память», «Ближний свет», «Алтайские напевы» и др. Член Союза писателей России, член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств. Живёт в Усть-Каменогорске.

МИХАЛКОВ Сергей Владимирович (1913-2009). Родился в г. Москве. Советский русский писатель: поэт, баснописец, драматург, военный корреспондент, автор текстов гимнов Советского Союза и Российской Федерации. Возглавлял Союз писателей РСФСР, РФ, Международное сообщество писательских союзов. Избирался депутатом Верховного Совета СССР 8-11 созывов. Герой социалистического труда, Лауреат Ленинской, трёх Сталинских премий, Государственной премии СССР, кавалер ордена Святого Андрея Первозванного. Академик Российской Академии образования. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

ОРЛОВ Александр Васильевич. Родился в 1955 г. в с. Янды Иркутской области. Окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище. Служил в 9-й дивизии подводных лодок ТОФ, в газетах «Боевая вахта», «Красная звезда», военным корреспондентом газеты «Советская Россия». Работал специальным корреспондентом Управления информации Минобороны СССР, главным редактором издательства «Стольный град», издательства «Пресса», советником по информации Организации Договора коллективной безопасности (ОДКБ), руководителем Департамента информации и общественных связей Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества СНГ, в компании «Русский консалтинг». Автор книги прозы «Богиня самоубийц» (Москва), множества публикаций о жизни Вооруженных Сил, репортажей из «горячих точек». Печатался в альманахе «Вітрила» (Киев), «Литературном Владивостоке», во многих центральных изданиях. Лауреат литературной премии Приморского комсомола. Капитан 2-го ранга в отставке. Живёт в Москве.

ОСТРОВНОЙ Демьян (*Клещук Пётр Павлович*). Родился в 1948 г. в Амурской области. Вырос на Украине в Полтавской области. Учился в школе и лесном техникуме. Окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище и Военно-политическую академию им. В.И. Ленина. Работал в аэрофотолесоустроительной экспедиции, более 28 лет служил в Военно-морском флоте, из них – 12 на дизельных и атомных подводных лодках Северного флота. Капитан 1 ранга в отставке. После увольнения в запас работал на различных должностях в пивоваренной компании «Балтика». Печатался в литературном портале «Мой мир», в сборнике «В море, на суше и выше» и др. Живёт в Санкт-Петербурге.

ПОМИНОВ Пётр Дмитриевич. Занимается проблемами евразийства и русско-казахских литературных взаимосвязей. Автор многих статей, публиковался в периодических изданиях Института литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом), Санкт-Петербургского Государственного университета им. А. Герцена, в газете «День литературы», в сборниках научных статей Санкт-Петербурга, Москвы, Великого Новгорода, Новосибирска, Омска, Барнаула, Алматы, Усть-Каменогорска, Павлодара, в журналах «Простор» и «Нива». Наиболее значительны статьи о русской классике 19 века, русско-казахских творческих взаимосвязях. В настоящее время заместитель главного редактора республиканского литературно-художественного журнала «Простор» (Республика Казахстан). Живёт в Алматы.

ТАРАСОВ Николай Антонинович. Родился в 1947 г. в г. Одессе, с 1970 года живёт на Сахалине. Окончил филологический факультет Южно-Сахалинского государственного педагогического института. Работал учителем труда, русского языка и литературы в восьмилетней школе г. Горнозаводска, директором Станции юных техников. Участник Иркутского зонального семинара молодых писателей Сибири и Дальнего Востока (1974), VI Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве (1975). Автор десяти поэтических книг и четырёх книг прозы, стихов к песням в нескольких художественных фильмах, снятых на киностудии им. М. Горького и «Мосфильме». Публиковался в различных журналах, в коллективных сборниках, в антологиях, в альманахах «Поэзия» и др. Делегат последнего съезда Союза писателей СССР, учредительного съезда Международного сообщества писательских союзов, шести съездов Союза писателей России. Член правления Союза писателей России. Руководитель областного литературного объединения «Лира». Лауреат премии Сахалинского комсомола, Сахалинского фонда культуры, премии губернатора Сахалинской области. За вклад в культуру награждён медалью Пушкина. Член Союза писателей СССР (России). С 1988 года по настоящее время – ответственный секретарь Сахалинской писательской организации (Сахалинского регионального отделения Союза писателей России). Живёт в Южно-Сахалинске.

ТЫЦКИХ Владимир Михайлович. Родился в Казахстане (Лениногорск, ныне – Риддер) в 1949 г. Окончил Усть-Каменогорское медицинское училище и Киевское высшее военно-морское политическое училище. Служил на Балтийском и Тихоокеанском флотах на надводных кораблях, подводных лодках, в газете флота, прошёл путь от матроса до капитана второго ранга. Руководил

Приморской организацией Союза писателей России, студией писателей баталистов и маринистов Тихоокеанского управления Федеральной пограничной службы, департаментом информации и печати Морского государственного университета им. Невельского. Автор тридцати книг поэзии, прозы, публицистики, изданных в Москве, Норильске, Владивостоке, Усть-Каменогорске, Арсеньеве. Публиковался более чем в семидесяти столичных и региональных антологиях и сборниках; в журналах «Байкал», «Бежин луг», «День и ночь», «Звезда», «Знамя», «Москва», «Московский вестник», «Наш современник», «Огни Кузбасса», «Октябрь», «Простор», «Сибирские огни», «Юность» и мн. др. Отмечен лауреатскими званиями в Москве, Хабаровске, Владивостоке, Нью-Йорке, награждён медалями им. Константина Симонова, им. Генералиссимуса Александра Суворова, им. Валентина Пикуля. Заслуженный работник культуры России. Работает в Дальневосточной государственной академии искусств. Живёт во Владивостоке.

ХВАЛИН Андрей Юрьевич. Родился в 1959 г. в г. Артёме Приморского края. Окончил филологический факультет Ленинградского госуниверситета и Православный Свято-Тихоновский богословский институт. Автор книг: «Драма чеховского интеллигента», «Ещё опущен занавес», «Пока свободой горим», «Да пребудет в веках», «Восстановление монархии в России», «Покровский некрополь Владивостока» (в соавторстве с Н. Мизь), «Царская Семья и Дальняя Россия», «Преподобный Иосиф Волоколамский», «Государь и Дальняя Россия», «Прославление Царской Семьи», «Пасха Императора», в соавторстве с Ольгой Николаевной Куликовской-Романовой – «Чудо на Русской Голгофе», «Царского рода», «Живая душа. Встречи с Владыкой Иоанном (Снычевым)», «Духовник Императрицы», «Постижение России». Печатался в газетах и журналах России, Аргентины, Германии, Казахстана, США, Финляндии, Японии. Лауреат премии Приморского комсомола в области литературы и Всероссийской премии «Традиция». Член Союза писателей России. Пресс-секретарь Благотворительного фонда имени Е.И.В. Великой Княгини Ольги Александровны (председатель О.Н. Куликовская-Романова). Живёт в Москве.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ ИСКУССТВ

Центр профессионального музыкального, театрального и художественного образования на Дальнем Востоке, единственное в России высшее профессиональное образовательное учреждение, в котором объединены три вида искусств.

Выпускники академии составляют основу преподавательских коллективов всех музыкальных училищ и детских музыкальных школ Дальневосточного региона (Владивосток, Хабаровск, Южно-Сахалинск, Благовещенск, Магадан и т.д.). Актёрские труппы театров Дальнего Востока (Владивосток, Уссурийск, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре) также в основном укомплектованы выпускниками Академии.

Многие выпускники Академии занимают руководящие посты: художественный руководитель Приморского академического краевого драматического театра им. Горького народный артист РФ Е. Звенияцкий; художественный руководитель Приморского театра кукол заслуженный деятель искусств России В. Бусаренко; художественный руководитель Приморского театра молодёжи заслуженный деятель искусств России В. Галкин; директор Детской школы искусств №1 г. Владивостока заслуженный артист РФ профессор С. Арбуз; проректор ДВГАИ по творческой работе заслуженный артист РФ профессор А. Капитан; проректор ДВГАИ по научной и учебной работе, профессор, доктор искусствоведения заслуженный работник высшей школы О. Шушкова; декан музыкального факультета ДВГАИ, заслуженный артист РФ профессор Ф. Кальман; декан театрального факультета заслуженный артист РФ профессор А. Запорожец, заведующий кафедрой духовых и ударных инструментов заслуженный деятель искусств РФ профессор В. Колин, заведующий кафедрой народных инструментов, заслуженный артист РФ профессор В. Семенов и мн. др.

В академии работал народный артист РФ профессор Л. Ткачёв, ныне работают народный артист РФ профессор А. Славский, народный артист РФ В. Сергиаков, заслуженный деятель искусств, профессор Г. Низовский.

В числе выпускников Академии народный артист РФ А. Михайлов, народный артист РФ С. Степанченко, лауреат Государственной премии В. Приёмыхов, народные артисты РФ Ю. Кузнецов и С. Стругачёв, заслуженные артистки РФ Л. Белоброва и В. Цыганова, доктор искусствоведения профессор Московской государственной консерватории им. Чайковского Р. Поспелова, народный артист РФ солист Чебоксарского театра оперы и балета А. Канюка, народная артистка России С. Чумакова, известные певцы О. Корниевская и Э. Семнов, заслуженный артист РФ профессор Российской академии музыки им. Гнесиных Б. Ворон и многие другие.

АДРЕС АКАДЕМИИ: 690990, Владивосток, ул. Петра Великого, 3 «а».

Телефоны деканатов:

музыкальный (423) 2-26-08-15

театральный (423) 2-26-16-18

художественный (423) 2-22-16-32

Сайт: www.dv-art.ru

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ АМУРСКОГО КРАЯ

18 апреля (1 мая по новому стилю) 1884 года Военный губернатор Владивостока контр-адмирал А.Ф. Фельдгаузен утвердил устав Общества изучения Амурского края (ОИАК) – первой научно-просветительской общественной организации Дальнего Востока.

В работе общества в разные времена активно участвовали Ф.Ф. Буссе, И.П. Надаров, С.О. Макаров, М.Е. Жданко, В.К. Арсеньев, В.П. Маргаритов, З.Н. Матвеев, В.Л. Комаров, А.И. Куренцов, Н.А. Колотов, Б.А. Сушков, П.П. Куянцев, А.И. Щетинина, В.И. Тройнин, А.И. Васьковский и многие другие известные дальневосточники.

В активе общества многократное повторение и моделирование маршрутов русских мореплавателей и первопроходцев Г.И. Невельского, В. Беринга, В.К. Арсеньева, археологические исследования на Командорских островах, открытие и изучение ранее неизвестных науке стоянок первобытного человека, введение в садоводческую практику дальневосточников новых сортов плодовых культур, собирание уникальных материалов по истории дальневосточных земель и морей.

Важнейшим направлением в деятельности Общества изучения Амурского края является сохранение отечественного историко-культурного наследия и его пропаганда – в первую очередь среди молодёжи. Информационные ресурсы Общества доступны самому широкому кругу сограждан, активисты ОИАК бескорыстно ведут многообразную научную и просветительскую работу, открыты для общения и сотрудничества со всеми, кому дорога наша земля, кто готов внести посильный вклад в развитие Приморья, в изучение и сбережение его исторического наследия, его неповторимых природных богатств.

Адрес Русского географического общества (Общества изучения Амурского края): **690090, Владивосток, улица Петра Великого, 4.**

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА «НАРОДНАЯ КНИГА»

Издательская программа «Народная книга» существует с 2000 года. Изначально программа патронировалась Управлением культуры администрации Приморского края, Приморским отделением общества любителей книги России и Приморским отделением Фонда культуры России. Нынче осуществляется при участии Дальневосточной государственной академии искусств, Морского государственного университета имени Г.И. Невельского, Приморского краевого Фонда культуры, Русского географического общества (Общества изучения Амурского края).

В рамках издательской программы вышло 110 книг, объединенных в серии: «Автограф», «Библиография», «Благодарная память», «Вместе», «Литературные юбилеи», «Наши писатели – нашим детям», «Новые имена», «Портреты», «Поэзия», «Проза», «Проза: лучшие книги о земле Приморья», «Раритет», «Родина моя», «Свой голос», «Университет на Верхнепортовой».

В числе авторов программы:

Станислав Балабин, Сергей Барабаш, Людмила Берестова, Виктор Бусаренко, Александр Гельбах, Павел Гельбах, Владислав Гусаров, Ирина Дружинина, Иван Елизарьев, Тамара Жарикова, Евгений Жуков, Марина Зайцева, Юрий Кабанков, Татьяна Каширская, Лев Князев, Валерий Королюк, Эльвира Кочеткова, Виктор Красавин, Татьяна Краюшкина, Валерий Кулешов, Александр Куликов, Игорь Литвиненко, Борис Максюткин, Олег Матвеев, Василина Орлова, Галина Островская, Ия Пермякова, Светлана Плахутина, Вячеслав Протасов, Вера Саченко, Вячеслав Седых, Владимир Силкин, Марианна Смирнова, Вера Степанова, Ирина Субботницкая-Колотова, Николай Хромовских, Валентина Чупина, Зоя Шадрина и многие другие.

Программой выпущены в свет книги переводов с английского (Эмили Дикинсон), белорусского (Леонид Дранько-Мойсюк) и немецкого (Генрих Гейне) языков, переиздана книга самобытного дальневосточного писателя Ивана Басаргина, издано несколько коллективных детских поэтических сборников.

«Народная книга» – программа некоммерческая, она осуществляется благодаря бескорыстному сотрудничеству авторов и любителей литературы на средства, пожертвованные меценатами и вырученные за книги издательской программы.

Адрес директора программы «Народная книга»:

**690090, Владивосток, 90, а/я 138. Эльвира Васильевна Кочеткова.
e-mail: haos216@mail.ru**

ХУТОР ЗАПОВЕДНЫЙ

База отдыха «Хутор Заповедный» находится на берегу бухты Заповедная, на границе Лазовского заповедника, в 4 км от острова Петрова, знаменитого уникальной тисовой рощей и бухтой «поющего песка».

Для отдыхающих подготовлены всесезонные деревянные дома, домики летнего типа и площадки для установки палаток.

Море, песчаный пляж в пешеходной доступности – 5 минут по тропинке.

В маленьком озере на территории базы (глубина 3 метра) можно купаться – вода речная, проточная, вход в озеро с мостика.

К услугам гостей душ, баня, туалет.

На базе работает кухня: питание (комплекс) по предварительному заказу.

На территории базы беседки, мангал, бесплатная не охраняемая авто-парковка.

Прокат квадроциклов. Организация экскурсий.

Лазовский район, 28 км. от посёлка Преображение, 8 км. от пос. Киевка.

Администратор базы: 8 924-327-8670

Управляющий базы: 8 951-005-2829,

8 914-682-1536

Сайт турбазы: <http://khutor-zapovedny.ru>

Офис во Владивостоке: **(423) 251-77-20.**

ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ «ОГНИ КУЗБАССА»

Издаётся с 1949 года. Поддерживает творческие связи с литературно-художественными периодическими изданиями Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Красноярска, Тюмени, Барнаула, Бийска, Хабаровска, Иркутска, Томска, Владивостока, Арсеньева.

Адрес редакции: 650000, г. Кемерово, Советский проспект, 40. Телефон 36-85-14. Электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru Сайт: www.ognikuzbassa.ru Журнал можно приобрести в Доме литераторов – проспект Советский, 40; в Новокузнецке – в киосках фирмы «ВестиЧ» во всех районах города. Подписаться на журнал можно в «Курьерской службе» фирмы «ВестиЧ» по адресу: проспект Metallургов, 54. Справки по телефону 60-05-85.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ «ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН»

Выходит в свет с 2008 года. Единственное на Дальнем Востоке ежемесячное литературное издание. Издаётся на средства подписчиков и благотворителей.

На страницах «Литературного меридиана» публикуются признанные и талантливые начинающие литераторы из многих городов России, ближнего и дальнего Зарубежья. До конца 2012 года подписчики получили 62 номера с их произведениями.

Адрес для корреспонденции: 692342, Приморский край, г. Арсеньев-12, а/я 16. Телефон 8-914-666-1-999. Адрес электронной почты: Lm-red@mail.ru
Сайт издания: www.Litmeridian.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Александр ОРЛОВ. БОГИНЯ САМОУБИЙЦ	3
Демьян ОСТРОВНОЙ. ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ	64

ПОЭЗИЯ

Владислав АРТЁМОВ. АНГЕЛ МОЙ...	37
Диана КАН. НАСТАЛА ПОРА	55
Анатолий ВЕРШИНСКИЙ. ОЗАРИЛАСЬ ДУША...	112
Николай ТАРАСОВ. С ТОБОЮ ЗАОДНО	132

РУССКИЙ ГЛАГОЛ

Любовь МЕДВЕДЕВА. «СЛЕД КАЗАЧЬЕЙ ПРАВДЫ Я ИСКАЛ»	141
Виктор ВЕРИГИН. ЖИЛ ДА БЫЛ ЧЕЛОВЕК	147

ПЕРЕДОВАЯ

Вячеслав ЛЮТЫЙ. ПРИЗРАК ЛИТЕРАТУРЫ	69
Эльвира КОЧЕТКОВА. «НЕ СПИ, КАЗАК...»	123

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Сергей МИХАЛКОВ. НА СЛУЖБУ НЕ НАВЯЗЫВАЙСЯ, ОТ СЛУЖБЫ НЕ ОТКАЗЫВАЙСЯ	100
--	-----

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ

Виктор ЗАВОДИНСКИЙ. ЧЕЛОВЕК ИЗ ДРУГОГО МИРА	156
--	-----

БЫЛОЕ

Александр ГЕЛЬБАХ. ПО ВОЛЕ ВОЛН... ИЛИ ПРОТИВ?	45
---	----

ЕВРАЗИЯ

Пётр ПОМИНОВ. ТОЧКА АРХИМЕДА	119
---	-----

НАСЛЕДИЕ

Андрей ХВАЛИН. «МИР СО ВСЕМИ ЯЗЫКИ»	169
«СЛОВЕСА МЯТЕЖНА...»	174

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

Владимир БУКИН. ЗАМКНУТЫЙ КРУГ, или КУДА ПОДАТЬСЯ БЕДНОМУ ВЕТЕРАНУ?	180
--	-----

НАШИ АВТОРЫ	188
--------------------------	-----

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ ИСКУССТВ	193
--	-----

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ АМУРСКОГО КРАЯ	194
---	-----

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА «НАРОДНАЯ КНИГА»	195
--	-----

НАШИ ДРУЗЬЯ

ХУТОР ЗАПОВЕДНЫЙ	196
-------------------------------	-----

ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ «ОГНИ КУЗБАССА»	197
--	-----

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН»	198
--------------------------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ	199
-------------------------	-----

«СИХОТЭ-АЛИНЬ»
2013
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 2 (14)

Издаётся на пожертвования и средства
от продажи изданий «Народной книги».

Ответственные за выпуск: *Татьяна ЗАКОРСКАЯ*
Эльвира КОЧЕТКОВА
Вёрстка: *Владимир КОСТЫЛЕВ*
Обложка: *Джон КУДРЯВЦЕВ*
Технический редактор: *Иван КОНЧАТНЫЙ*
Корректор: *Елена ГАЗУКА*

Подписано в печать 28.02.2014
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman».
Формат 70х108/16. Усл.п.л. 25
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ЗАО «Полицентр»
г. Арсеньев, ул. Заводская, 5.
Тел. 8(42361) 4-45-89.

**Вильнюс – столица
Литовской Советской Социалистической республики
(памятник генералу Ивану Черняховскому, командующему 3-м Белорусским фронтом, освобождавшим Прибалтику от фашистских захватчиков, в независимой Литве демонтирован)**

**Вильнюс, 2012 г.
Литовские девушки
со свастикой**

**Вильнюс, 2012 г.
На плакате: «Евреи вон» («Raus» от «heraus» – «изнутри наружу»)**

**Материал А. Гельбаха
«По воле волн... или против?» –
на странице 45**

**200 лет со дня рождения адмирала
ГЕННАДИЯ ИВАНОВИЧА НЕВЕЛЬСКОГО
(1813-2013)**

**Памятная доска на Петровской косе,
установленная участниками яхтенного похода
по путям Г.И. Невельского**

**Яхта
«Командор Беринг».
Свежий ветер**

**Яхта «Отрада»
под всеми парусами**